

Алексей Яшин

Житие наше оцифрованное

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

**ЖИТИЕ
НАШЕ ОЦИФРОВАННОЕ**

Москва
Академия российской литературы
«Новые Витражи»
2019

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 329 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-6041722-7-8

Самодостаточно мыслящий человек, которых, к сожалению, как утверждает наука биопсихология, не более восьми процентов от «штатного списка» жителей Земли, понимает сущность, назначение и, увы, эволюционную необходимость пресловутого «перехода от слова к цифре». А именно: *расчеловечивание* социума и перевод его в качество *человейника* (оба термина введены выдающимся советским и российским ученым-логиком и публицистом А. А. Зиновьевым) в период глобализации — начала перехода биосферы Земли в качество ноосферы (по учению академика В. И. Вернадского). Ноосфере уже не нужен разумный индивидуальный человек, но востребован виртуальный, цифровой глобальный коллективный разум. И вот вослед за уже «оцифрованным» Западом-Востоком наше отечество, чтобы навсегда не отстать в новейших технологиях, активно включилось в цифроизацию. Понятно дело, в глобализирующемся мире промедление смерти подобно. Но Русь есть страна особая, в каковой всегда наличествует сочетание несочетаемого: директивные стахановские темпы и верховенство родной до безобразия суконно-цинковой бюрократии. ...Вот и с оцифровыванием, хоть плачь, а может смейся, все в том же ключе получилось: как всегда, говоря афоризмом достопамятного премьера Черномырдина.

Даже в эпоху гнетущего расчеловечивания русский человек не теряет чувство юмора и доброй сатиры. Прочитав эту книгу, вывод читатель сделает сам для себя. Заодно поухмыляется и позлорадствует над своим оцифрованным бытом. Это тоже в нашем посконно-домотканном, добром в основе, характере. Все новеллы объединены единством главных персонажей.

Иллюстрация на обложке

Олеси Янгол (Юрмала, Латвия).

Политипажные иллюстрации в тексте из староизданных книг конца XIX — начала XX вв. Подписи к ним А. А. Яшина.

- © Яшин Алексей Афанасьевич, текст, подписи к иллюстрациям, 2019
- © Олеся Янгол (Чмыр Олеся Владимировна), обложка, 2019
- © Яшин Алексей Афанасьевич, художественное оформление, 2019

...Разъяснится сущность электрической и магнитной сил, после чего человеческое слово делается лишним, и все позднейшие люди будут понимать друг друга без слов, как теперь понимают только влюбленные, находящиеся под особенно сильным тяготением противоположных токов.

Н. С. Лесков «На ножах», 1871

Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику.

Л. Д. Троцкий «Литература и революция», 1923

Представим себе, что Александр Сергеевич Пушкин реинкарнировался в наши героические дни битвы за торжество частной собственности, физического, нравственного и умственного извращения. Скоренько, в две-три болдинские осени создав свои гениальные произведения, он явился, выбрав по справочнику, в солидное столичное издательство. К высокому гостю вышел сам главный редактор, он же владелец контрольного пакета акций ОАО «Издательство «Пушкинский дом», попросил оставить материалы для прочтения. Через две недели А. С. Пушкин получил по почте вежливый отказ; впрочем, издатель писал, что при переработке разговор можно продолжить: «...Стихи сейчас не идут, переделать в рэп для диджеев дискотек. А для продвижения, раскрутки прозы, конечно, усилив эротические моменты, обязательно нужен скандал, ну-у, например, дуэль с боксером Тайсоном». Пушкин вздохнул, нашел по интернет-справочнику номер и позвонил Дантесу.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК САЛОННЫЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА (Вместо предисловия)

*Когда-то мы возьмемся за журнал!
Мочи нет хочется...*

Из письма А. С. Пушкина
к П. А. Вяземскому, 1825

Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всеобщий литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее — и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская... конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непереносимом условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», что есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью организованности. Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма вздох-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившемуся грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей рус-

ской словесности, что она одна в современном глобальном мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человеки с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: *цифрофрения*.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развала! — это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособственности — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ...Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист — *«мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*. И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сей-

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. — Тула, 2016. — 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

час нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр.— это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человеёнику (термин А. А. Зиновьева: как пчельник, муравейник, термитник...) безо всякой нужды — и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма,— стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каких все более и более становятся «толстые» литературные журналы и... региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и от-

сутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с условно своими областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» — в силу творческой инерции, как машинист паровоза не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономя на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакома прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных

административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению «кирки» с прихотжами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных репутации хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

...И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по определению (см. эпиграф) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем заодно и русской классики. *Rex Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уваже-

ния к героизму издателей нынешних журналов мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави, бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно вызывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнины во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого издания свой салон авторов и — дай, бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравнили в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренности». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнильной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить...), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти

продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ...Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...), однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру.

...Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (все сейчас требуют *minimim minimorum!*), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие

устроения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вообще прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: *«Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует»*. Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: *«От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>»*. После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест...», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: *«Дозволено военного цензурой <дата>»*. В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгор-

комхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, также уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...*

Трудно сейчас живется профессиональным литераторам: прозаикам, поэтам, драматургам, песенникам-текстовикам. Раньше о них заботился Литфонд, а сейчас каждый сам себе хозяин-барин. Самые умные давно нашли способ пропитания: редактирование заводских многотиражек. А самые промысловые — то же самое, но только в части газет-однодневок к очередным выборам. Как говорится, и нашим, и вашим — с нашим же удовольствием и с расчетом из партийной кассы. А уж фирмиаму вам воскурим? — Ведь за плечами-то не один десяток лет воспевания самой мудрой, самой правильной в мире партии!

Но всякое счастье имеет и конец. Задумались матерые акулы пера: кончается лафа, она же малина и бутерброды с красной икрой; черная только на банкетах победившей группировки. Как-то быстро, почти в одночасье, количество выборов сократилось: на время отпали губернаторские, самые доходные. А с введением партийных избирательных списков и вовсе харч оскудел. Это всему народу хорошо видно по резкому сокращению предвыборной макулатуры в утренних почтовых ящиках. Еще год-два и прекратится кормушка вовсе. Но дело-то идет к единой и мудрейшей, а ей опыт старых газетчиков-литераторов наверняка понадобится. Не унывайте, собратья по перу!

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ ИЗ ВОДОПРОВОДА

Историческое сказание от Гостомысла до
наших дней*

*Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?*

В. А. Жуковский

♦ История как матерая профессиональная содер-
жанка: под кем почивает, тому и осанну воспевает
своим подружкам — коллегам в *spa*-салонах, фитнесах
разных, в ресторане на девишнике удачной то-
варки, что окрутила-таки своего толстосума, убедив
придурка во всем, что не касается долларов и евро,
что-де он у нее первый, а девственной плевры у нее с
рождения не имелось. Бывают, дескать, такие *осо-*
бенные женщины. Слово *особенные* насторожило
было папика, ибо припомнил, что в нынешнем сло-
воречии особенными, политкорректности и толерант-
ности ради, публично и изустно именуют клиниче-
ских сумасшедших, половых извращенцев и вообще
всех персонажей человеческой комедии с какими-
либо недостатками... а может уже и достоинствами,
коль скоро таковые заволокли телеэкраны. Но
удачливая кандидатка в супруги инвалютного мил-

* Упаси бог подумать, что эта повесть — сатира в кон-
кретный адрес! Только сугубая констатация того явления, что в
наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны...
даже самим себе. Вообще-то к 85-летию Союза писателей.

лионера свела все к шутке, умело подольстив своему суверену, что и он по своей торгово-воровской части особенный везунчик: не счесть, сколько раз под следствием состоял, но каждое не то что конфузом и узилищем завершалось, а извинениями судейских и прокурорских чинов...

Так в присущей ему ассоциативной манере умственно рассуждал известный в университете и вообще в Тулуповске большой оригинал и заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов, идучи поздним уже утром на *службу*. Числился он за биологическим факультетом, а почему именно на службу, не просто на работу шел? Он охотно при случае пояснял интересующимся: «Со времен первых университетов и театров на Руси только в отношении профессоров и артистов — на фоне всей остальной партикулярной, то есть невоенной и нечиновной, среды — употребляется определение «служит», а не «работает».

Рассуждал же Игорь Васильевич, к тому же главный редактор созданного им научного журнала «Феномены разума. XXI век», на историческую тему, шествуя теплым еще сентябрьским утром по тротуару главной улицы губернского города, по той обыденной причине, что, вынося вчерашним вечером мусорное ведро (его домашняя служба), узрел возле их дворовой помойки стопку школьных учебников и вообще книг для юношеского просвещения. Надо полагать, некий недоросль одолел-таки курс новомодной одиннадцатилетки и, не имея более младших возрастом братьев и сестер, удалил из квартиры тягостные материальные напоминания о годах мучений и скорбей о напрасно потраченном времени, оторванном от завлекательного общения с компьютером. Компом — по их словоизъяснению.

Игорь же Васильевич, как человек разносторонний по интересам, давно порывался ознакомиться с каким-либо историческим руководством, ныне изда-

ваемом для средних учебных заведений. И — удача! Поверх неряшливых видом книжек в бумажно-картонных переплетах как раз, словно ожидая нового владельца, как дождливым или морозным днем дворовый кот, плача от голода, безнадежно ожидает добрую двуногую душу, что возьмет его на квартирный постой с гарантированной пайкой еды, лежал учебник отечественной истории для школьников второй ступени.

Отужинав чем бог послал на сиротское профессорское жалованье, Игорь Васильевич, предварительно, как истовый аккуратист, протерев учебник тряпкой, сбрызнутой дезинфицирующим простонародным одеколоном «Дипломат» — с лощеным молодым армянином на флаконочной наклейке, — прилег на диван... и уже до самого «отбоя» на сон в одиннадцать часов не выпускал книгу из рук. Даже кот, здесь уже речь идет о личном домашнем, забеспокоился: дескать, не захворал ли хозяин? Покурить всего три раза в отхожее место сходил, все с той же книжкой, на кухню с дежурными на вечерний аппетит бутербродами никакого внимания, самое потрясающее — часто смеется ехидно, а чаще — баритонным хохотом. Еще кот, давно квартирующий здесь на правах полной автономии личности и свободы убеждений (*liberte, egalite, fraternite*), а потому досконально знающий внутренние порядки, приметил: пользуясь странным болезненным состоянием хозяйна, хозяйке попустительствует, то есть смотрит она по телевизору ненавистную для первого передачу, в которой ражие молодые и косящие под таковых бабы вцепляются друг другу в крашенные волосы, дерутся-бьются за девяностолетнего актера с богатым киношным прошлым и нынешним банковским счетом. Экс-же-актер отстраненно смотрит на побоище немигающим старческим взором и тихо повторяет: «Раз нет интимной близости, то нет и брака».

◆ ...Как раз перед входом в свой университетский корпус Игорь Васильевич завершил свое умствование по части истории-проститутки. Не самой по себе, конечно, но в блудодействии сочинителей руководств по оной.

Не успел он, войдя в свой кабинетик, заварить чай и продолжить начатое вчера успешное доказательство — был он биофизиком с хорошим знанием математики — теоремы об экспоненциальном спаде-нии качества самоосознания своего мышления у компьютерно-интернетовских «сидельцев», как, извинившись, что без предварительного звонка («Проходил мимо твоего корпуса и зашел наудачу»), Скородумова навестил давний знакомый с вычислительного факультета, матерый доцент Привалов. А знался он с добродушнейшим Григорием Анатольевичем еще с тех пор, когда Игорь Васильевич, защитив свою первую докторскую — по техническим наукам — диссертацию, покинул зашатавшееся в начальные «лихие девяностые» Конструкторское бюро «Меткость», ранее флагман отечественного оборонпрома, и устроился в университет на этот самый вычислительный факультет.

— Чайку за компанию?

— Очень даже не откажусь. И под чаек малую фляжку вроде как неподдельного коньячку захватил.

— О-о! Значит с серьезной темой, как говорят современные деловые люди, пришел...

— Не деловые так говорят, а бандюганы, Васильич. Я же пока с предложением к твоей милости прибыл.

...Под дальнейшее чаепитие и «легкий звон бокалов» — в нарушение университетского устава и вообще всего директивного уклада нынешней жизни — и «тема» из прозрачности намека обрела реальную суть:

— Понимаешь, Васильич, у нас на кафедре образовался аспирант...

— Тю-тю-тю, Анатолевич, ход твоей мысли уже уловил: сбегать молодца под мое научное руководство, да? Но у меня уже имеется джентльменский набор: десяток докторов защищенных и двадцать кандидатов. Причем, по пяти отраслям наук: от технических до медицинских; так что я и здесь оригинал большой — в части отраслей-то. Под второй бутылки в нашей славной рюмочной «Наливай-ка!» мне уже со смехом намекают насчет книги Гиннеса; говорят, по «инту» справлялись: вроде как с тремя-четырьмя отраслями фигурируют граждане и господа «вченые», но с пятью не встречаются... А раз такой набор имеется — для всяких отчетностей, премий и грантов,— то и мне докука с аспирантами, тем более нынешними охламонами и бездельниками, более не нужна. Других дел по горло: две серии монографий сочиняю, журнал опять же...

— Ты, Васильич,хвати-ка рюмаху и дослушай. Дело говорю.

— Парень-то как раз неординарный попался, как ты любишь цитировать кого-то умного: «С лица не общим выражением». Опять же кафедра по защите информации, куда меня сейчас по приказу о расформировании прежней, нашей еще с тобою, что конструированием ЭВМ занималась — не нужны уже в нашей стране умеющие проектировать вычислительную технику! — определили, совсем новая, этого самого «научного лица» не имеет, профессоров еще не настругали, так что даже формального руководителя по части аспирантуры не имеется. Но главное в другом. Я хотя и старинного закала *доцент с портфелем*, но журналы в университетской библиотеке по въевшейся привычке просматриваю, тем более номера твоих «Феноменов разума». И нюх меня на тематику еще никогда не подводил: ведь при твоём отращивании к интернету, даже в наукообразной его части, да еще тратить уйму времени на программи-

рование, то есть самую черновую и тупую работу... словом, разве не нужен тебе способный и трудолюбивый — не чета всем остальным нынешним! — парень, что будет за свой интерес работать на тебя, всю чернуху и монотонность на себя возьмет? А ты поставишь ему целью и задачами диссера доказательство или опытную проверку своих высоколобых идей... Да еще три года будешь от универа доплату за руководство получать; худо-бедно, на «Наливайку» будет хватать!

— Тпр-ру, охолопись, Григорий свет Анатольевич, сам стопку слабоподдельного в организм введи. Не скрываю: люди работающие мне нужны; таких и ранее подбирал, что составили мой «джентльменский набор». Но сейчас ведь таких упертых нет! И какой интерес вашему кафедральному аспиранту так корячиться — ведь я его на полном серьезе работать заставлю? Почему как не все сейчас: чуток наукообразить дипломную работу и — вперед к защите! Кадры даже с липовыми степенями нынче универу позарез нужны ведь. Какой-то совковый у вас аспирант...

— Давай по последней и суть раскрою. Никакой Володька не совковый, даже очень современный, то есть о будущем думает и все ходы, как шахматист, просчитывает. Родственник у него по матери в Москве если не первое-второе место, но где-то в руководящей пятерке кресло занимает в некоторой конторе — я даже не интересовался в какой, меньше знаешь, крепче спишь, — занимающейся этой самой информационной защитой, в том числе шифровальным делом. Он-то, Володька, уже сейчас там на полставки во вспомогательной службе работает вахтовым методом, а родственник-протезист настропал его: дескать, защитишь диссертацию на близкую к нашему профилю тему, так дам тебе стартовую должность замначальника отдела плюс служебную однушку в пределах часа езды от центра. Так как...

— Все понял. И заинтересовался. Подумаю все-
рвез и через тройку дней ответ дам. Скорее всего
положительный.

— Уф-ф, Васильич, камень с души снял!

— Твой-то какой интерес?

— Чисто служебный: пока кафедра своих про-
фессоров не понаделала, меня определили в ответст-
венные за подготовку молодых кадров. И тебе все-
гда рад помочь по-дружески...

◆ К окончанию трудодня, лихо завершив доказа-
тельство, с использо-ванием сложных математиче-
ских соотношений, включая энтропию Реньи и фор-
мулу Фробениуса — Перрона, теоремы о резком
поглупении нынешних *недолайкиных* — интернетчи-
ков, Игорь Васильевич засобирался домой — прямо
к свежеваренному супругой борщу и пока еще дос-
тупной для профессорского оклада содержания жа-
реной картошке с куриной грудкой. Хотя и не немец,
но чистопородный русак, Игорь Васильевич был ак-
куратистом и не приступал к новому делу-докуке, не
завершив предыдущего. То есть все прикидки и раз-
мышления по части чем занять образовавшегося аспи-
ранта Володю он отложил, сразу после разговора с
доцентом Приваловым, на завтрашний день. Но —
человек полагает, а бог располагает.

Путь домой лежал между корпусами университе-
та — студгородок с советских времен вольно рас-
кинулся обочь главного проспекта Тулуповска почи-
тай на три квартала, — а посредине этого пути рас-
положилась рюмочная «Наливай-ка!». Правда, не
совсем удачно расположилась: как-то само собой в
последние годы правило не проносить стопку мимо
рта вышло из исторической русской и советской
обыденности, особенно в университетской среде.
Студиозусов отвлекли от этого святого дела кругло-
суточное оглупление интернетом и умеренная клубная
спайсовая наркота. Молодые и среднестаршие пре-

поды по принципу тусовки (у Петьки есть, а я чем хуже?) наскребли денег на автомобили — при нынешних, все ужесточающих строгостях по гаишной части еще сто раз подумаешь — опрокинуть парутройку стопок, если завтра за руль садиться? Матерые же, еще с советских либеральных времен, профессора и доценты опасались доносов и уличений даже в умеренном винопитии: боялись увольнения, что для них, более ничего в жизни, окромя талдычанья лекций, не умеющих делать, было смерти подобно. Вот она, глобализация с Запада: не надо и сухой закон объявлять!

...В планах Игоря Васильевича, тем более, что воспоминание о позднеутреннем дармовом коньячке испарилось, проходившего мимо гостеприимной «Наливайки», вовсе не мыслилось заскочить в рюмочную, но...

— Игорь Васильевич! Рад вас видеть, — шутейно раскинув руки для дружеского объятия, навстречу ему и как раз на траверзе «наливайкиной» двери шел Андрей Матвеевич Бурцев. Он же главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия», писатель-прозаик, — сколько же мы не виделись, дорогой профессор?

— А год с лишним после того, как вы посетили наши с Николаем Андреяновичем «каминные четверги» в пригородном доме моего свояка, тестя брата Виктора, Прокофьяча. Еще интересно вы рассказывали о тулуповских писателях...

— Как же, как в лицах помню ту замечательную беседу у камина: Николай Андреянович, старый морской волк Прокофьяч, его хлебосольная супруга Тихоновна и, разумеется, философский кот Мичман! Эх, хорошо тогда посидели-поговорили...

И как-то не сговариваясь, на автомате-автопилоте вошли они в дверь «Наливайки».

...На бывшей святой, потом советской благодущ-

ной, а ныне торгово-спекулятивной частнособственной Руси самое разлюбезное для человека занятие — встретив давно не виданного знакомого, вволю с ним поговорить под бутылочку *этого самого*, ныне властью и официальным «общественным мнением» порицаемого. Уже профессорская супруга сняла со слабого разогречивочного огня плиты свежесваренный борщ, а на картошку с обидевшейся и скукожившейся куриной грудкой и вовсе рукой махнула, а наши некогда случайные знакомцы, перейдя на дружеское «ты», все говорили и говорили в полупустой «Наливайке». Клиент по средам шел неторопко, как будто вспоминал среду советскую: отрезвляющий «партийный день»; четверг же был «рыбным», даже в простонародных распивочных на закуску выдавали запеченный в тесте хек по рупь-сорок килограмм (это то, что сейчас в телерекламе пышно именуют импортным словом «нагетсы»...).

Для завязки обсудив очередные инициативы партии и правительства об увеличении возраста доступа к алкоголю, табаку и пенсиям, а также заметив о всенародной, почти что холерической, любви народа к футболу, любимой игре Старика Хоттабыча, перешли к более серьезной теме, начатой еще полтора года тому назад у камина Прокофьяча: о потере современной художественной литературой читателя, полностью ударившегося либо в мелкое частнособственничество, а в массе своей — в сугубо биологическое выживание со все дорожающей «потребительской корзиной»... наполненной генномодифицированными овощами, пальмовым маслом и напичканной антибиотиками курятиной. Самое существенное, что по закону общесистемной обратной связи читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих. Исчезли уже ко второй каплятылетке нового века и тысячелетия профессиональные писатели, а еще сохранившиеся любители — как

стенгазетчики советской поры — все плоше и плоше сочиняют; в прозе — одни неумелые зарисовки, в поэзии — частушка или «про розы-морозы...».

— На носу, достопочтенный Игорь Васильевич, хотя и не круглый, но все же юбилей нашей областной писательской организации. Вот я и сочинил, естественно, для своего журнала, никто в городе и области не напечатает, нелюбезную историю этой некогда крепкой, почти что писательски добротной, организации...

— Ну и славно, драгоценнейший и лироносный (уже по паре стопок приняли, добродушествовали) Андрей Матвеевич! Тиснешь в своей «Срединной России», чего здесь стесняться правду матку резать! Я в своем журнале, хотя бы и научном, для пользы дела и не такое пишу.

— Все то так, Игорь Васильевич, как говорили римляне, *bonum sibi oppositorum fac melius*, то есть делай лучшее из предстоящих тебе благ, но сомнения одолевают: писатели суть народ обидчивый, соринку в чужом глазу за версту различат, а в свой адрес даже на похвалу морщатся, дескать, не «известный», а «известнейший»! Боюсь сонм врагов себе этой публикацией нажить... хотя с ними не особо общаюсь. Самостийный я человек. Тем более, что по отдельности письменники наши люди неплохие, душевные даже... порой.

— Ну-у, волков бояться — в лес не ходить. И мы алаверды по латыни: *fac bonum et omite malum* — делай добро, избегая зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно. Как у дедушки Крылова, особенно у Салтыкова-Щедрина...

— Во-во, Игорь Васильевич, метко в цель наводри! Я как раз планирую первый номер журнала в следующем году двухсотпятидесятилетию Ивана Андреевича посвятить. А Михаил Евграфович и вовсе

почти что наш тулуповский земляк! Сам знаешь, в низу проспекта что ни солидный дом дореволюционной постройки, так по табличке памятной, а то и по две, в честь наших великих и выдающихся писателей! А на здании коммунально-строительного техникума, что рядом с Пушкинским сквером с его же бюстом, мраморная плита с указанием, что-де в таких-то годах Салтыков-Щедрин возглавлял в этом доме казенную палату, областное казначейство понынешнему значит. А такая должность соответствовала статскому генералу!

Кстати, Игорь Васильевич, свой знаменитый «Город Глупов», как утверждают литературоведы, Михаил Евграфович «списал» именно с Тулуповска; есть нам чем гордиться... И нигде он долго не задерживался со своим острым взглядом и еще более острым языком. Только обустроится в каком городе в генеральском чине, а его р-раз! И переводят в другой. Поскольку же собственно упущений по службе за ним не наблюдалось, то по русскому чиновному обычаю переводят с повышением в чине. Так и до вице-губернатора сначала в Рязани, потом в Твери! Самое интересное, когда в советское время к юбилею решили поставить ему памятник, то обкомы всех городов, где Салтыков служил, руками и ногами открепивались от такой символической чести! Чуть ли до сакрального «положить партбилет на стол» не доходило... хотя это уже перебор в слухах.

...Увы, уважаемый профессор, нет у меня, убогого, таланта по части характерных зверушек импровизировать. Увы, не получится — реалист я закоренелый, поздно переучиваться. Хотя идея твоя архизаманчива: «История писарей Тулуповского леса». Какое звучит? Наверде «Медведя на воеводстве» Михаила Евграфовича... Не-е, не осилю.

— Стоп! Изволь идти к стойке за добавочной четвертинкой коньяка — мысль у меня мелькнула;

*Матерый профессор, лауреат и орденосецу
обоих режимов — предыдущего и нынешнего,—
поучает самого способного из нынешних своих
аспирантов:*

*— Ты, Егор, парень умный и старательный.
Диссертация у тебя идет хорошо. Несомненно,
со временем из тебя получится достойный уче-
ный-экономист. А экономика — это двигатель
прогресса в наше время самых смелых реформ и
гигантских национальных проектов...*

*— Василий Матвеевич, я что-нибудь не так
делаю?*

*— В общем-то есть один нюанс. Как бы
это... э-э, сейчас у нас патриотизм в фаворе, а
ты все практические примеры для своих теорий
прямо как по американскому учебнику «Макро-
экономикс»: производство «кока-колы», лизинг
оборудования для ее же изготовления, транс-
портная логистика для «пепси-колы»...*

*— Так ведь на самом деле у нас эти фирмы
на рынке прохладительных напитков главенст-
вуют?*

*— Ну, это всем понятно. Но нельзя ли для
благозвучности на защите диссертации, оста-
вив все цифры и выкладки, оперировать, напри-
мер, напитком «Колокольчик», а?*

*Заулыбался умный Егор, а на защиту вышел
с маркетингом кваса.*

озарило, словом, как сейчас на новорусском языке говорят: пазлы сошлись! И мой интерес с твоим объединился.

♦ В пятницу пополудни к профессору Скородумову пришел востребованный аспирант-шифровальщик Володька. В телефонном разговоре еще поутру с аспирантом в гости набивался и сосватавший его доцент Привалов. «С благодарностью от кафедры», — намекнул Григорий Анатольевич. Но Игорь Васильевич ответил тому обоснованным отказом: «Перенесем благодарность на морковкины заговенья, то есть на потом. Сегодня у нас на факультете день бдительности: две девицы востроносые из охраны труда с утра шныряют по этажам, в кабинеты и аудитории то и дело заглядывают, мужиков со всякими глупыми вопросами в коридорах останавливают, чуть не целоваться лезут — принимают. Как советские парторги по понедельникам со своей паствой... Ищут курящих в корпусе и которые с похмелья... Сам понимаешь, Анатолич, как говорится: «Не до того, Федя, не до того».

С понятливым, что профессор по одному внешнему виду давно научился определять, аспирантом он долго ляссы не точил.

— Дескать, молодой человек империи новороссийской, я и так три дня не разгибаясь исписывал для тебе — компьютером я не пользуюсь — под полусотню листов бумаги. Поскольку ваше поколение недолайкиных написанный от руки текст не воспринимает, то, будь добр, покорпи и переведи его для себя в печатный. Тема — вот она, вначале, сверху обозначена — новое слово в части защиты информации и шифровального дела, что и требуется для твоей блестящей карьеры. Далее: развернутый план на все твои аспирантские года упражнений: со схемами, алгоритмами для программирования, базовыми логическими и математическими соотношениями, списком

литературы по различным разделам информатики и тех же логики с математикой, что ты обязан знать от корки до корки. Мои книги из списка возьмешь в университетской библиотеке или в *своем* интернете найдешь: они на многих сайтах помещены. Спрашивать буду строго, но отечески, с пониманием — человек сам себе светлое, сейчас в долларах и еврах, будущее кует. До конца текущего года, а это почти четыре месяца, пройдешь, как у меня с вашим братом принято, курс молодого бойца. Согласно плану диссертации, у тебя значится небольшой параграф в заключении вводной главы: практический пример иносказательного перевода обычного разговорного, например, литературного, текста в более архаичную форму — так называемое спектральное шифрование; термин мой, в *инте своем* не ищи. Я все расписал, в том числе постановку задачи на составление программы, вот на этих, отдельно прошитых степлером — господи, во что русский язык класс-гегемон превратил! — листах. Для конкретики примера возьмешь сказки Салтыкова-Щедрина; надеюсь, и сейчас в школе их упоминают: ну-у про премудрого пискаря, медведей-воевод и другие. По поисковику найдешь в *своем* интернете их оцифровку и по программе, которую составишь вот по этой постановке задачи, составишь частотный словарь языка Михаила Евграфовича в части его сказок. Исходный текст для иносказательного перевода здесь, — усмехнувшийся Игорь Васильевич протянул аспиранту флешку писателя Бурцева с текстом истории Тулуповской писательской организации. — А на этом листе я перечислил персонажей первичного текста в сопоставлении с лесным и домашним зверем. Все прочие пояснения я тебе написал. Сейчас иди в отдел аспирантуры, оформляй мое руководство, утверждай план диссера и вообще скоренько — из сердца вон, с глаз долой — всю бюрократию завершай и — к делу!

Аспирант Володька чуть помялся и начал благодарить...

— Что? Отец, говоришь, при умеренных капиталах? Это замечательно, но я человек со странностями, как всему университету известно, с аспирантов денег не беру. Мне достаточно официальной оплаты за руководство, а главное, нужны твои результаты: я их ведь под свою новую теорию применю. Конечно, со ссылкой на Владимира-свет-такого-то, оказавшего неоценимую помощь и так далее. А главное, сейчас времена архистрогие по мелочным денежным делам настали, как говорится, алтынного вора вешают, а полтинного чествуют!

Обескураженный будущий шифровальщик осмелел...

— Да? Дед твой, говоришь, для домашнего пользования самогон не хуже фирменной виски гонит? И на клюкве настаивает? Это интересно... в целях научной дегустации, разумеется. И под всякие статьи не подпадает. Что ж, заноси перед праздниками — всеми советскими, включая Сталинскую конституцию, и, как у Райкина, Парижскую коммуну и пасху. О датах справься в инте. Ладно, свободен. Сюда часто не шастай, не отвлекай меня. Используй изобретение америкоса Белла, телефон то бишь. Потом, я все архиподробно тебе расписал, особенно до конца этого года. Привет деду-естествоиспытателю!

...Возвращая в ностальгической «Наливайке» — точно в оговоренный срок, за день до бой курантов, президента и оливье — бытописателю нравов Бурцеву его флешку, дополненную «переводом на салтыково-щедринский», Игорь Васильевич заметил:

— А знаешь, Андрей Матвеевич, что меня в тогдашней нашей сентябрьской беседе за этим же столиком натолкнуло на мысль, оказавшуюся столь полезной для тебя, меня и умного аспиранта Володьки,

действительно, отменный клюквенный самогон деда которого мы сейчас из-под полы пьем?

— Теряюсь в догадках, дражайший Игорь Васильевич. А самогон отменнейший! Всякие там «Джонни Уокеры» и «Белые лошади» — помой по сравнению. Словом, умелец из гуц трудового народа. Извиняюсь, по мозгам оный сильно шибает. Так что же подвинуло на архиполезную для всех нас мысль?

— А имя автора «Архипелага ГУЛАГ»а, что незначай промелькнуло у тебя. Дай, конечно, бог ему успокоиться в ином мире от своего оголтелого антисоветизма, но мне-то вспомнилось, что был он одним из инициаторов развернутой на Западе кампании клеветы на нашего великого Шолохова; мол, Михаил Александрович незаслуженно получил Нобелевскую премию, поскольку «списал» «Тихий Дон» с рукописи расстрелянного в застенках ОГПУ-ВЧК белогвардейского офицера — писателя... Крюкова или Крючкова? Не помню. Александр Исаевич даже толстенную книгу «Бодался теленок с дубом» на эту тему сочинил... Как и «Архипелаг» *сочинил*.

Западняки не русские, нет бы сплюнуть и растереть, всю чушь всерьез принимают, вот и поручили Шведской королевской академии провести компьютерный текстологический анализ — сопоставление текстов «Тихого Дона» и всех других произведений нашего великого писателя. Что тамошние, не кормящиеся «от Кремля», академии и сделали. К огорчению западных хулителей и лично Солженицына (но он не успокоился!) Шолохов оказался Шолоховым. Разливай «клюквенную»!

...Номер своего журнала с «Историей писарей Тулуповского леса» Бурцев успел-таки издать к некруглому юбилею писательской организации, предпослав ей эпиграфом слова почитаемого им русского философа-космиста Бердяева: *«Мне всегда хоте-*

лось, чтобы оголенная правда была наконец обнаружена». Вот она, история.

◆ «История, именуемая до напечатания пространных сочинений на указанную кем надо перспективу гг. Карамзиным и Костомаровым «российской гисторией», есть наука умственная и полезная для воспитания юношества, но зане своеобразная. Если исторического сочинителя в его кропотливых упражнениях подстегивает, яко ямщик коней разлетевшейся тройки, торопясь домчаться до первого после городской заставы трактира или кабака, алчба правдивости описания, но соотнесенная с указаниями цензурного ведомства при Свщ. Синоде, то читателя томов, набранных мелким шрифтом, более всего удерживает в порче зрения при ознакомлении с написанным сожаление о потраченных деньгах — в серебре и даже в крупных ассигнациях.

И не то, что писчебумажное искусство неверно Скрижали Истории в оттисках типографских литер представляет, но во всяком благоустроенном людском обществе, как рассуждает немецкий смутьян и сицилист Карла Маркс, обозначаются внутренние и внешние сущности противопоставлений человеческих устремлений. Исторический сочинитель все правды, согласованной с кем надо, жаждет. Цензор, особенно если он по синодской принадлежности, суть сторонник благочиния и отсутствия в написанных текстах всяческих резких осуждений. Его резонный девиз по древней истории: «Что было, то сбылось и не нам о том судить». По новейшей: «Улита едет, когда-то будет».

Читатель же, держа кукиш в кармане камзола из недурственной фабрикации аглицкого сукна — это где овцы землеша сьели, — все более сокрушается о потраченном серебре и ассигнациях, особенно тех, что с портретами исторических и нынешних царей... Разумеется, его и приблизительная, дозволен-

ная кем надо правда Скрижалей Истории интересует, но огорчает все тот же губительный для глаз мелкий шрифт, чуть ли не петит и нонпарель, хотя и понимает сочинитель исторических трактатов: очень много и многоречиво хочется сказать о Скрижалях, но кто тогда будет покупать в книжных лавках издательств А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, Саблина, братьев Сабашниковых и прочих огромное число исторических томов с крупным, как в синодальном печатании Библии, шрифтом? Словом, все по Марксу — не издателю А. Ф., но Карле: единство борьбы и противоречий, что он подсмотрел в диалектике немца же Гегеля...

Но в современном благоустройстве жизненных стихий, невзирая на Марксово противопоставление желаний и чаяний историка, цензора и читателя, манкировать знанием Скрижалей недопустимо. Не то что кварталный, тем более пристав и — бери куда выше! — исправник уездный за незнание истории распорядятся насчет съезжей и дальнейшего праведжу. Нет, конечно, давно не в дикости и самодурстве наша жизненная тропа пролегает, хотя бы и петляя часто, как заяц следы свои от охотника-лукаша замечает. Сейчас благонадежность обывателя рука об руку с начальственной снисходительностью, как шерочка с машерочкой, по прешпекту шествуют к туманной светлой будущности. Соответственно такому регламенту, и знание истории почти что обязательно. На худой конец — рекомендательно. Опять же, повторимся, не от кварталных, приставов и их высококородий исправников. *Arbitrium proprium*, как из латинских грамматик гимназисты, даже без упраздненных ныне воспитательных розог, усваивают: сиречь по собственному усмотрению и выбору.

И образовательные департаменты в целях удаления юношества от неблагонадежных компаний, зачиная от церковно-приходских двухклассных школ и

далее по восходящей до университетов, устремляют малосмышленные еще головы к пользе знания истории... или хотя бы прилежание в изучении оной, если не надеются на худую память школяров и студюзов. Каждый да обретет положенное ему, говоря от Писания.

...И еще одна мода в наше благожелательное и стремящееся к просвещению время объявилась: даже если волею судеб и иных радений на кого чин большой наложен, все одно, будь-стать добр в календарно обозначенный срок, даже если на каникуляциях в заморском роздыхе обретаешься, явись во время оно в свой департамент и ответь проверочный урок по истории, для надежности и вящей вразумительности сноровки к занимаемой должности, совмещенной с наукой географической. Наверное, чтобы в твердом уме держал постоянно: где ты сам-один сейчас творишь малую историю, в каком пространстве: лесистом, промысловом, степном, железоделательном, или вообще с горюч-камня, светильного фонарного газу, керосиновых промыслов заводчика Нобеля, — себе и отечеству пользу доставляешь? Никак без того нельзя, чтобы даже высшие чины самых первых классов, согласно табели о рангах, не помышляли об истории: откуда есть и пошла родная земля.

Правильно же сочиненная ближняя история, вкупе с целеустремленно переписанными набело летописями и глухими преданиями старины глубокой, хотя бы сочинитель и сам в молодости застал эти времена и видел их воочию, привносит в радостную действительность радикальное и повсеместное отрезвление от якобы сложившихся издавна в мыслях людей пагубных настроений и побуждений ко всякой необдуманности не то что поступков, но даже мимолетных намеков действовать не по пристойности. Словом, холостого сватом не посылают...

Все тот же настырный немец Карла Маркс с

сотоварищем своим Федором Энгельсом всю историю человечества по календарным табелям расписали: когда мы от образины-облезьяны вылупились, когда началась добровольческая деятельность по распространению здравых мыслей в обществе... а потом общество это отрезвилось и произошел процесс поголовного освобождения от излишних мыслей, чувствований, а теперь и совести. Еще немчура эта настаивает на разделении труда мысленно взрослеющего человечества. Продолжая их перспективу, и мы можем безнаказанно и вольнолюбиво рассуждать о разделении оброчных и иных тягот и выделении сообществ людей творящих Историю и описывающих это творчество, то есть появлении в подлунном нашем мире *класса* писателей. В свою очередь, и этот класс постигло дальнейшее разделение на сугубо исторических сочинителей, восторженных поэтов-пиитов (именно в их среде много любителей зеленого змия), суровых прозаических изъяснителей и так далее. Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к одной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Иппокрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиопе, Клио, Мельпомене и Талии.

Писатели ничем не хуже всех остальных земных постояльцев, потому и они с самого своего начала резонно заявили о необходимости наличия собственной истории, понятно дело, полагая занести свои имена на ее сверкающие Скрижали. Ничто человеческое писателям не чуждо. Поначалу в обществе такая резонность представлялась тускленькой и мало-серьезной. Но на то они и сочинители, умеющие таким изворотливым умом вползать в человеческие души, добрались куда надо во властных верхах и получили там — дескать, уймитесь теперь и больше не приставайте! — благословение: пишите о себе что

хотите, только особо не либеральничайте и благочиния хоть для приличия придерживайтесь.

И пошла, поехала писать губерния! От общих, мировых и отдельных царств-государств, писательских историй, спускаясь все ниже и ниже по географической лестнице, от царств к наместничествам и генерал-губернаторствам, далее к просто губерниям и областям казачьих войск на окраинах, потом к уездам, отдельным городам и местечкам, а затем и вовсе к волостям, создавались и до бесконечности дробились истории возникновения, процветания и, увы! — угасания местных Кастаньских ключей и окормляющих провинциальных сочинителей муз. *Иносказательно*, чтобы не возвеличить слишком одних и не умалить ненароком дарований других сочинителей, придадим литературному тиснению краткую историю тулуповских писателей.

♦ «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро скачет», — сказал опять-таки немец, остряк Бисмарк. Но в написании всяческих историй поспешность непотребна. Здесь ближе к истине французы с их *laisser passer, laisser faire*, то есть тише едешь, дальше будешь. Но русские эту присказку переводят еще более вразумительно, навроде как «дурак на дураке сидит и дураком погоняет». Не то чтобы история писарей Тулуповского леса прямо-таки пестрит этими малопочтенными господами... нет, как и в других лесах окрест и до границ леса вообще, до которых во все стороны света тридцать три дня скачи и не доскачешься, все в соотношении со статистическими подсчетами земских управ.

Тако же и мы начнем с некоторой древности, перелистывая омшелые и запыленные своды летописей, что, почитай, с ветхозаветных времен дятлы на древесной коре трудолюбиво записывали своими клювами. С появлением же книгопечатания и первых губернских типографий, разрешенных великими рев-

нителями грамотности Магницким и адмиралом Шишковым с его обществом бесед любителей русского слова, дятловы клювописания были переведены в литерные наборы и оттиснуты на бумажных листах *инфолио*, затем переплетенных в тисненую кожу, содранную за недоимки с различной лесной сволочи и отданы для сохранения и прочтения интересующимся древней лесной историей в публичную библиотеку, учрежденную на паях просвещенным тулуповским купечеством.

Вот из этих летописных томов мы и почерпнули знание оно о начале писарства в Тулуповском лесу, обитатели которого — разношерстная сволочь, платящие налоги обыватели и нарочито просвещенные звери — исстари гордятся, что их губернский центр, это как пень посреди округлой лесной поляны, даже на два года старше столицы *Нашего леса*! Такую дозволенную официально уверенность кроты-краеведы питают из обнаруженной в одном из томов свода летописей Тулуповского леса, в которой литерно оттиснутая на нетлеющей веленовой бумаге с водяными знаками фабрики купца Мясоедова дата первого объявления в Истории оной чащобы была решительно перечеркнута, а поверх явно блудливой рукой гимназиста III класса ныне выцветшими железисто-галлусовыми чернилами начертана цифирь на три сотни лет старше... В полном административном восторге управа Тулуповского леса в близкие к нынешним времена, когда вошло в популярность «считаться чинами», и объявила повселесно, даже до немых обитателей вод довела через урядников-головлей, полагать датой первого упоминания их леса на Скрижалях Истории рукописание дотошного, явно из начинающих нигилистов, гимназиста...

Начальное писарство в темные и дремучие времена по тысячелетнему обычаю *Нашего леса* сводилось к доносительству по закону, намного позднее

опубликованному ученым англичанином Дарвиным: борьба всех против всех. До изобретения писчебумажного промысла подметные письма рукописались на берестовой коре, благо этих веселых видом дерев в Тулуповском лесу произрастало превеликое множество. Доносы по начальствующей у зверья части начинались всегда с преамбулы: «Ваше степенство, вы отцы наши, мы дети неразумные ваши...» Затем следовал собственно сутяжный навет, а завершалось настоящей просьбишкой «взыскать с тяглового Барана в его, Волка, пользу недоимку в частном расчете в размере семнадцати рябчиков...»

Надо пояснить, что рябчик являлся единообразной лесной денежной единицей. Причем даже Филин, на что уж неисправимо глупая птица, понимал: расплачиваются в лесу не собственно живыми или придушенными в силках, замороженными на льду в гостинодворских погребах рябчиками, но их нарицательными именами-званиями, отчеканенными на полushках, грошах, копейках, серебряной мелочи и — козыряй куда выше! — вплоть до крестовиков, полумпериалов и ассигнаций «сашенек», «петруш» и «катенек». Но общее число этих *купил*, как в лесу называют деньги, всегда в точности приведено к одному знаменателю: числу живехоньких и здоровых рябчиков, что, не ведая о своем высоком предопределении, прохлаждаются себе в северных лесах.

Полтыщи с солидным гаком лет — от указанной безымянным гимназистом даты записи на Скрижалях — писари Тулуповского леса на этих самых скрижалях ничего путного не оставили. Доносы на бересте выщвели, скукожились в присутственных местах и по мере надобности пускались на растопку печей в морозные зимы. Пергамент стоил невероятных купил, да и новомодная бумага не в один рябчик обходилась... Так вольнолюбивое писарское дело в лесу и завяло, не успев распуститься. Но по прошествии

Пришел местный композитор Нотострочицкий Аким Стронгинович в департамент культуры областной администрации: может какие заказы имеются, а то совсем обнищал, даже музы, не говоря о земных женщинах, перестали его посещать. Принял его, правда, в коридоре, на ходу, не заводя в кабинет, чиновник по музыкально-хоровому разряду Тертуллианов Акинфий Амосович:

— Есть, дорогой вы наш Аким Стронгинович, заказ на музыкальное оформление к дню города; надобно спешно, в оставшуюся неделю сочинить пяток бравых маршей. Оплата, увы, по расценкам детского музыкального творчества. Сами понимаете, по культурной программе все выделенные средства ушли на перепрофилирование бывшего кинотеатра в досуговый центр.

— Вы что, Акинфий Амосович, издеваетесь? — Я про оплату и сроки.

— А что, других заказчиков у нас в городе вы не найдете, а сроки... Будьте проще. Возьмите забытые советские марши и скоренько переанжируйте их под уже готовые текстовки поэта Демьяна Омшанникова, кстати, вашего соседа по дому. И ничего здесь зазорного нет. Вот, например, некто известный в Гражданскую войну, проживая в Ростове-на-Дону, где власть менялась раз в месяц, всегда про запас имел две аранжировки под схожие тексты: одну для генерала Миллера, а для заменившего его Буденного под новый вариант текста всего-то три доминанты в нотах менял. А многие марши 30—40-х годов очень даже напоминают марши Третьего Рейха. Так-то!

Подумал чистоплюй Нотострочицкий и отказался. Совсем забыли его губернские Музы, а из женщин только судебная приставша стала приходить — описывать имущество за долги по квартплате и электричеству.

указанных лет и в тулуповскую чащобу долетели отголоски новых веяний по части грамотности и вообще дозволенного кем надо просвещения. Правила тогда *Нашим лесом* восприбывшая из Неметчинской дубравы царица, восплавшая приязнью к просвещению. В губернском центре Тулуповского леса учредили типографию с добротным набором тискающих на бумагу литер, начали издавать публицистические куранты «За родную труппу». К курантам начали подтягиваться и проснувшиеся от вековой спячки писари. Их власти к курантам и типографии подпускали строго в соотнесении с их статскими чинами, предупредительно наущая не допускать в своих сочинительствах вольтерьянства и масонства, занесенных из Гальского леса.

К великому огорчению, на писарские Скрижали в тот век из Тулуповского леса попал всего лишь один Бобер, что по приказу царицы возводил в болотных окрестностях хоромную берлогу для ее незаконнорожденного дитяти — подальше от царского дворца и всего лесного светского бомонда. Болотный тот Бобер уникалом оказался: многоярусную плотину обочь хоромной берлоги соорудил, на изведенной площади прежде дикого леса парк по аглицкому манеру разбил; слыл аж до самой столицы *Нашего леса* болотный Бобер по агрономической части, но хорошо и грамоте разумел, сочинил в целиковых двух пудовых томах личное свое жизнеописание, которое и в столице получило замечательные референции от самых высоких писарских чинов, что в казинетовых и плисовых вицмундирах с бриллиантовыми анненскими звездами щеголяли. И вовсе привел Бобер в пристойное изумление всех статских и военных генералов, университетских академиков и профессоров своими начинаниями в лечении от всевозможных хворей елестричеством, изготовив подсобные для этого богоугодного деяния елестрические

машины. В родному лесу обыватели и всякая чащобная сволочь слухи о том друг дружке сплетками передавали: дескать, Бобер-то наш единой електрической искрой всю хворобную соплю из носа вышибает!

Но... на писарских и иных Скрижалях так один Бобер и укрепился; иных тулуповцев близко к ним не подпустили в тот просветительский век. А все отчего? — Оттого, что, невзирая на объявленное устремительство к благоустройству лесных чащоб и всех буреломных завалов, дороги от тулуповских застав до столицы с изобилием типографий и курантов, в числе которых и специальные писарские имелись, содержались в крайней степени неудовлетворительными. Опять же писарям, по их легкомысленному статскому рангу, прогонных рябчиков на проезд тройками с подставой губернским казначейством не полагалось. А как на Скрижалях зацепиться, ежели не тискаешь свое сочинительство в толстых столичных курантах? Признаться же в отсутствии наличия способностей и талантов лесная звериная гордыня сопротивлялась.

Другая же причина та, что исстари тулуповцы, полагая за баловство всякие иные занятия, тем паче изведение дорогой бумаги на туманное сочинительство, все повально и подушно занимались от казны железоделательным мастерством. Вся лесная челядь постукивала от зари до зари молоточками. Вот идет писарь местный в поисках сюжета для своего малохлебного сочинительства и видит такого мастерового енота или какого другого зверя. Спрашивает: «Чего, малопочтенный, творишь?» — «Дело творю». — «Да ну-у?» — «Вот те и ну, котёлки гну! Погну-погну, еще найду. А хочешь сюжету — к целовальнику веди для разговору...» Но нет у нищего писаря ни рябчика за душой. А без сюжету, понятно дело, к сочинительству даже и не приступай!

Скверно и уныло для тулуповских писарей за-

вершился административно возведенный век просвещения.

◆ Следующее столетие началось в сиянии внешних блестящих злодейств и кровопролитиев, попавших на самые высоты Скрижалей Истории: воинственный корсиканский Волк, завладевший Галльским лесом, от природных натуральных, а потому и своеобразных, злодейств прокормления сильного слабым, в мании величия начал попусту терзать все окрестные леса и даже до столицы *Нашего леса* добрался. При всем том косил Волк под либералиста вольтерьянского пошибу, однако в *Нашем лесу* поопасался дать волю лесной сволочи и иным обывателям, за что те, крепко забидившись, взяли его в дреколье, топоры и вилы. А команду над ними принял умный и храбрый Барсук, потерявший еще ранее один глаз в сражениях, заманивший Волка в свою нору и выпустивший на него гончих стаю со словами: «Ты сер, а я, приятель, сед. И волчью вашу я натуру знаю. Поэтому обычай у меня такой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!»

Как то заведено в писарской среде, блеск кровопролитиев воодушевляет на сочинение эпических поэм, многомудрых романов и исторических легенд. Вот в такой-то ажитации писарство Тулуповского леса взлетело на горные вершины Скрижалей благодаря проживавшему там Льву — не по табельной должности, каковая за ним вовсе ничтожной записана была, но по величию его писарского умения и данному при рождении таланту. Сам он в сражениях умного и храброго Барсука супротив корсиканского Волка участия не имел, поскольку еще не появился тогда на свет, но, спустя полсотни лет, сочинил в четырех увесистых томах такое величественное жизнеописание тех героических кровопролитиев, что на века вперед и по всему лесному миру сам елико прославился и даже отблеск вершинных Скрижалей на-

ложил на писарство Тулуповского леса. Жил-здоровствовал тот Великий Лев долго, сочинил он под девяносто томов многомудрых житий и наставлений, но из мира ушел не парадно для своей значимости: не то что поругался со своей хозяйкой и многочисленным потомством, что жило на писарские рябчики за его сочинительство, но очень беспокоился за моральную убогость всех обывателей и — особенно — управителей лесного мира. Тайно покинул родовую свою пещеру, в дороге расхворался и без должного ухода отдал богу душу.

...В наступившем после злодейств и кровопролитиев, учиненных корсиканским Волком, порядке и благоустройстве *Нашего леса* писарство, по преимуществу обходя стороной Тулуповский лес, в невиданных дотолем эмпиреях устремленно возросло в столичных и университетских центрах. Дабы в своих упражнениях восторженные писари не отходили от наступившего благочиния и не подпускали в своих рукописаниях, далее оттиснутых литерами на бумаге фабрикации купца Мясоедова, излишних надежд, а также вольтерьянства и масонства, особая комиссия под водительством адмирала и образовательного министра Шишкова ввела в регламент писарства, в дополнение к прежнему «вы отцы наши, мы дети неразумные ваши», словесное узаконение: «Самодержавие, православие, народ», — призывая мастеровых гусяного пера, зловредно склоняющихся по своей подлой мыслительной сущности к бедствиям, нищете и угнетенности всей лесной сволочи и прочих обывателей, к аккуратности и выдержанности в излагаемых чувствованиях. Негласно, то есть без статей законоуложений и наставлений всем чинам от урядников и кварталных до уездных исправников и городских полицмейстеров, писарям рекомендовалось в своих рассуждениях о ничтожном положении тяглого зверья постоянно держать в своих головах (мол,

един в уме держим, а другую цифирь грифелем на аспидную доску заносим...) вечную и неустаревающую в *Нашем лесу* руководящую присказку: дескать, царь-батюшка дал всему населению леса жалованную грамоту, но злые бояре-чиновники ее перехватили и неведомо где глыбко в землю зарыли... Присказка эта ведет свой род от Гостомысла и братьев Рюриков, и продолжению того рода никто не препятствует. На этот счет в том же описываемом веке благопорядка и регламента один признанный столичный писарь съязвил: «Вот приедет барин, барин нас рассудит!»

Правда, пущая в обращение и для вящего руководства эту нетленную присказку, власть придерживающие уточняли: обличение злыдней-чиновников ограничивать сверху, согласно табели о рангах, чином коллежского асессора, то есть статского майора. А выше — нут-ка!

Но здесь ушел в отставку (пора, мол, на пенсию — в сенат!) министр-адмирал Шишков, так что писари во множестве распустились: во множестве — потому что грамотность лесных жителей, особенно в столицах и университетских центрах, следуя общему прогрессированию цивилизации и культуры в мире, усилилась. Появились на смену вольтерьянцам и масонам нигилисты и сицилисты. Особенно из поповских детей, то бишь разночинцев, персон по родовой памяти хватких, мол, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа! И пошло, и поехало — впереди фельдъегерских троек помчались нигилисты и сицилисты!

Не минуло сие Тулуповский лес, где доселе великий Лев в гордом своем одиночестве изрекал на весь мир истины добра и самосовершенствования. Хотя и не первостатейного писарского ряда-табели, но замеченные общественностью *Нашего леса*, объявились, числом два, свои обличители, со склонением скорее к сицилизму, нежели к нигилизму. Поскольку

они носили одинаковые прозвища, ибо вышли с разницей в несколько лет из Успенского урочища Тулуповского леса, и оба являлись склонными к сарказму енотами, то их и посейчас полагают родственными братьями. Но не так это вовсе: даже в кумовьях не состояли. Один славу поимел от обличения тулуповских мастеровых, которые все котёлки гнули себе и гнули; другой же по крестьянской части обидное для власти высказывал. Первый крепко дотянулся до третьего яруса писарских Скрижалей, второй еле за четвертый ухватился... Но и то слава Тулуповскому лесу, хотя в водных его займищах не одни раки водились, но и рыба по ихнему регламенту присутствовала.

Ближе к окончанию этого, не очень-то лавроносного — исключая, разумеется, Великого Льва, — для писарей Тулуповского леса века объявился в оном сочинитель не без искры божией, легальный сицилист по общественным своим убеждениям, к тому же пользовавшийся тулуповских обывателей по знахарской, медикусной части. Прожил он долго, до середины века последующего. Также обозначился на ярусах Скрижалей своими описаниями медикусной практики в Тулуповском лесу, жизни и творений самых великих писарей *Нашего леса*, а еще переводом на принятый в нем изустный и письменный язык сочинений древнейшего писаря-поэта далекого, за тремя морями, Эллинского горнолесья.

...Прошедший век для всех писарей как собственно *Нашего*, так и в частности (и в малой масштабности) Тулуповского лесов ознаменовался не только тем, что писари все о конституционных свободах болтали, но более значительное случилось: впервые с дремучих первобытно-лесных времен в столетии этом писарство получило административно и пачпортно утвержденный статус не любительских упражнений, но сугубой профессии. Хотя бы и без включения в табель о рангах даже в малых чинах «почетных гражд-

дан», то есть от коллежского регистратора до десятого класса, а также получения присвоенного оклада содержания в четко обозначенном числе рябчиков. Прокорм им и прогонные до столичных и университетских центров с готовыми для печатания творениями, подъемные для устройства своих берлог, пещер и дупел шли токмо от тисканья в публицических ведомостях и особенно в толстых писарских курантах и печатания целиковых книг и собраний сочинительств в типографских заведениях Саблина, А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, братьев Сабашниковых — для последующей продажи знающим грамоте обывателям и даже тем из лесной сволочи, что обучились в двухклассных церковно-приходских школах.

Коль скоро писарь пописывает, читатель почитывает, а оный за чепуховину «без идей и направления» рябчики свои в книжную лавку не понесет, то и приобретшие воскормляющую их профессию писари посерьезнели умственно, хорошо правописанием по учебнику «Пространной русской грамматики» Николая Ивановича Греча, что с другом своим Фаддеем Венекдитовичем Булгариным («за что кукушка хвалит петуха? — За то, что тот кукушку хвалит...») толстые писарские куранты «Сын отечества» издавал, овладели, гимназии и даже университеты пооканчивали, сочинять приобькли с душевным трепетом к различным звериным чувствованиям, с лавированием (чтобы через цензора проскочить в печатание) между сочувствием обездоленной лесной сволочи и обывателю и обличением — не выше чином коллежского асессора, как было заведено — власть имущих и придержащих. И если утверждали вольнолюбиво, что «в нашей лесной глухомани невинный за виноватого как раз сойдет», то явственность такого неверноподданнического утверждения приглушали рассуждениями о малой пользе «лишних мыслей, совести и чувств».

«Что же попишешь,— горестно рассуждали писари в свободное от сочинительства время в узком кругу,— необходимость есть жестокий учитель!»

...Но в целом поголовный переход писарей в прошедшем веке от шутейного любительства их тезоименитых предшественников к обретению одобряемого общественностью рода полезных занятий, всем на пользу пошел. Писари разохотились творить разумное, доброе, вечное, руководствуясь заученным в гимназические годы латинским девизом *quaere perfectionem quantum potes*, что значит стремиться к совершенству, насколько это тебе по силам... да еще толику таланта имея. И такого в сумме всего им написанного натворили, что весь прошедший век во всемирном растительстве был поименован «веком писарства *Нашего леса*».

И лесному народу, коль скоро число грамотных, ввиду успехов министерства просвещения в открытии народных училищ, постоянно возрастало, почитать книги и куранты все больше по нраву приходилось. Ведь все податное и прокормное тягло не выработаешь, всю «злодейку с зеленой наклейкой» не выхлебашь в кабаках и на вынос? К тому же у одного норма ведро, а у иного и вовсе шкалик*, с которого уши выше лба не вырастут от прилива к оным разгоряченной крови и мозг в голове не выветрится, но обостряется чувство всеобщей справедливости, которое настоятельно требует молчаливого собеседника: чтобы выговориться не мешал, но всячески поддакивал. А в идеале такой собеседник — с чувством написанная книга или хлесткие подметные статейки в курантах, оттиснутых на желтой бумаге.

* Принятые в России до метрической реформы 1918-го года меры розлива спиртных напитков, прежде всего водки: ведро — 12 литров; шкалик — 1/200 ведра, то есть 60 миллилитров (прим. ред.)

...Вот таким своеобразным манером писари и подвигли вкупе с сицилистами и масонами лесной народ к бунтам начала века следующего. Была в этом деле и толика усилий писарей Тулуповского леса, но совсем малая... опять же не считая Великого Льва.

♦ Царь зверей *Нашего леса* и губернские Ока Царевы заблагодарствовали к началу нового века, а разъевшиеся на казенном и поборном харче исправники, квартальные и урядники не уследили за деятельностью внутренних, включая писарей, потрясателей основ, подрывателей устоев с их подлыми мыслями, воспоследовавшими от Марксова злопыхательного учения о накоплении и распределении богатств. Но главное — лбом стену не прошибешь — не в их силах и усердии было воспрепятствовать врагу внешнему, супреждь всего коварному Аглицкому безлесью, которое хитро втравило *Наш лес*, аки покорную окрику пастуха овечку невинную, сначала в воинское сражение с Империей сакуровых островов, а затем и вовсе в многолетнее кровопролитие с Неметчинской дубравой.

На тропинке, извиристо ведущей к Скрижалям Истории, установлена на обочине оловянная таблица с содержанием закона о том, что востребовано дураков уму-разуму учить. И здравствовавший еще во времена первого кровопролитного сражения и воспоследовавшего за ним первого же бунта сицилистов в *Нашем лесу* Великий Лев остерегал власти и лесной народ: до добра все это не доведет, если путем самосовершенствования злоупотребители и дураки не изведутся. Не послушали старца-провидца, доигрались после трех лет Неметчинского кровопролития до окончательного бунта. Царя зверей с престола сбросили, власть в свои лапы и когти взяли сицилисты и масоны, внутрисобное кровопустительство во всю лесную пространственность развернулось. В конце же концов, победив внутреннего и внешнего

супостата, в *Нашей стране* установилось общественное зверовластие, как *conditio sine qua non*, что по латинскому гимназическому учебнику значит «непременное условие», — в части всеобщего равенства перед табелями закона (чижик, что за канарейку сойдет), обязательного исполнения трудовых повинностей и прочих радостей и удовольствий лесной жизни.

Новая власть хорошо знала особенность характеров и своеобычаев своих лесных подданных, что со старинных (от тех же все Гостомысла и Рюриков!) времен всегда завидуют чужому куску, если он хотя бы на золотник по весу больше своего, не говоря уже о социальном неравенстве всего-то в величине разменной медной мелочи. Потому с самого начала общественного зверовластия всех перевели на единые продовольственный паек и получение присвоенного содержания в неотягчающих карманы числе рябчиков. На несказанную же радость писарям новая власть обязала все лесное население отныне и вовеки знать грамоте.

...Даже убеленные благородной сединой мудрости и в сюртуках, увешанных писчебумажными наградами, великие сочинители в душе остаются малыми детьми («Счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней», — в таком смысле сам Великий Лев писал). Оттого они и восхитились, наивные, установкой новой власти на всеобщее подтягивание лесной сволочи и иных обывателей к овладению грамматикой, включая в оную синтаксис и морфологию... фонетику тож. «Теперича все читать обязаны наши рукописания, оттиснутые литерами, но уже без надоедливых «ятей» и «еров», а мы не будем успевать навеваться в каску трудовые рябчики в обандероленных пачках получать», — радостно делились писари в своем кругу. Одно их поначалу сдерживало: за время бунта и междоусобного кровопролития в лесу разучились

фабриковать бумагу, даже обычную древесную, не говоря уж о веленовой цвета благородной слоновой кости и с водяными знаками. Типографии же печатали указы и публицистические куранты новой власти на синей хрусткой бумаге, в которую обертывают сахарные головы. Указов же являлось многое число, потому сахарной бумаги писарям оставалось очень мало. А ведь сколько мыслей, партикулярных и новоллиберальных, отчаянно бунтарских и воспитательных, хвалящих Маркову затею о справедливом накоплении и распределении лесных богатств и воспевающих в бунтах борцов за общественное зверовластие, толкалось в головах одушевленных *идей и установкой* писарей? Но все упиралось в нехватку бумаги.

И в Тулуповском лесу редкая, почти что занесенная в звероохранную «Зеленую книгу», порода писарей, бесконечно далекая от претензий даже на самые нижние, что под полом, ярусы Скрижалей, также проявляла умеренный энтузиазм. Но, как метко заметил Великий Тигр переворотного в лесной стране бунта, что-де Тулуповский лес знатное и полезное в части общественного зверовластия урочище, но звери там *далеко не наши!* А потому они были *не нашими* и никакими отпечатанными мыслями столличных, тем паче — местных, писарей не интересовались, что исстари все гнули да гнули свои котёлки-самопалы, имея от казны регулярное содержание за свои труды в купюрных рябчиках; грамоте знали, но токмо для правильной разметки котёлок и верного подсчета окладных и премиальных рябчиков. Словом, со времен объерничавшего их первого успенского Енота ничего в среде тулуповских обывателей-котёлщиков не изменилось...

В серых, малорябчиковых буднях, без помыслов о Скрижалях, редко тиская тощие брошюры в губернской типографии и лишь по случаю печатая колонки в местных публицистических ведомствах — все

Литераторы губернского масштаба Омшаников и Сухариков случайно встретились напротив бывшего издательства-кормильца. Вспомнили прежние времена, когда по нескольку раз за год заходили туда за солидными по провинциальным меркам гонорарами, повздыхали, позлословили о бывших и нынешних коллегах. Теперь оба нищей пенсией живут, изредка удаётся подра-

батывать толику сочинением агиток на выборах-перевыборах. Поговорили и порешили, что единственное сейчас стоящее дело — пробиться в почетные граждане города: и приплачивают немного, и квартплату не требуют, на всякие торжественные мероприятия с буфетом, а то и вовсе с банкетом, непременно зовут.

— Да, хорошо бы,— мечтательно протянул Сухариков.

— Совсем недурственно, сударь мой,— поддержал Омшаников, поглаживая свои пушкинские бакенбарды.

Повздыхали, еще раз вспомнили недобрый, язвительным словом коллег-литераторов и разошлись. Пока до своих домов шли, все мечтали-фантазировали: как же почетное гражданство ухватить? Сухариков склонялся к совершению какого-либо трудового подвига, вернувшись к юношеской профессии оператора доильных установок. Долго мучался и Омшаников, а в конце концов позвонил — посоветоваться — руководителю местной писательской организации, разбудив того. «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут»,— сердито буркнул литначальник.

той же «За родную трущобу», дожили писари Тулуповского леса до окончания первой трети нового века. Имена их, по преимуществу, исключая разве что переводчика писаря-поэта из Элинского горнолесья, сохранились разве что в губернском архиве Тулуповского леса — на стеллажах порыжелых от времени нумеров «За родную трущобу».

Самое обидное для тулуповских писарей того времени, что их даже административными мерами не побуждали к более активному писчебумажному искусству, говоря гимназической латынью: *necessitatio per stimulos* — принуждением через посредство стимулов. По всей видимости, в столичных культуртрегерских департаментах новой власти на них вовсе махнули рукой, памятуя слова Великого Тигра о *ненашенских*. Скучно, девушки, скучно...

◆ Конечно, особых-то эмпиреев на почву сугубой практической пользы тулуповские писари тех пламенных и одушевленных сердцем воспринятых Марксовых референций о светлом предбудущем не выказывали. Это не значило, что писарская жизнь в Тулуповском лесу тлела. Но все дело в масштабе, в сравнении со столицами и университетскими центрами; как говорят в междоусобных разговорах ученые звери в академических шапочках: кого-то усмотреть и в мелкоскоп лучшей неметчинской фабрики «Карл Цейс Йена» маловозможно, а иной и без астрономической трубы в полнеба виден! И ежели тулуповские писари из фабзайцевой пролетарской молодежи робко толклись в коридорах официальных губернских курантов «За родную трущобу» — в основном по части подвала четвертой полосы «Стихи и разное», то в столице *Нашего леса* с постоянно прибывающих почтово-пассажирских из Эдесских каштановых бульваров сходили и разбегались по редакциям курантов и типографских образцовых заведений многие числом ушлые писари.

Но сочинительствовать может и медведь в одинокой берлоге, если под старость зимой бессонница овладевает и хочется излить трепетную звериную душу в *memoires* об обоснованиях всякой общественности, отдаваясь беззаветно своим ощущениям и горьким идеалам добра и справедливости и так далее. При этом расчувствовавшийся зверюга как бы забывает в долгих зимних воспоминаниях о былых его должностных кровопролитиях и незаконном присвоении прогонных и подъемных рябчиков от казначейства...

Это все к тому сказано было, что прибывшие с вокзальных перронов в редакции и типографии молодцы-удальцы мигом начали создавать всякие писарские сообщества, в собраниях которых витийствовали о беспредельных свободах нового общественного сочинительствования и требовали с юношеским задором зверей с новыми уклонениями в части идеалов и благ, необходимых для развития оной общественности, «сбросить с корабля Истории, сиречь ее Скрижалей для себя самих уготовляемых, всех до единого великих писарей прошлого века, особливо упоминая «Солнце лесной поэзии». Но вот Великого Льва «не трогали за вымя», ибо за недостатком времени, круглосуточно уходившего на прилюдное, площадное декламирование своих многостраничных поэм и баллад о свершившейся свободе, самостоятельности и угадываемой в своих горячих сердцах обеспеченности (в рябчиках в том числе), они никак не успевали ознакомиться с девяносто томами наследия «зеркала» лесной общественности... Да еще написанные тяжелым умственным слогом. А как «сбрасывать с корабля Истории», на зная за что?

Другие писари, прибывшие в столицы и университетские центры из глухих захолуствий смешанных и хвойных лесов от сохи и посконно-домотканного быта, также объединялись для ограждения и развития своих идеалов в разрешенные пока еще — ввиду

недоработанности конституционных законов нового времени — землячества и союзничества. Эти грамотеи по преимуществу сочиняли о фордзоновском (свои еще мастерить не научились) «тракторе, идущем на смену крестьянской лошадке».

Тут еще рабфаковская лесная молодежь уверенно заявила о своем присутствии и пролетарских идеалах, тискавая свои индустриалистические вирши и бытописания не то что в подвалах последних полос столичных курантов, но сразу опосля идейных передовиц и постановлений «партии и правительства», как со времен Великого бунта привычно стали называть верховных управителей *Нашего леса*. А почему не поименно? — Чтобы ответственность в случае какого конфуза отнести по части неопределенности. Поэтому-то партию в передовицах именовали мудрой, а правительство «плотью от плоти» трүдящегося лесного зверья.

Во главу же партии, правительства и всего *Нашего леса* вступил Стальной Барс, некогда спустившийся с заснеженных гор далекого безлесного края, друг, соратник и верный ученик уже почившего Великого Тигра. Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 часть земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому; не потрафлял смутьянам и ворами даже высших кондиционных рангов, перевел от громких слов к сугубой практике осязательное содержание общественного цветения лесных массивов и урочищ. Все он делал по грамотному порядку, добрался и до беспокойного, неумного писарского сословия. «Эк, распоясалась, — говорил он сам себе с горным языковым акцентом, прохаживаясь по своему кабинету со знаменитой курительной трубкой у барсовых уст, — все в ногу идут на стройки новой общественности, а эти разделились, как гимназисты младших классов в большую перемену, на ватаги и вот словесно лупцуют друг

дружку: рабфаковцы фордзоновских лесовиков, те — «сбрасывателей с пароходов» — и все по кругу идут, забывая о важности создания прочных устоев, необходимых для подведения общественных идеалов от беспредметных мечтаний для практического их пользования... да-да, всенепременно искреннее пламенение писарской природы, одушевление которой сейчас имеет слишком отвлеченный характер, заручившись соображениями общественной пользы, необходимо без промедления притянуть к коллективизированной земле, заводам и фабрикам, лесной армии и водоемному флоту!»

Еще по ковровой дорожке кабинета туда-сюда походил Стальной Барс, три раза вытряхивая пепел из трубки и вновь набивал ее табаком из переломленных пахитосок «Герцеговина флор», умственно все привел в диспозицию по писарской части и Поскребышеву отдал распоряжение срочно вызвать пред его очи из итальянских курортов знаменитого пролетарского писаря Горькоусого Моржа, а по прибытии одного в столицу изложил ему продуманный регламент об объединении всех сколь-либо проявивших себя, тем более просиявших на ниве отечественной словесности, писарей в единое обобществление — Союз лесных писарей, сокращенно, что тогда было в модной фаворе, — *Леспис*. Что Горькоусый Морж по старой, еще времен бунтов, дружбе со Стальным Барсом и исполнил, сверив число проявивших себя и просиявших на ниве писарей по статистическим таблицам, при департаменте внутренних дел публикуемым.

На первый съезд Лесписа из глухих урочищ, заповедных дубрав, речных омутов, горных арыков, тайги и тундры, джайляу плоскогорий, кишлаков, аулов и айлов, пустынь и степей («и друг степей калмык...») шайтан-арбами, пароходами Речфлота, перекладными тройками, новомодными аэропланами, с щедрыми прогонными и представительскими от

казны рябчиками с 1/6 части земной суши добрались все сколь-либо проявившие и просиявшие писари. Добрались скоро, безо всяких докук и настояний, к начальству обращенных: везде им зеленый свет был отверзд.

Во вступительном к отчинению первого съезда Лесписа Горькоусый Морж, соблюдая со всех сторон предмет размышлений о необходимости и полезности обобществления писарей в Лесписе, обозначил смысл и назначение оногo. В особенности видел он последнее в дружественном объединении всех писарей *Нашего леса*, принадлежащих к различным и многим — свыше ста! — зверовым видам. И долженствование такого объединения (Волк обочь Овечки благонаравно рядышком расположится) тот имеет толк, чтобы показать всему *Ненашему империалистическому лесу*: мы есть единое перед лицом зверного пролетариата *Нашего леса* и перед лицом дружественных нам писарей всего лесного мира!

Особенно отчеркнул в своем Слове Горькоусый Морж, что объединение писарей не суть лишь географическое понятие, но в основание такой общественности положено единоустремление нашей цели. Причем обобществление это вовсе не отрицает своеобразия — в выдержанной пристойности — дозволенного вольномыслия и цветистости писчебумажного искусства каждого писаря, его манерности и устремленности к светозарным идеалам.

Обобществление всех наших писарей, продолжил оный достославный Морж, имеет место быть во времена империалистического одичания, устремленности к срамным злодействам и бесславным кровопролитиям. Но полное отсутствие воодушевленных идеалов свободы, обеспеченности и разумной самостоятельности у окружающей *Наш лес* империалистической звериной сволочи понуждает ее к безысходному отчаянию, а как следствие оногo — возвращению к

изуверству дремучей трущобной первобытности еще не благоустроенного леса.

Только наши обобщественные писари утверждают во всем лесном окоеме идеалы добронравия и осязаемого благопорядка — от ничтожнейшей лесной инфузории до величественных слонов и китов. И именно поэтому мы с полным на то историческим основоположением можем выступать судьями того лесного мира, что за нашими пределами (которые защелкнуты на замок) и каковой находится в должествовании неминуемой гибели. Наша же задача в ближней и дальнейшей перспективе суть «не норовить в ложке утопить» чуждый нам лесной мир, но привнести в таковой гуманизм и ослобонить трудящиеся массы от пороков мыслей, совести и чувств. Главное завоевание нашего Великого бунта — это полное устранение на Аридовы веки* устремлений к накопительству, вельми вредного общественному процветанию, и дремучему звериному одиночеству.

Наш Леспис, завершал свое краткое, но убедительное Слово достопамятный Морж, сообразовался в обновленном Великом бунтом *Нашем лесу*, где руководимые должностными восприемниками Великого Тигра лесные пролетарии и обобщественные землепашцы в праведных кровопролитиях обрели правомочность на всяческое успешное самоусовершенствование своих умственных дарований и естественного для всех нас трудолюбия. Целеустремление же наше — освященное мыслями и подвигами Великого Тигра, а ныне руководимое титанической волей Стального Барса — организовать лесное писарство как обобщественное добровольческое компанейство для воспитания в лесных обывателях-тружени-

* То есть на многие века (вперед); из русского языка XIX века (прим. ред.).

ках идеалов добра и бунтарской непримиримости ко всему тому, что мешает *Нашему лесу* идти семимильными шагами к вселенной свободе, беззаветно отдаваясь решениям нашей партии и правительства!

...Две недели длился с восторгом и на казенных харчах первый съезд Лесписа, по окончании же был единодушно принят Лесной писарский устав. А еще загодя хлопотами Горькоусого Моржа в столице было освящено с торжественным открытием специальное Высшее писарское училище для вящей вразумительности и наставлений инженеров лесных душ: соорганизованно нести в лесную глушь доброе и вечное, создавать в мыслях будущих писарей прочные устои для практической натурализации всяких благополучных идеалов, решительно бороться в своих писчебумажных сочинениях супротив благодушествующих «писарских середняков» на дармовых хлебах, всевозможных потрясателей, подрывателей и злоупотребителей основ, искоренять в своей среде тех недобросовестных «примкнувших» сочинителей, у которых мысли вроде бы и резонные, чувства не задевающие те самые основы, но совести на медный пятак. Особливо выступающие на объединительном и обобществляющем съезде Лесписа требовали искоренения и дальнейшего недопущения в их ряды халтурщиков, что, затесавшись в число *наших* писарей, исподволь скучно на бобах разводят или паче всего на округление периодов приналегают.

...Много чего за две-то недели посланцы далеких лесов, водоемов, горных арыков и джайляу, кишлаков, аулов и аилов (что по созвучию близки, но в разных географических пространствах наблюдаются), да еще на полном казенном содержании, вельми доброго, вечного и справедливого порассказали. Оно того и ожидалось устроителями: ведь не нищие сволоклись на поминки упраздненных на съезде междоусобных писарских кумпанейств, но во весь голос

новые пролетарские инженеры лесных душ, поклявшись в верноподданничестве, направляющей силе обобществления *Нашего леса*, заявили всему империалистическому миру: «Мы — умы, а вы — увы...» — «Кто там шагает правой? Лево́й, лево́й!» (При этом для вящей вразумительности поясним: имелось в виду не принятое в империалистическом Аглицком безлесье левостороннее дорожное передвижения и не *наше* правостороннее...).

...Как обычно, по сложившейся со времен Гостомысла и братьев Рюриков традиционности, все события в *нашем* писарском обиходе проходили обочь Тулуповского леса. Были ли званы на учредительный съезд Лесписа робкие писари оттель? История таковых имен не называет. Скорее всего, званы не были, а незванный гость? Таки не пришло и здесь время Тулуповскому лесу иметь своих проявивших и просиявших. Великий же Лев давно почил в бозе... да и не поехал бы оный на съезд. Не уважал он мероприятия организованных. Во время оно даже отказался с гневом от премии нефтяного и динамитного купца Нобеля, о коей во сне и наяву грезят вот уже за сто лет все писари лесного мира, ибо она сходу возносит обладателя ею на самый горный ярус Скрижалей.

◆ Сразу скакнем по времени вперед на четверть века от прохождения достославного первого съезда и собственно учреждения в целях общественного процветания и благополезного регламента Лесписа. Уже давно почил на вечный отдых от трудов благоустройных Стальной Барс. *Нашу* партию и правительство, вероломно взяв верховенство, теперь вел к идеалам Кукурузный Вепрь; ни шатко, ни валко вел, но накопленное рачением тезоименитого предшественника огромное лесное богатство и установленное благонравие вывели *Наш лес* в мировое первостепенство. Обыватель впервые за лесную Историю

преисполнился сытостью и нравственным благодушием. Золотой век оцутимо наступал, и не бездельным обычаем, но веселыми трудовыми буднями все устремилось приводом к единому знаменателю: каждому по его внутриутробным потребностям!

В начале своего верховенства Вепрь ослабил либерально вожжи писарям и радетелям иных благоприличных изящных художеств, что и поспешили наречь «оттепелью». Но скоро Вепрь осознал свою административную оплошность и сизнова ввел прочные устои для исполнения идеалов: кое у кого из писарей повыдергивал (изустно) из шаловливых ручонков гусиные перья, а живописующих уклонистов от предначертанных идеалов и вовсе пидорасами нарек. Сам Вепрь простонародного званья был зверь, любил грубо пошутковать: дескать, узнаете у меня как Кузькину тещу зовут!

...Опять же по горестной традиционности за проистекшее со времени соорганизации Лесписа два с половиной десятка лет ни один из тулуповских писарей не проявился и не просиял. Быть только может один поэт, которого для исправления идеалов, давших у него некоторую кривизну, на время прислали из столицы в одно из фабричных урочищ Тулуповского леса? Но тот побыл положенное ему, кривизну поправил и взад в столицу возвратился. Все одно — временный и пришлый в нашем кондовом лесу... К тому же впоследствии не на высокие ярусы Скрижалей определился. Про девочку Лиду он строки слагал.

А меж тем зарекомендовавшие себя с лучших позиций коренные обитатели-писари *Нашего леса* и которые по регламентной разрядке с южных пустынных и гористых окраин удостоенные титла почетных граждан, то есть обилеченных членов Лесписа, что в новой, общественной табели о рангах означало майорский чин, в полное восторженное ликование впади... Мудрый Стальной Барс, соорганизовывая с

усердием Горькоусого Моржа Леспис, совсем не случайно переименовал старинную — от Гостомысла и Рюриков — притчу «хороший писарь — голодный писарь» в обратную: «лучший писарь не должен отвлекаться на поиск хлеба насущного». То бишь, с одной стороны, бесталанней пролезть в члены Лесписа, да еще бездельным обычаем, был поставлен в диспозицию библейского верблюда, стремящегося протиснуться сквозь игольное ушко: широкая, массовая общественность пишущих и читающих, а также благодушная отеческая опека лесной партии и правительства не позволяли. Со стороны другой, обильней казенный харч от положенного натурой и гонорарами оклада содержания держал обилеченных писарей постоянно в состоянии бодрственной действительности, не отвлекаясь на жажду бесформенных чаяний — а то запросто могли отчислить по инфантерии в нижних, стенгазетных чинах! «Билет с золотым на обложке профилем Великого Тигра на стол!» — и окончен разговор.

К тому же время шло, а времена изменялись. Если при Стальном Барсе от членов Лесписа, несколько попуская особо талантливым, требовалось непременно обличать потрясателей основ, подрывателей устоев и злоупотребителей по части науки и практики накопления и распределения обобществленных богатств, то еще при Кукурузном Вепре, даже при его неустойчивом соображении по части писарей и всяких художеств, не говоря уже о его восприемнике на высшей в лесной стране должности благодушном Втором Тигре, обилеченные и стремившиеся в ареопаг оных писари неназойливо отыскивали выход. По молчаливому уговору меж собой, пользуясь радикальной устареваемостью бессменных руководителей *Нашего леса* (их в наступившее либеральное время уже не приводили периодически к одному знаменателю, как то было принято при Стальном

Барсе) с естественным ослаблением бдительности и тягой к снисходительному благодушествованию, было достигнуто джентльменское, как говорят в Англии, безлесье, соглашательство. То есть власть не выказывает неудовольствия по части легких намеков писарей на некую якобы неустроенность лесного народа в части свободы, самостоятельности и обеспеченности в отношении накопления и распределения лесных богатств. А потому не выказывает, что располагает многими старческой мудростью, то есть понимает: всякий зверь имеет пожелание продовольствоваться от пуза, а писарь — тем паче, поскольку он есть труженик умственный, а оная работа по природному, биологическому естеству требует чрезвычайного расходования нутряной энергии мозга (если он еще из головы не выветрился!), которая токмо и возобновляется двойной пайкой поросят, кур, меда и сивухи к обеденному столу.

Поелику же писарь рябчики на покупку продовольствования имеет по преимуществу от гонорариев, размер которых в масштабной пропорции издательскими бухгалтерскими регистраторами исчисляется от проданных в писчебумажных лавках книг писарей и толстых курантов с их же сочинительствами, то в оных рукописаниях тот должен подпускать намеки на легкую крамольность и некоторую подлость мысли. Конечно, даже в потаенных своих мыслях не допуская какие-либо потрясения основ и подрывания устоев! Но вот такими-то необходимыми для власти (дескать, о твоей же благонравной крепости заботимся!) намеками только и может хитроумный писарь потрафить лесному читателю. Ведь со времен Гостомысла и воследовавших ему Рюриков известна посконно-домотканная вредность *нашего* лесного звериного народа: в чужом глазу соринку узреть, забыв о своем бревне...

В недавние былые времена, когда литераторы жили хорошо, опекаемые Литфондом Союза писателей СССР и приписанные к издательствам, труд их был регламентирован и очерчен определенными рамками. Так, столичным писателям и «продвинутым» провинциалам, отмеченным высокими премиями, позволялось

сочинять на темы философски-отвлеченные, общечеловеческие — понятно, в рамках гуманизма, интернационализма; рекомендовалось попутно добрым словом отзываться о руководящей роли... и лично! Но от наиболее знаменитых и известных «за бугром» здесь требовался джентльменский минимум: прямо не восхвалять, но «пусть будет плохо тому, кто дурно об этом подумает». Провинции же, периферии потогдашнему, оставалась конкретика: воспевание людей труда и агитация за советскую власть. Здесь о партии и правительстве полагалось петь гимны, но в персонификации партайгеноссе не выше областного масштаба.

Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевого порнороманов. Провинциалам же, бывшим периферийщикам то есть, осталось только развлечение в виде пускания литературных мыльных пузырей тиражом в 100 экземпляров — своих кровных, или если полного дурака-благодетеля найдут. Вот соберутся они в крохотной комнатке местного отделения писательского союза (их сейчас не сколько) и пускают пузыри:

- О-хо-хо, были же времена хлебные?
- О-о-х, то ли еще впереди...

С ответной стороны, блюдя это англиское джентльменское соглашательство, писари дают при получении членского билета Лесписа «клятву верности»: сочинять благопристойно, особенно в части предметов, лежащих в основании обобщественности, не хулить даже полусловом (или единой буквицей с многоточием) все властные персоны и их должностные статусы, начиная с чина коллежского асессора, то есть статского майора. Коль же сами они по Лесному писарского уставу тоже отнесены к таковому чину, то избегать внутреннего междоусобства. То есть воодушевляющее пламя критики партикулярной можно раздувать только на образы персон нижних ступеней табели о рангах, особливо на безвинных овечек коллежских регистраторов, а внутренней писарской критики токмо на еще необилеченных и пишущих в свои урочищные и фабрично-заводские стенгазеты. В остальном — *litteran quoad litteram* (в отношении буквального смысла) — всеобъемлющая круговая джентльменская порука. Уже не по-англиски, но по природным нравам *наших* лесных обитателей.

◆ Для вящей вразумительности и подчеркивания того, что писарство отныне включено в общий табель профессий, хотя бы условно безчиновых, но приравненных к майорскому достоинству, регламентом было определено: званием *писаря* именовались токмо билеченные члены Лесписа; все же остальные тяготеющие к рукописанию и к светлой, радужной перспективе войти в ряды таковых звались *сочинителями*. Между ними пролегла не то что доступная перепрыгиванию, подоткнув за опояску полы партикулярной шинели, обоченная булыжной мостовой канава, но — пропасть окоемная! И вот здесь-то возникла скверна зависти необилеченных к действительным лесписовцам. Как же страдали в уязвленной гордыни тулуповские сочинители за те четверть века от основания Лесписа, что в их рощах, ельниках,

осинниках-березниках, дубравах и болотистых урочищах не имелось ни единого полного (как полный генерал от инфантерии или кавалерии...) писаря?! Даже фабрично-заводские стенгазетчики Чижик и Канарейка с подсвистывающими им Скворцом, Соловьем, Зябликом, Синицей и Пеночкой, тем более иногда публикуемые в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и комсомолისტской «За молодую трущобу», уже твердо освоившие грамоту и умение лихо чиркать гусиным пером Снегирь, верноподданнический Копчик, осанистый Ястреб, патриарх сочинительского дела Глухой Тетерев и рабфаковские «собственные корреспонденты» всей веселой стаей — Кукушка, Ворона, Галка, Сорока и Горихвостка... словом, все они засыпали на своих ветках деревьев и раскрывали очи на утреннее солнышко с единой довлеющей мыслью: а не оттиснут ли в столичной образцовой типографии уже тот билет с золоченым профилем Великого Тигра на обложке, в графы которого фатальной судьбой уготовано в оно время каллиграфу-регистратору Лесписа начертать железисто-галлусовыми чернилами *его Имя?* Но — «долог путь до Типперери, долог путь, четыре дня. Знаю я, красотка Мэри в Типперери ждет меня»... как в годы первого в этом веке великого вселенского кровопролития распевали на позициях солдаты Аглицкого безлесья... Горестно, несмотря на радостное утреннее солнечное благолепие, стреножили они свои мечтания; ведь вступить в Леспис намного сложнее, нежели, к примеру, получить ученую степень доктора филологии.

И было отчего исходить от невольной (или вольной?) зависти. Ведь рядовой провинциальный сочинитель даже в продовольствовании своем перебивался с хлеба на квас, а писари, особливо столичные и университетских центров местопребывающие, жировали. Об этом с огорчительным восторгом рассказы-

вали тулуповским стенгазетчикам и «специальным корреспондентам» иные лихие снегири, сороки и горихвости, что иногда ездили на перекладных и «чугунке» в столицу: побегать нахраписто по редакциям толстых писарских и тетрадного формата комсомольских курантов со смешными предложениями (ох, фофаны они, фофаны!) тиснуть их поэмы и романы о трудовых буднях родного леса.

Безнадежно толкаясь в редакциях, они и узнавали о регулярно-спокойном обиходе проявивших и просиявших обилеченных писарей. У них теперь и мысли об утолении нервного голода выветрились из голов. Уже не только по табельным числам харчевались они штями с убоиной, но всяк-то день хозяйки их из печи на стол ухватами метали горшки. Да все с бараниной-то штицы! В праздники же, которые в память о предбывших бунтарских геройствах, особенно в главный из них, что на канун Михайлова дня в отрывном календаре киноварью помечен, а также в день опосля ведьмовской Вальпургиевой ночи, в тезоименитство Парижской коммуны, Взятия Бастилии и Восстания лионских ткачей... — в оные торжества шти с убоиной понеже постными полагались, а огромные овальные столы, доставшиеся обилеченному вкупе с отведенной по литеру многокомнатной берлогой от прежних эксплуататорских классов, перебравшихся на прозябание в Гальский лес, хозяйки писарские уставляли для гостей иными яствами.

Очищенную «рыковку» и настоящую сорокоградусную гости гурмански заедали семгой-порогом и копчеными переславскими сельдями. Не вспоминая о бедной своей молодости, когда для них все было и в пир и в мир, празднично собравшиеся писари лакомились копченой же тамбовской ветчиной, что почище хваленого пресмыкателями перед Западным лесом вестфальского окорока. После тяжелого даже для закаленного круглогодичным мясоедом (не как

раньше токмо в весенний и осенний, когда свадьбы справляли...) писаря поросенка с гречневой набивкой и хреном, последующие тосты вегетариански закусывали малосольными калиброванными муромскими огурчиками, а нарочито («мы от сохи, вашими изысками брезгуем...») крестьянский поэт Коныга хрустел тугой квашеной ростовской капустой. Жены и дети писарей лакомились ржевской, коломенской и белевской (бывш. «поставщик двора Его Императорского величества») пастилой и засахаренной кольской морошкой, что по раннему озимью, когда установится торный санный путь в Лапландию, поставляют в столицу архангелогородские купцы — люди поведения трезвого и к идеалам обобществления благонамеренные.

...Чего только с три короба не расскажут побывавшие в редакциях столичных курантов лихие снегири, сороки и горихвостки? Известно, славны бубны за горами! Но даже толика истины из рассказанного ими (под отведенный регламент сочинителям хлеб и квас) невероятно будоражила провинциалов, поселяя в их головах и душах бессильные порывания «от тьмы к свету» встревоженной бессознательности.

И как-то не задумывались неприявшие и непросиявшие о жизни, трудах и заботах обилеченных писарей. Мало того, что с них верховная лесписовская — и бери куда выше! — власть строго спрашивала рапортами и изустно даже за невольные отклонения от утвержденного Лесного писарского устава. Устав же тот при его перворождении был внимательно прочитан (с красным карандашом) самим Стальным Барсом и одобрен. Поверх же официальным языком изложенных — все-таки партикулярный документ! — положений о добровольческой деятельности писарей по распространению в своих книжных и курантовых тисканьях здравых мыслей в обществе лесных обывателей (о лесной сволочи уже не приня-

то упоминать) ясно полагалось основное предназначение Лесписа и составляющих его обилеченных. А именно: не для того писарям положен ежедневный харч из штей с убиной, и по праздникам* и поросенок с гречкой и хреном, чтобы они благодумствовали и считались чинами, то бишь числом оттиснутых в книгах и курантах авторских листов и полученных за оные премиальных, а также прогонных и представительских на поездки к своим читателям в лесную глушь. Нисколько не так. Билет Лесписа получал только писарь с горением таланта в душе... и в голове, конечно, осененный благосклонностью муз Эрато, Каллиопы и Мельпомены, мыслию витающих в Дельфах (а тем, кому заграничные поездки разрешены — и воочию) близ источников Ишпокрена и Кастальского ключа. А собственно задача Лесписа — отображать волнующую обобщественную действительность и устремление к высшим идеалам. Главное же в том заключается, чтобы воспитывать лучшие чувства, нравственность, поиски доброго и вечного в *трудящемся* обитателе *Нашего леса*. И срок жизни, самого существования и необходимости в оном для Лесписа, как одушевляющего предмета в обобщенности жизни, — соотносится с отпущенным Историей временем самой действительности указанного обобществления. Пока что в *Нашем лесу*, но желательно в распространенности по всему лицу земли в качестве узаконенной нормы, каковой руководит неусыпно Марксова наука о накоплении и распределении обобщественных богатств.

Еще же наивные провинциальные непроявившие и непросиявшие не ведали в своей тулуповской чащобной глуши о постоянно вспыхивающих междоусобных словесных кампаниях-баталиях в среде обилеченных писарей, особливо и по преимуществу сто-

* См. выше (прим. ред.).

личных постояльцев. В порушение положений писарского устава поливали они самым непристойным и подлым образом друг дружку, в основном, все из зависти по части упомянутых авторских листов, премиальных, прогонных и представительских, зачастую вовлекая в паскудное это дело и власть предержавших посредством особых писарских доносов.

...Но обо всей кухмистерской таких междуособенных баталий с отчаянной подробностью всех их перипетий рассказал в своем волшебном-магическом романе один столичный писарь, в большой мере хлебнувший воодушевляющей влаги источников Иппокрена и Кастальского ключа в особенности. Поначалу он в писаниях зарекомендовал себя не с лучших позиций, слишком вольнолюбиво и со смехачеством относясь к начальным годам обобществления в *Нашем лесу*, но затем кастальская жилка в нем возобладавала, сурезно стал рукописать, даже в определенных смыслах проявился как собинный собеседник в телефонных диалогах с самим Стальным Барсом, знавшим толк в истинных талантах.

...Но все это обсуждено и переговорено писарскими дятлами и кротами науки писареведения. Мы же вернемся к сочинителям, а впоследствии даже писарям Тулуповского леса. Полагаем — до самого окончания нелицеприятного, но вдохновенного повествования.

◆ Мечтания о ежедневных штях с убоиной и поросенке под хреном в праздники и иные табельные дни для тулуповских сочинителей обострились в верховенство Кукурузного Вепря — в пресловутую «оттепель». Но все едино ни одному из оных сочинителей не удавалось вспрыгнуть в чин писаря, хотя бы они не только никаких пропаганд по предметам всеобщего обобществления не распространяли, но порой являли и недюжинные сообразительные способности к складыванию виршей и написанию пове-

ствований. Самое обидное — в самом Лесписе не только официально, но и за дружескими ассамблеями с поросенком и тамбовской ветчиной не выказывали ни малейшего сочувствия к тревоблениям тулуповских сочинителей за свое светлое будущее, проявление и просияние. Как в народе лесном говорено: не все в ус да в рыло, ино и мимо.

Не могут обиженные тулуповские бесчиновные сочинители сообразиться настоящим моментом: чем они провинились? Или в провинции талант меньшего весу, нежели в столицах и университетских центрах? Казалось бы, в упертом старании их не обвинишь. Не только в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и его младшего, комсомолистского брата «За молодую трущобу» они регулярно тискаются, но с благонамеренной регулярностью два раза в год начали печатать свои толстые писарские куранты «Тулуповский сочинитель». И книги свои начали печатать, благо судьба сама катила им навстречу «золотые горы и реки полные вина» в виде собственного, печатающего полезные для нравственности и обобществления сочинения издательского заведения. Как издревле принято в лесной стране, сообразно сработала присказка: нет худа без добра. То бишь утомивший весь лесной народ своим *волюнтаризмом и пробобелизмом** Кукурузный Вепрь сделал единственное за свое самоуправное время доброе дело: разогнал неимоверно скопившийся в столице чиновный народ, у которого от обилия дармового харча в виде штей с убоиной, поросят под хреном и копченого тамбовского окорока мозг в го-

* С такой энцикликой в 1964 году <имярек> был удален со всех своих чиновных должностей; волюнтаризм — всем понятно, но пробобелизм требует пояснения: от имени социалиста Августа Бебеля, имевшего некоторое недопонимание теории Маркса (прим. ред.).

лове усиленно выветривался — расселил его в правильной пропорции по губерниям. Волею (волюнтаризмом?) случая Тулуповский лес в новом административном порядке получил статус главного над несколькими соседними лесами, потому в нем учредили местное правительство (партия осталась одной для всех, как и Леспис). Для благонравия, резонности и действия по пристойности при нем создали в тулуповском губернском центре и многие полезные учреждения, рассчитанные на все подопечные леса, в том числе и издательское заведение для печатания благополучных книг. В числе оных предположено было тискать и благонравные сочинения, чем тулуповские писчебумажные труженики тотчас воспользовались под латинским девизом *jus primae noctis* (право первой ночи), коль скоро издательское учреждение хотя и рассчитывалось на несколько лесных губерний, но располагалось-то оно в Тулуповске! А значит местным сочинителям не токмо не следует тратиться на прогонные и представительские рябчики из самоличного кармана, но хоть кажинный день, исключая праздники (покуда, увы, без поросенка с хреном...), в пешем — для бодрого освежения мысли — порядке шествуй в издательское заведение и убеждай тамошних служащих во всенепременной пользе и впоследствии от того распространении здравых мыслей в лесном обществе от первоочередного тискания его сочинений...

Так благоустроилось в Тулуповском лесу, что и свои писчебумажные куранты завелись, и *bonum vasculum* — вакантное благо печатания сочинений в издательском местном заведении предоставилось, но... не являлись в тулуповские пенаты обилеченные писари. Хоть в колокола звони и чужих к себе переманивай!

...Сбылось таки! Пришло и в Тулуповский лес писчебумажное счастье — возжеленный момент прошения наступил! От сочинительских посиделок-воз-

дыханий и курантов «Тулуповский сочинитель» в одночасье соорудилось административно-официальное отделение Лесписа, что предполагало обретение Тулуповском обилеченных писарей.

В полностью обобществленном лесу не общественность как таковая решает те или иные поползновения на образование предмета действия, но принятый регламент. Но кроме него продвижению к образованию предмета во многом, если не во всеобщности, способствует соревновательность равноправных, но имеющих в подчинении различные леса и урочища властей. Как писари и сочинители считаются своими писчебумажными чинами, то бишь числом оттиснутых типографскими литерами авторских и печатных листов с дальнейшей их брошюровкой, так и воеводы различных губерний пристально надзирают за равными по чину: а не завелся ли у моего соседа воеводы <имярек> таковой занимательный предмет, о коем в *моей* губернии еще слыхом не слыхивали? А коль упущение обнаружено мною самолично, либо же исправником, предводителем, каким-либо малочинным становым или тысяцким должно по канцелярии рапортом, то немедленно: ату их! Создать немедля! Воплотить в бодрственную действительность, на закон не наступая, но для скорости обходя его в дозволенных устоях и градациях! И для благонравной строгости и побуждения к исполнению: ма-а-лчать! Не рассуждать, а тотчас перевести предмет из области эмпиреев на почву практической пользы! Затем от нарочитости административного гнева перейти к поощряемому благодушию: дескать, действуйте по пристойности, ибо оный предмет суть благо, вельми необходимое для развития обобщественности. В наградных за усердие не сумневайтесь!

Вот по такой-то диспозиции и произошло в Тулуповском лесу в части сооружения соревновательного

предмета — губернского отделения Лесписа; в устоявшемся впоследствии поименовании — *Тулупис*.

◆ Надо сказать, что сразу после достопамятного учреждения Лесписа в университетских центрах и в обычных лесах и урочищах дальновидные воеводы принялись, радея об общественном просвещении и рекомендации своих губерний с лучших позиций, учинять отделения Лесписа. Главное — пройти первое препятствие: по Лесному писарскому уставу требовалось наличие присутствия в губернии не менее пяти уже обилеченных писарей. Для сызнова учрежденных губернских писарских автокефалий утверждались три условные должности: руководящего Льва в чине подполковника, Осла в майорском звании и бесчинной Птицы-Секретаря. Отметим: это именно наименование табельных должностей. Замещать же оные мог иной благонамеренный по своему естеству зверь; для сего не требовалось уточнение рапортом и иных докук и настояний, к лесписовскому и местному губернскому начальству обращенных. Не допускались токмо рыбы ввиду их бессловесно урожденного характера, никак не сообразного писарским занятиям. Впрочем, должность Птицы-Секретаря являлась чисто регистраторской, не востребовавшей писчебумажных наклонностей.

Осел, хотя бы уроженец иных, теплолюбивых климатов, по сочетанию врожденной мудрости и доверительности междусобойных суждений, а также пристойной осторожности в части улавливания потрясающих, подрывательных и злоупотребительных намеков всего более соответствовал должности заместителя Льва по творческой пристойности соучастников губернской писарской соорганизованности. Однако — к собственно истории появления Тулуписа.

Возвратившись с большой, что раз в четыре года происходит, властительской ассамблеи, на каковой речь шла и о роли писарей в дальнейшем усовершен-

ствовании обобщественности, тулуповский воевода, донельзя разобиженный ерничеством на оной ассамблее в его адрес (в буфетных перерывах) властителей иных лесов и урочищ, уже организовавших писарские сообщества, грозно упрекнул ответственных за культурное времяпрепровождение лесного народа чиновников, намекнув явно и прилюдно: а не напрасно ли вы получаете присвоенное содержание?

Огорченные культуртрегерские чины принялись действовать по пристойности, но и поспешая. Главное, старались, чтобы их огорчительное одушевление не имело отвлеченного, как принято в их благодушной среде, характера. «Партбилет на стол!» — более всего устремляло к практической действительности.

Начало делу положило зачисление двух тулуповских сочинителей, один из которых в давности даже побывал секретарем у Великого Льва, в писари. Правда, для учета и регламента их провели по соседнему лесу. Тулуповский воевода, промолчав на такую обиду к унижению своего чина, еще раз провел нелюбезный разнос чиновникам от культуры: дескать, ищите где хотите, апартаментные берлоги и рябчики подъемные, харчевые и представительские не задержатся, но чтоб, вынь да положь, в самое ближайшее время в моем лесу еще трое обилеченных имелись!

Коль скоро в это время вторая (из женского полу она была Оленихой) из ранее зачисленных в писари являлась курсисткой Высшего писарского училища, то ей и вчинили негласно сагитировать троих однокашников по училищным курсам, с билетами Лесписа, перебраться под сень Тулуповского смешанного леса. Дело было сделано: слабо благоустроенные в исторических родных лесах и чащобах вербованные писари, в том числе из Якутской мерзлявой тайги и Полесских болот, прибыли в Тулуповск. Каждый получил по роскошной трехкомнат-

ной берлоге (даже если был сам-двое с супругой) в центре губернского города, в добротных «сталинских» — так их звали по имени Стального Барса, при котором халтурить воспрещалось, — домах. И рябчиками прогонными, подъемными, харчевыми и представительскими не обидели.

Вот и собрался негласным радением беспокоящегося о культуре и благонравии лесного народа воеводы пятерик кандидатов в проявившие и просиявшие писарей. И никто им (пока что) поперек не стоял, берлогам апартаментным и рябчикам подъемным и харчевым регулярным не завидовал. Время оно, когда один дурак пятерых умных ссорит, еще не пришло. Словом, благодати в воздухах при появлении на свет Тулуписа разлиты светозарно были: *fac bonum et omite malum* — делай добро и избегай зла, как говорил один из родоначальников этой славной организации, упомянутый выше последний секретарь Великого Льва, коль скоро он в царевой еще гимназии ума-разума набирался и латынь зубрил за партией оной.

...А раз не мытьем, так катаньем, в смысле числом и достаточным умением, пятеро обилеченных писарей собрались воедино (но каждый в своей благоуханной берлоге) под сенью командированных от Кастальского ключа в Тулуповский лес писчебумажных муз, то, как говорено, и свадьбу пирком. Воевода, теперь уже не остерегаясь язвительных намеков на некультурность от хозяев других лесов и урочищ, благословил создание Тулуписа; Леспис одобрил, приписав создание еще одного очага в лесной глуши, конечно же, себе. На организационную ассамблею прибыли из столицы руководители Лесписа, седовласые и умудренные, естественно, проявившие и просиявшие на положенных им ярусах Скрижалей. «Писари Тулуповского леса, — в заздравном спиче на ассамблее говорил один из них,

просиявших,— вельми должны усердствовать в сочинении резонных книг об обитателях вашего преславного леса, при этом держа в уме, что читать их станут по всем окомам *Нашего леса!*»

В завершении празднично организованного властями и усердием самолично тулуповского воеводы, предводителя и исправника тож, действия, но уже в междоусобном писарском кругу был избран на должность Льва сманенный из Якутской мерзлявой тайги писарь. Признанный умелый организатор пишущего зверя и тонкий дипломат в части междоусобных раздоров.

◆ Лиха беда начало, даже если лихо всенепременно за спиной всякого счастливица стоит. Но лихо самочинствует некоторое время втихомолку и набрасывается на ничего не подозревающего опосля... когда природная бдительность писаря утрачивается. Но случится сие лишь через десять лет после узаконения Тулуписа, о чем позже будет сказано. Пока ж благодетельствованные Лесписом, воеводой и культуртрегерскими властями тулуповские писари развернулись во всю губернскую ширь и удаль. Не следует мнить, что Леспис и его губернские отчинения были устроены радением Стального Барса и Горькоусого Моржа едино для беззаботного продовольствования писарей. Это было бы накладным для лесной страны баловством да и только, о чем выше приведены пристойные рассуждения. Главное — обеспеченное жительство и харчевание не отвлекало писарей от сочинения книг, способствующих общественному цветению лесной страны. А с числом оттиснутых литерам книг и междусобойных критик приходило и мастерство, которое, в свою очередь, продвигало к проявлению и просиянию с весомой надеждой на оседание в положенных писарским регламентом ярусах Скрижалей.

Вызвал халиф Кишимистанского ханства визиря по идеологии для доверительной беседы:

— Знаешь, Саулбек Биригендерович, моя дочка Зульфия, которая, как ты хорошо знаешь, в МГУ на филфаке учится, намедни позвонила. Дали ей сложную тему для курсовой работы по политологии: «Большевизация и современная американизация Средней Азии в исторических параллелях»...

— Вот, неверные, как закрутили, мой повелитель!

— погоди, Саулбек, не на митинге мы, не на телевидении. Давай к делу. Референт мой кое-что скачал с Интернета, но нужны практические примеры. Нарой что-нибудь по памяти.

— А чего тут рыть. И сами, ваше... сам, дорогой Назым, знаешь по моей биографии. Дед Барлык-хан в двадцатые годы был главным басмачом в наших местах. Три года за его отрядом конники Ворошилова безрезультатно гонялись. Кровушки реку немалую дедуся пролил. Но затем, как человек умный, первым дал клятву Клименту Ефремовичу в верности партии и народу и обменял именной маузер — от английского короля Георга — на должность первого секретаря обкома. Убывая беседовать с аллахом, передал ее отцу Биригендеру Барлыкхановичу, а тот, как сам опять же знаешь, меня в наследство ввел на закате нашей бывшей родной власти. Теперь вот ты меня подобрал... вроде как все в обратную сторону двинулось.

— Эт-то ты на что намекаешь? Знай все же меру, хотя и в ВПШ вместе учились! Кстати, сегодняшний курс поганого доллара к нашему алтынчачу узнавал?

В обобществленном *Нашем лесу* во всем главенствовала коллекта*, из чего приветствовалось численное возрастание писарей. Шестым сочленом Тулуписа также стал пришлый, завершивший все те же курсы при Высшем писарском училище Сказочник. Родопроисхождением с Мокшанских лугов. И его воевода с предводителем не обошли трехкомнатными апартаментами, прогонными, подъемными и пр. Имеется в арифметических учебниках для гимназий, того же Магницкого (но и не того, что упоминали выше...) правило о прогрессиях, где та же коллекта возрастает не простым прибавлением единиц (един в уме держим, два в пропись заносим), но все набирающим мощь при увеличении текущей численности. Так наблюдалось и с Тулуписом: после прибытия Сказочника чужих более не звали, а междуособным тайным голосованием вычленили в писари наиболее способных тулуповских сочинителей. И им воевода по наущению партийного предводителя на добротные берлоги и подъемные не скупился.

И самим *тулуписцам* веселее во все увеличивающейся коллекте время, остающееся от писчебумажных упражнений, проводить; опять же интриги повелись, что бодрят течение жизни и учат проворству, и тулуповским властям есть чем по культуртрегерской части на вселесных ассамблеях отчет держать. Выступает, к примеру, по принятому регламенту на такой ассамблее тулуповский воевода, доложил о благонравии обитателей своего леса, а по части хозяйственной зачитал таблицы о числе котелок, пудах меда, числе поросят (с хреном и пока еще без онога), ведрах сивухи и пр., сгоношенных в Тулуповском лесу его с предводителем и исправником радением. Ан недоброжелатель из залы ехидно: «А

* Термин (разговорный и книжный) XIX века, далее трансформировавшийся в «коллектив» (прим. ред.).

как с культурой-то! Имеются ли в наличии присутствия обилеченные писари?» Раньше бы воевода скуксился, а теперь горделиво и подбоченясь: «Превосходно у нас с культурой со всех сторон рассматриваемого предмета. Если до обобществления в Тулуповском лесу имелся в наличии токмо один писарь — Великий Лев, то ныне у *меня* оных, зачисленных в Леспис, целиковый двадцатник!» Ассамблея от гордости за своего сочлена в полном восторге рукоплещет. Только допущенные на это мероприятие седовласые проявившие и просиявшие, уже при жизни занесенные на Скрижали, меж собой необидно ухмыляются... мол, из пустой хоромины, либо сыч, либо сова, либо *сам сатана*. Как в воду седовласые насчет Тулуписа глядели — но позже об этом опять же.

Десять лет начального существования Тулуписа — самое блистательное время для тулуповских писарей. В тогдашнюю пору все лесные жители страны от мала до велика читали книги и толстые писарские куранты, развивая в себе благонравие и упраздняя всякие подлые мысли, что остались от эпохи старого, еще не обобщественного леса. У тулуповцев, исстари полагающих свой лес наипервостепеннейшим, горделивое чувство к писарским землякам все более проявлялось. А те, по регламенту обилеченных, уже не одни подвалы курантов «За родную трущобу» и «За молодую трущобу» занимали, но и целиковые писарские рубрики там завели. Каждый писарь раз в год-два тискал многогонорарную книгу в *своем* издательском учреждении. И в столичных курантах кое-кого из них приметили и привечать начали. Премияльными особо пока не баловали, но уже Олениха получили скромное, но на слуху у всех писарей лауреатство...

Бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу. Авторы по дагерротипам в местных курантах уже в лицо на лесных улицах начали узна-

вать. Писари же, особливо из легких на подъем стихотворцев, солидную прибавку к гонорариям извлекали из творческих поездок с выступлениями перед лесным народом по заводам, фабрикам, урочищам, департаментам и училищам Тулуповского леса. И по части грамотного сочинительства писари усердствовали: записывались в Высшее писарское училище или на курсы при оном, благо столица рядом, а прогонные всего два рябчика в один конец.

Но — писарь полагает, а имущий власть располагает. И вышел превеликий конфуз с Тулуписом.

◆ ...Однако грех да беда на кого не живет? Разблагодуществовались не токмо писари тулуповские, но в «золотые годы» верховноправительства Второго Тигра, давшего пинка под зад волонтаристу и пробебелисту Кукурузному Вепрю, вся лесная страна, перейдя на ежедневные шти с убоиной, приобрела искреннее пламенение души и осязательное содержание своих трудов праведных и вознаграждение за оные. Городские лесовики служили по департаментам, фабрикам и заводам. Обобщественные жители деревни летом землю общим колхозным обычаем работали, а зимой валяли валенки или иному оброчному занятию предавались. Но и в городе и на селе тесно общались с культурой, читали запоем стихи поэта Рубцова («Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный навеселе»). И тулуповских писарей, усердно приумножавшихся, земляки читали и других лесов обитатели — слово «обыватель» в обобщественную историю страны полагалось ругательным и исключенным из употребления.

Но всякое общественное цветение и вольнолюбивое расширение своих идеалов приводит к потере бдительности — обратной стороне всеобщего благонаравия и благодуществования. И гром грянул над Тулуписом. Почему Илья-пророк для образцово-показательной порки избрал почти из сотни губернских

отростков Лесписа именно тулуповский? Кто знает... может звезды в таком астрологическом соподчинении на закопченном небе заводского Тулуповска сошлись, или почившие на лаврах воевода с предводителем и исправником бдительность ослабили. Увы, История обратного хода не имеет: в ее анналах и на ее Скрижалях входят односторонне сколь-либо проявившие и просиявшие... в мирных докуках или в наиболее блестящих злодействах, поучительных срамных делах, великих кровопролитиях, но обратного хода из Истории в реальную протекающую жизнь не предусмотрено. То есть править, исправлять, дополнять или исказить Историю — дело хотя и нехитрое, но на полном резоне дурацкое.

Итак, гром прогремел над Тулуповским лесом, молния попала, аки нарочито прицеленная, прямо в Тулупис на десятом году его <увы, предыдущего> благодушествования, цветения и продвижения к пока еще дальним окрестностям Скрижалей.

...Нет, конечно, и до этого междуусобства в форме сугубо специальной писарской хвори — зависти к ближнему — имело место быть в Тулуписе. Оно и понятно: коллекта писарская все увеличивалась, а у издательского заведения в Тулуповске план тисканья книги отставал за оным ростом жаждущих сочинять под гонорарии. Отсюда и подковерное первенство затеялось — источник зависти и взаимного враждования. И даже верноподданническое доносительство по части опекаемой предводителем партийности; особенность участия в Лесписе, оно же в Тулуписе — обязательность окромя писарского иметь в наличности и партийный билет. Соревновательность эта в писчебумажном занятии распространялась и на прокормочную докуку, завидование по выделенным берлогам: у одного трехкомнатная апартаментная в центре, у другого — поближе к окраине и всего лишь о двух комнатах... Поелику же тулуповские

писари находились в спелом для любовных утех возрасте, да от ежедневных штей с убоиной и праздничного поросенка под хреном натура бунтовала и требовала оных, то тянуло обилеченных сволочиться с молодой красивой зайчихой или кобылицей из преданных почитательниц губернского таланта, заводились мамочки* для утоления будоражащей страсти. Опять же такой либерализм в повреждении семейных устоев — по части предводителя: по устному или писанному доносительству недругов-завистников.

Но все это дело обыденное, особенно по женской части. Предводитель посмеивался чтением доносов или даже слегка завидовал наиболее ушлым жеребцам. Полицмейстеру и жандармскому шефу Тулуповска доносительства и вовсе остерегались сочинять: не за супротивника, конечно, опасались, но за мать-кормилицу, то есть за Тулупис; как бы не прикрыли! Дело тонкое и политичное.

Но вот что случилось на десятом году благодушествования тулуповских обилеченных писарей, то ни словом сказать, ни пером описать в приличествующих партикулярных выражениях, ибо по сути рассуждать — одни неудобные для литерной печати выражения получают. Таковое в писарской среде злоумышленное подрывание устоев и потрясение основ, очернение высших идеалов, беспримерное по нарочитой срамной наглости ни то что в обобществленный период истории *Нашего леса* ни до, ни после не случалось, но и сообразоваться настоящим манером со времен Гостомысла и братьев Рюриков могут разве что с предательством князя Курбского и воследовавшей его перепиской <в сугубых матерных изъяснениях> с Иваном Грозным. И все одно на предмет

* Сволочиться <с кем-то> — завести любовную связь; мамочка (или мамоха) — любовница. Разговорный язык XIX века (прим. ред.).

упомянутой уже срамной наглости злоумышление князя супротив учиненного тулуповским писарем Лошаком паскудства все одно, что утаенная полтинная монета перед украденным золотым полуимпериалом в рябчиковом исчислении...

Молодой Лошак, хотя бы и выглядел несколько несоответственно с возрастом старообразно, что в лесном обиходе ядовито зовут «оглоблей», являлся баловнем касталийских муз — не в понятии особого какого таланту, но в умении улавливать щербатым своим носом веяния «сверху» к особенно значимым событиям и датам. Таковых умельцев лесписовцы в домашнем междусобойном кухонном кругу за поросенком под хреном и «очищенной» (женам и малым детушкам — пастила и морошка в сахаре) именовали *датскими писарями*. Потрафляя либерализму в «оттепель» при Кукурузном Вепре и общему расслабляющему благодушевствованию при Втором Тигре, Лошак и здесь подпускал в писчебумажных сочинениях инвективные ужимки, но — все в пределах намеков на желательное усовершенствование (борьба лучшего с еще более лучшим!) регламента и осязательного содержания идеалов цветения обобществления. Самый упертый в своем запретительном деле цензор, хоть в астрономические окуляры глаза порти, не мог выявить в писаниях Лошака ничего либеральнее замечания, что де вот герой его повествования возжелал (с похмелья что ли?) вкусить соленого арбуза, обегал все зеленные лавки в своем сибирском урочище, но диковинного приуготовления фрукта не обрел... И верноподданнически Лошак рекомендовал кому следует обеспечить *Наш лес* (опохмельительными) солеными арбузами. Цензор, научившийся латыни в университете, оконченном по римскому праву, вспоминал сообразующуюся с арбузным либерализмом формулировку: *causa impulsiva per stimulos*, то бишь побуждающая посред-

ством стимулов причина, — и надписывал разрешающий к тисканью литерами гриф, сходный с масонским знаком.

♦ С чего это музы, восторгающиеся всем изящным («*Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер, / Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер...*»^{*}) и красиво прекрасным, возжелали избрать своим представителем в тулуповской лесной глубинке Лошака, дагерротипная фотогеничность коего тотчас побуждала вспомнить присказку, что-де с лица не воду пить? О, эти женские загадки! Но в части данного предмета сказать, что любовь зла, полюбишь и осла, значило бы обидеть занимавшую в Тулуписе тогда должность Осла добропорядочную птицу Казарку...

Конечно, грамоте Лошак знал изрядно, то есть на гимназическое «хорошо», не зазря ученичествовал в Высшем писарском училище, откуда был выпущен по прозаическому разряду, тотчас уловлен дипломатическим писарем из Якутской мерзлявой тайги Лавроносным Журавлем, уже примерявшем на себя должность Льва во вновь соорганизуемом Тулуписе, водворен на постоянное местопребывание в Тулуповский лес с выделением самой благодатной — в сравнении с другими писарями, соорганизаторами — трехкомнатной апартаментной конюшне с приличествующими прогонными, подъемными и представительскими.

Опять же легкое либеральное резонирование и датское чутье, о чем говорилось выше, поспособствовали довольной регулярности тисканья книг и на страницах столичных писарских курантов. Ничем не выделялся Лошак в предмете и содержании писарского умения в соотношении с большинством леспи-

^{*} Игорь Северянин. Июльский полдень. Синематограф (прим. ред.).

совцев и собственно тулуписовцев, но... вот так на молодого Лошака пасьянс разложила судьба, а гораздо правильнее — умел он нужную карту в бостонной игре передернуть без битья канделябрами и шандалами по головке тыковкой. Лошак еще в столичном своем бытѣ довольно извертелся в лесписовских кругах. Облик его и прозвище запало в сидящие головы тамошних проявивших и просиявших, оттого отказу ему не надлежало быть в толстых писарских курантах; уже в тулуповское житье-бытѣ ввели Лошака в редакторскую коллеку главных молодняковых писарских курантов, что тиражировались в столице ежемесячно в миллионах штук и прочитывались всем *Нашим лесом*.

С таким-то устремлением в ряды проявивших и просиявших Лошак и прибыл в Тулуповский лес с молодой жеребой Кобылкой... почему-то в последующие годы ему с неизменным постоянством сопутствовали эти обязательно жеребьи кобылки, затем вскачь убегавшие от Лошака. Даже на конфузное и подлое свое дело он отправился от все такой же жеребой кобылки — очередной мамочки.

...Да еще Лавроносный Журавль подливал масла в огонь, прилюдно устно и писчебумажно расхваливая сверх всякой меры «нашу надежду и осязательное содержание растущего в мерах талантливости Тулуписа, одаренного писаря, беспрестанно сеющего рукой добродетельного пахаря на нашей лесной ниве разумное, доброе, вечное, беззаветно отдаваясь своим ощущениям благ, необходимых для дальнейшего развития и процветания обобщественности»... и далее в тех же велеречивых похвалах. Понятно дело, Лавроносный Журавль, заботясь о радикальном возрастании авторитета начальствуемого им Тулуписа, меркантильно питал надежду на исполнение искреннего пламенения своей писарской души: посредством высоких столичных покровителей Лошака и самому

себе приблизиться к стройным шеренгам, побатальонным «квадратом» под звуки оркестра полковой музыки марширующим в одушевление своих идеалов в диспозиционном направлении к абрису едва еще узреваемого в раннеутреннем весеннем тумане контуре писарских Скрижалей.

...Но «травмированный ранней славой», как удачно в кулуарной беседе посередь доверенных своих высказался тулуповский писарь Альбатрос, Лошак полагал все высокопарные восхваления, к нему относящиеся, натурально самими собой разумеющимся и вовсе не имел в мыслях предстательствовать перед столичными писарскими чинами за своего благодетеля. И вовсе не полагал за что-либо из себя значащих всех тулуповских писарей, поплеывал на них фигурально. Словом, вел себя соответственно при сказке: один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок. Вообще не имел какого-либо общения с ними, исключая случайные встречи у кассы тулуповского издательского заведения. «Я емь единый писарь в этом лесу... и не только в ем одном,— прилюдно рассуждал Лошак в некотором употреблении «очищенной» по табельным дням в гостеваниях у видных служебных персон Тулуповска,— все же остатние, именующие себя избранниками муз, суть графоманы уровня учрежденческих стенгазетчиков!» И всем это почему-то по душе маслом ощущалось прокатившимся. Даже самим введенным Лошаком в ничтожество тулуповским писарям. Потемки душа человеческая, а писарская и того более. А все от того, что в те добронравные и снисходительные времена жилось писарям хорошо на гонорарии и сообразные приработки, но регулярность их получения паче всего определялась изворотливостью, умением подольстить тому, кто мог «порадеть своему человечку».— Даже в слабоожидаемой перспективности. Лошак же мог многозначительно, надув брылья, заметить к случаю,

Бомж Игнат сходил на прием к депутату городской думы, новорусскому купцу Лаврову. До Самого секретарша общественной приемной депутата Игната не допустила, но выдала по разнарядке и под роспись тридцать рублей. Пошел довольный Игнат на ближний рынок «своего» микрорайона и купил у частного предпринимателя Ворсклова, торгующего вразнос, два пирожка с квашеной капустой. Время зимнее, поэтому люди в общественных местах улицы для взаимного сугрева стараются обитать кучкой. Вот и Игнат, пережевывая обеззубленными деснами домашней выпечки пирожки, завел беседу со скучающим Ворскловым. Как дипломат в душе, а по образованию инженер-ракетчик, Игнат заговорил на тему дня: грядущие выборы в главную думу страны:

— За кого голосовать будешь, достопочтенный?

— За наших, бродяжка,— ответил частный предприниматель, в бытность давнюю учитель литературы.— А почто интересуешься? Ведь бомжей к урнам не подпускают.

— Ошибаешься, достопочтенный; сейчас и без прописки можно. Так вот и я надумал голосовать за Народную партию торсионно-инновационного освоения Марса.

что-де в Лесписе он со всеми на короткой ноге; привет, мол, брат Пушкин, как жизнь? — Да как-то все так, брат Лошак. И сам главный писарский Осел за него лесписовскому Льву предстательствует... Доверчивые тулуповцы, хотя бы в своем кругу хитрецы и их на мякине не проведешь, невольно робеют: ваше лошаковское степенство, вы отцы наши, мы дети слабограмотные ваши, уж пособи́те при случае — просто, не прося ни за кого, скажите: есть, мол, в Тулуповском лесу такой дедушки Маза́я писа́рь Заяц! С нас, сирых, и этого довольно будет.

Лошак же, присвистнув и тотчас изгнав из тыквенной своей головки все писарские благоглупости, шел в пристойный для его реноме круг общения, что охватывал достойнейших чинов Тулуповска, близких к воеводе, предводителю и исправнику. Но шеф жандармов и полицмейстер также о Лошаке наслышаны с благонравных позиций соблюдения идеалов обобществления.

◆ Конюшню же свою дармовую Лошак, ничтоже сумняшеся, в бодрственную действительность самоличных — уже не проповедуемых им обобществленных! — идеалов превратил. Продовольствовался он обычным делом в трактирах и в гостевании у серьезных персон, где завсегда подавали фаршированного гречневой кашицей поросенка, добавляя к оному первостатейного лафиту и доброй «очищенной», настоянной на ягоде клюкве <<дойдя до этого места при первом чтении авторизованной под Салтыкова-Щедрина *исторической* повести, Игорь Васильевич усмехнулся и сделал легкое вразумление аспиранту Володьке: «Прекрасно понимаю твою семейную гордость — настоянную на клюкве самогоновку, но ведь *историческая* правда важна! Самогонить-то на Св. Руси стали только в начале Империалистической, когда Николашка-царь сухой закон ввел. Поэтому прошу: при дальнейшей работе над диссертацией ау-

тентичность *историческую* соблюдай; как говорил персонаж знаменитой кинокомедии: «А ты не путай личную шерсть с государственной!»>>

...Не брезговал и домашними штями с парной убоиной, на рынке приторгованной, если на тот момент в конюшне обиталась очередная, непременно жеребая кобылка. Отдельное стойловое помещение отвел под самоличный кабинет, где сочинял на писарском досуге, беззаветно отдаваясь творческим устремлениям (око за око, номер толстых курантов за номером), руководствуясь светлыми, радужными перспективами гонорариев по высшему разряду, чутко разбрыльенными ноздрями осязаясь на полезные даты и события в упрочении и дальнейшем цветении Марковского идеала обобществления.

Но ближе к сумеркам и на всю ночь, особливо в промозглую, слякотную осень, позднедекабрьские морозы, февральские вьюги, мартовские стылые иды, в самом большом стойле лошаковской конюшни набивался — с ответными визитами — чиновный и прочий светский бомонд Тулуповска. В числе каких все те же из круга ближних к воеводе, предводителю и исправнику. Иные и из благочиния полицмейстера и шефа жандармов запросто заходили, отстегивая в прихожих сенцах сабли от мундирных поясов и снимая шпоры.— И сразу гости, добродушно ухмыляясь, а которые в мундирах подкручивая усы, устремлялись к фуршетному угловому столу: к водке, коньячку, дамскому лафитцу, к икре паюсной, конторской и пробойной, к семужке и балычку-с.

Опосля уже за обеденным овальным столом пир на весь вечер и половинное начало ночи: с тостами, либеральными (в своем кругу) беседами, вистом и бостоном, с дамами для плясов и общего одушевленного благоустройства. Имелись в гостевом наличии и писари, но токмо (упаси бог!) не тулуповские, но

наездом из столиц и университетских центров, такие же как Лошак энергетические и устремленные к проявлению и просиянию.

Много чего в тех весельях говорено было. И сам Лошак и многозначительные гости воодушевлялись радостными успехами общественного цветения Тулуповского леса, меж тем многое для себя узнавая нового в веяниях, лежащих в основании нынешнего уклада обобществления...

И лишь только впервые попавшие на раут к Лошаку изумлялись: потолок гостевого стойла... был по всей его площадности закопчен до грифельной гимназической черноты. Каждый же такой неофит — в знак вхождения в этот «круг короля Артура», олицетворявший писарскую мысль и вообще художественное одушевление Тулуповска — обязан был взобраться (до первой фуршетной стопки безопасности в части членовредительства для) по лесенке-раскладушке, что на такой случай имелась в углу стойла, и на не занятом еще пятачке вороненого потолка подмахнуть свою подпись, для чего применительно пользуясь палочкой гимназического мелка. Онный также всегда про запас наличествовал у хозяйственного в части домашнего быта Лошака.

Почти с десяток лет жуировал и благодушеествовал наш Лошак, имея обильные сонмы рябчиков от беспрестанно издаваемых книг и печатания в толстых столичных курантах благонамеренных, в основном *датских*, сочинений, для остроты чувствования и спроса читателей в писчебумажных лавках слегка подперчивая их дозволенным либерализмом — навроче упомянутых уже соленых арбузов. Исподволь тулуповские писари, вне всякого сомнения, люто завидовали ему, но то была абстрактная зависть недостижимости: как бы Моська тщила уравниваться геометрическими и весовыми пространствами с облаянным ею Слоном. Лай не лай, но если ты суть мелкая

квартирная тварь, то куда тебе до украшения зоологического паноптикума?

Нет, всенесомненно, за эти десять лет после обретения вождеденных билетов Лесписа тулуповские писари, хотя и не всем кагалом, но в приличествующей пропорции, вплотную приблизились к той линии горизонта, с которой уже просматриваются дальние предместья Скрижалей. Шло время, многие прошли курсы в Высшем писарском училище, а если от рождения голова способна «ямбы от хореев отличить», либо склонна к историческим и лирическим жизнеописаниям, то в итоге многие тулуповские «инженеры» душ лесных обитателей ничем не отличались по грамотности и осязательному содержанию своих сочинений от уже проявивших и просиявших из других лесов, но даже от таковых из столиц и университетских центров. Все-то отличие в географии и писарском компанействе. Нередко уже тулуповцев тискали литерами и в толстых столичных курантах.

Еще раз оговоримся: нет худа без добра. Так и здесь: тулуповские писари, завидуя в бессознательности Лошаку, в оно же время вполне чистосердечно благодарности ему не то что прилюдно льстя, но и за глаза, даже сам-один находясь в каком-либо местоположении, выказывали (!?). Удивительного в том ничего не сыщешь: их все чаще «узнавать» начали в столичных курантах, самых-пресамых рябчиковых и Скрижалю осененных. «Ба-а! Да этот проситель по части напечатания в наших курантах из Тулуповска! Это ведь где сам Лошак укрепляет прочные устои наших идеалов и подвигает оные на ниву всеобщего обобщественного просветительства, да? И вроде как Лавроносный Журавль на должности Льва ему всячески поспособляет в устоянии идеалов». После чего произнесший сию похвальную тираду Осел — секретарь курантов предстательствует перед самым Львом-редактором за тулуповского автора: «Ваше степенст-

во! Надоть тиснуть этого Лисенка тулуповского, конечно, сократив раза в три... опять же Лошак!»

К десятому году своего бытования Тулупис уверенно шел к дозволенным регламентом обобществления идеалам добра, осязательно перенося на ниву практической полезности эмпирии устремленности и благонравия. И собственно коллекта тулуповских писарей ни шатко ни валко, но все же не допуская особой кривизны, как городской на посту у своей полосатой будки бодрствуя, все более приближалась к позициям равнозначности с первенствующими губернскими писарскими товариществами (уже на паях которые, но не с ограничительной ответственностью...). Конечно, до столичных и университетских центров очень далековато все просматривалось, но... чем черт не шутит? Вдруг подвиг блестящий какой случится на тулуповской ниве писарской — и все единово, в однодень просияет?!

...Вот и «просияли», ибо боге не микишка, зрит на ком шишка. Видимо изначальный грех кто-то свалил на тулуповских писарей, причем свалил безадресно; это как досужий прохожий, что в мартовскую оледень аккуратно смотрит под ноги, увидит медный семишник, а то и вовсе серебряный гривенник, обрадуется, подымет, с серебрушкой и вовсе в кабак завернет, сотку или шкалик на найденную дармовщину в организм введет... а того не ведает простодушный, что монетка эта заговоренная, кто-то с себя грех снял, перенес на семишник или гривенник и подбросил: с Федота, мол, на Якова перейди!*

Да и мужик не перекрестится пока гром не грянет. Надо было креститься тулуповским писарям до грома, но только три пальца ко лбу приставишь, как тут же рядом птица Казарка, что на должности

* Замечательно и со смыслом таковое свойства денег описал Л. Н. Толстой в своем «Фальшивом купоне» (прим. ред.).

Осла в Тулуписе. Добрая она и сердечная, но ведь ответственная по своему чиновному месту за идеалы обобществления, в числе коих обращение к всевышнему не означено табелем...

◆ Но еще за пару лет до паскудного конфуза тулуповские писари, озаренные одушевленным даром самодостаточного чувствования — это которые стараются не в ногу со всеми маршировать, — как-то Альбатрос и ненашего Тулуповского леса происхождения Степной Волк, а также мокшанский уроженец Сказочник, в междусобойных частных рассуждениях остерегали по части Лошака. Дескать, начал тот свои писчебумажные упражнения с верноподданных сочинений, в каковых, совсем крошечно либеральничая по части соленых арбузов, утверждал правильную линию светозарного продолжения старинных легенд Сибирского леса с перенесением оных на нашу обобщественную действительность. И дальше выдерживал: за десяток с лишком лет таковую линию не искривлял. Но в самое последнее время общение с тулуповским бомондом, главное — ежедневные шты с парной убоиной с рынка, повернуло его раньше резонные мысли и никого особенно не задевающие чувства в подозрительную вседозволенность. В прошлом годе и вовсе напечатал роман о некоем *мимансовом актере*? Само поименование его звучит как-то неблагонадежно, по-западнолесски... Как бы чего не вытворил, душа копытная! Может аккуратно рекомендовать Лошаку наведаться по его столичным знакомствам в Кащенку? Или пусть попользуют местные эскулапы по душещипательным хворям...

А вот когда прямо накануне конфуза в воследующих друг другу нумерах архичитаемых всем Нашим лесом комсомолистских курантов, где Лошак состоит в правлении, тиснули его огненное повествование, в коем действие проистекает в Тулуповске, не

то что местные писари, но и сочинительский молодец, вообще все знающие грамоте и почитывающие в один голос ахнули: быть беде! А писари еще много чего из матерного лексикона <см. А. Н. Афанасьев. «Народные русские сказки» в 5-ти тт. Т. 4 — Эротические и нецензурные сказки; при всех режимах этот том и т. 5 (о полах) печатались под грифом «Для служебного пользования»> добавили. Простой лесной читатель озадачился слишком вольнолюбивым, превышающим ограничивающие препоны, либерализмом в части рассуждений автора о новозаветном Апокалипсисе, что не включено в обобществительные табели. Но сложно, почти невозможно переоценить праведный гнев тулуповских писарей — всего Тулуписа, исключая, конечно, самого Лошак! В повествовании этом Лошак, выражаясь по-флотски, обрубал все концы, то бишь канаты, хоть как-то ранее связывавшие его с Тулуписом. И первая мысль членов онога такова была: все, шабаш! видать не по чину Лошаку стало прозябать в нашей труппе и выпросил себе у столичных покровителей из Лесписа хороший чин навроде главного правленца толстых курантов, а то и вовсе в каком лесписовском президиуме. Вот и решил на расстанях по славному нашему общенародному обычаю — от Гостомысла и братьев Рюриков — плюнуть в глаза своим добрым тулуповским заединщикам в писарском прокорме!

Действительно, выложил Лошак на всевидную поверхность всю потайную низину тулуповской писарской жизни, заодно ошарашив наивного читателя сообщением: заместо усерднейшей деятельности по развитию обобществительных мыслей в обществе тулуповские писари всего лишь тускленько резонируют в своих сочинениях глухие отголоски со стороны магистральных путей героического продвижения *Нашего леса* к сверкающим идеалам добра, допустимой свободы, пристойной обеспеченности и прак-

тической полезной самодеятельности. Собственно Тулупис являет собою сборище случайных, слабограмотных графоманов, волнуют которых токмо рябчики, отпускаемые из кассы издательского учреждения. В самоличной же сущности эти писари зело пьянствуют, завистничают всему и вся, беспрестанно сволачиваются с податливыми мамашками. Отменно Лошак живописал тайные от недоброго глазу, угодные для предания всем порокам лежбища в зарецкой стороне Тулуповска — в деревянных берлогах наподобие воровских укрытий, куда они всей своей коллектой съезжаются на ночь глядя. Словом, предаются телесному и умственному разврату; в последнем статусе «упражняются в безверье и расколе».

За напечатанием оного пасквиля не замедлился и сам великий конфуз. Близилась сакральная дата — столетие со дня нарощдения Великого Тигра. Зная Лошака как «датского» писаря, никто в тех самых столичных комсомолистских курантах не выказал удивления и сомнения, когда тот напросился командировать его в Аглицкое безлесье. Хочу, мол, сочинить очерковое повествование о причастности Великого Тигра аглицкому съезду тогда еще запрещенной в *Нашем лесу* обобществительной партии, предводителем коей являлся. Для сего ж мне надлежит — для писарской вдохновительности — побывать в тех местах, подышать теми воздухами, что впитывал в свой организм Великий наш Тигр, гуляя по Аглицкому безлесью, так-сяк умом раскидывая диспозицию установления обобществления в нашей лесной чащобе...

Правление курантов прочувственно отнеслось к доброжелательным намерениям Лошака; особенно всех умилило желание его подышать одним воздухом с исторической тенью Великого Тигра. Без ропота и междоусобных выкрутасов выдали Лошаку в кассе прогонные, подъемные, харчевые и представитель-

ские в аглицких рябчиках. В самом же Тулуповске без проволоочки и с благодушным попечительством оформили принятые по регламенту отношения от Тулуписа, заверенные письменно в местном корпусе жандармов и у полицмейстера. Главное, благословил на столь полезное и значимое для празднования юбилея Великого Тигра, вставшего у основания обобщественности *Нашего леса*, предприятие сам предводитель. Отметим, что во времена цветения обобщественности главную роль в управлении губерниями исполняли не воеводы, как бы то казалось по наименованию должности, но предводители, от коих зависело все и вся во вверенных им лесах или урочищах (на окраинах — пустынях и горах).

На прощальном, увы, оказавшемся не фигурой речи, но сбывшемся по значению этого слова, банкетировании, естественно, во все том же кругу и без писарей, Лошак говорил несколько загадочно, что-де время нынче мудреное, а он едет за семь верст не киселя хлебать... Само собой разумеется, Лошак отбыл, оставив в своей конюшне очередную жеребую кобылку. Никто даже впоследствии не изумился такому постоянству.

...Не прошло и суток после посадки Лошака в аэроплан до Аглицкого безлесья, как кисель тот пришлось расхлебывать очень даже многим чиновным тулуповцам. Да и в столице, в Лесписе и редакции курантов, необдуманно командировавшей его, несладкое время наступило. Многих там подвинули.

Словом, сойдя с аэроплана в Аглицком безлесье, Лошак отыскал местное чиновное лицо и заявил: неумоги ему, великому писарю, эти высокие идеалы обобществления! Просит он великодушно принять его в подданство вольнолюбивого безлесья, где так славно дышится воздухом свободы для сочинительства и благоденственного проживания. Верный своей неистовой умоиступляющей натуре, подметив в Хит-

рованском депо аэропланов множество снующих нежеребых кобылок, Лошак потребовал от приветившего его чиновного лица перво-наперво доставить для изучения свободности здешних нравов и порядков в дом терпимости.— Для укрепления устоев переведения идеалов из области эмпирических мечтаний в предметы практического воплощения.

...Спознав о злоумышленной подлости Лошака, Альбатрос, Степной Волк и Сказочник отбили друг дружке по междуберложьему телеграфу свои самодостаточные суждения о случившемся: надо, ребята, готовиться к худшему!

◆ Обобщественная власть ласкова и благодушна ко всем, кто не страдает неумной жаждой бесформенных чаяний, но беспощадна к тем, кто недалековидно поспособствовал злодеяниям потрясателей основ и подрывателей устоев. Началась показательная порка без уважения к чинам. Даже пресловутого «стрелочника» не искали. Лесной народ поговаривал в трактирах и своих берложьих кухнях, что сам Второй Тигр, главный предводитель *Нашего леса*, хотя имел натуру благодушную, но страшно разгневался, приказал тотчас разобратся и всех же наказать. Как истинный и нелицеприятный сторонник обобщественной демократии, розыск начал с себя (сам себя выпорол), показательно отсрочив на полгода получение очередной геройской звезды с бриллиантами и на ленте. Ну-у, чухломному зверью только дай байки порассказывать!

Дабы не растекаться мыслью по древу, перечислим роспись итогов тулуповского розыска. Бессменный со дня основания Тулуписа его руководитель Лавроносный Журавль лишился должности Льва с отчислением по разряду рядовых писарей. Птице Казарке, возглавлявшей обобщественную ячейку в Тулуписе, объявили вердиктом предводителя строжайший разнос и также, отринув от должности Ос-

ла, отчислили все по тому же разряду. Пострадали — и бери куда выше! — намного более существенные чины. Самый серьезный удар среди оных пришелся по тулуповскому шефу жандармов: из «голубых генеральских погонов» переместился на предпенсионное прозябание партикулярным заведующим пробирной палатой.

Еще, кроме указанных, свой разрешительный вердикт на поездку Лошака давал предводитель того округа Тулуповска, к коему приписан Тулупис. И его, ничтоже сумняшеся, с чином похерили.

...Только по той счастливой для тулуповского предводителя случайности, что, вперво, вывел он своим хозяйственным талантом губернию в передовые по *Нашему лесу*, а вовторо, в молодости служил под началом и в дружеской компанейности с будущим Вторым Тигром, остался он при прежней должности. С обильным же числом всяких мало- и среднечинных из кругов воеводы, предводителя и исправника, что имели первостатейную глупость оставить автографы на закопченном потолке Лошаковой конюшни, правож вели просто: бывал? значит соучастник гнусного замысла. А еще чин на тебя большой наложен! — Отчислить по инфантерии и курьерской (тридцать тысяч курьеров скачут) кавалерии! Здесь пришлось, снимав от трудовой жаркости кителя с аксельбантами, попотеть розыскным дознавателям: устанавливать по потолочным росписям Лошаковой конюшни имярек каждого посетителя ночных увеселений и оргий с (нежеребыми пока) кобылками... Даже наказанные понимали: вина их и есть вина. *Mea culpa* — моя вина, как сокрушенно говорил по латыни гимназический учитель, чисто случайно и не по чину попавший в Лошаковскую конюшню. И добавлял: *dura lex, soud lex* — жесток закон, но это закон. «Вот сволочь отъявленная, — шипел иной наказанный по причине оставленной подписи на потол-

Мифологический и эсхатологический символ быстротекущего времени — ангел с косой, сидящий на шаре. Образность такого представления самоочевидна. Подошел к Символу профессор философии Артемидов, сложил по-наполеоновски руки на груди, запахнулся в академическую мантию, сделал умный вид... все же профессор! Не выдержал Символ:

— Почто уставился, муж высокоученый из города Тамбова?

— Да вот я о тебе, то есть о сущности времени, недавно книгу издал. Толстую, под тысячу страниц, почти как Библия... или Коран, или Тора — кому как нравится.

— Никому, док, ни сравнение арифметическое, ни сама книга не понравятся. Даже жене твоей, поскольку гонорара тебе не заплатили; сейчас ведь и за науку, и за псевдонауку не платят. Иначе все бросятся в сочинители.

— Но почему? Я ведь все по диалектике Гегеля Георга Вильгельмовича выверял. Про Платона и Канта не забывал...

— А как можно время описать, даже на тысяче страниц? Оно ведь пришло из бесконечности, промелькнуло и устремилось вновь в бесконечность, но только в будущую. И ухватить его, как тебя за твою новомодную косичку — молодисься что ли? — невозможно. Тем более описать. Так что, док, не пиши более трактатов обо мне, а используй отведенный тебе отрезок времени с большей пользой, например, сделай ремонт в квартире; сколько моего времени жена просит?

ке,— это надо же догадаться такой коллективный донос после себя оставить!»

Донельзя убитый лютой расправой, отринутый от должности Лавроносный Журавль совсем сник, расхворался и от тягостных раздумий скоро, увы, присоединился к той стае своих соплеменных птиц, что улетают без возврата... Умело он и пристойно вел по правильному пути Тулупис. И сейчас его имя добром вспоминают в Тулуповском лесу, хотя бы при всеобщей грамотности число читающих устремилось — по «Арифметике» Магницкого — к абсолютному нулю. Но это в нашем повествовании еще не скоро случится.

Был явлен природными силами мистической символ случившегося: в день погребения Лавроносного Журавля в столице Аглицкого безлесья смертельно попал под колеса (неустановленной полицейскими чинами?!) самодвижущейся повозки Лошак. Лесной народ, вроде как он ни причем, по этому поводу безотносительно приговаривал странное: на всякого Троцкого есть свой Меркадер... Но на то он и глупый народ, чтобы напраслину на кого ни попадая возводить. Попал и попал куда следовало!

Совсем недолго Лошак чувственно наслаждался аглицкими воздушными свободами и вседозволенного либерализма, но и из тамошнего безлесья все доставал тулуповских писарей, обличая в оных полное отсутствие грамотности и врожденного тяготения к занятиям сочинительством. Одни, мол, рябчики у них в голове, из которых остатки мозга выветрились, да дармовые поросята, куры, тамбовский окорок и очищенная сивуха на всяких обобществительных банкетах токмо на уме. Настолько, мол, жаднущи тулуповские так называемые писари, что даже отказываются сделать крохотную коллекту на пожертвование малоимущим сочинительницам, давно уже достойными обилечивания, а именно Утке-мандаринке и Овсянке Янковского...

Тулуповских писарей, которых если что и обижа-ло, так только не слишком большая — по их мне-нию — толщина пачек рябчиков, получаемых в го-норарной кассе, особенно заинтересовали названные Лошаком, никому в их среде неизвестные, редкост-ные и в иных лесах птицы. Ведь он, как всем ведо-мо, предпочитал жеребить кобылок; неужто в тайне от общественности еще и содомскому зоологическому греху в Тулуповске предавался? Но здравомысля-щие, хотя и очень себе на уме, Альбатрос, Степной Волк и Сказочник из мокшанских лугов просветили на таковой предмет недоумения: у Лошака от та-мошних вольнолюбий, либерализмов и обилия домов терпимости с нежеребыми кобылками (там наука фармация очень развита) все в мыслях воспомина-тельных перемешалось, а расчетливые чины Аглиц-кого безлесья, что взяли Лошака на службу по части пропаганду на *Наш лес* пущать, потрясать основы и подрывать устои обобществления, требуют много-словно отрабатывать тамошние рябчики (в натураль-ном их на фунты весе). Дескать, изворачивайся! Словом говоря, требуют от Лошака зазря пустые речи в наш лесной народ пущать... Вот в воспали-тельном соображении его и всплывают диковинные пред-ставители орнитологических сфер; все ради прибыт-ка, а не просто ради потехи над оплеванными со всех сторон тулуповскими писарями.

А мудрый от простонародного воспитания Ска-зочник резюмировал по фольклорной части, узнав о погибели Лошака, что от живого человека добра не жди, а от мертвого подавно... И посейчас, почти че-рез полвека от вышеописанного злодейского конфуза в Тулуписе, старожилы оногo и новые генерации пи-сарей почему-то... даже жалеют Лошака. Что это? — По всей очевидности наша исторически сложившаяся и закрепившаяся жалость ко всем несчастливцам: от нищей старухи на паперти до каторжного душегуба.

Особливо же печалются по убогим умом, к коим все-несомненно отнесен в тулуповской писарской чрезпоколенной памяти Лошак: был, мол, дурак, да вышел весь так!

В лихоимные же «девяностые годы», когда все паскудное, супротив прежнего, обобщественного *Нашего леса* направленное было в чести, то и вовсе во всяких подметных курантах, особливо в столице тиснутых, оспаривалась честь различных Лесов полагать Лошака *своим*, как свободолюбца, борца с тоталитарным режимом, воплощением совести и морали и пр. О — времена и нравы! О — история, смейся и плачь...

◆ Положено разделять историю тулуповских писарей пограничной, как зубилом выдолбленной в гранитной плите, черте: до лошаковского конфуза и опосля. ...И до другой черты: окончание эпохи обобществления и начала лихоимных «девяностых». Первая из поименованных черт отказалась для Тулуписа судьбоносной, но печально сослагательной в грамматическом наклонении. В «долошаковье», о чем уже рапортовалось выше, молодой по дате учреждения Тулупис с веселым остервенением нерастраченных еще писарских сил и чаяний на проявление и просияние на Скрижалях уверенно крепил свое реноме и добровольческие устремления по распространению обобществительских мыслей среди лесных обитателей. Уже верховные Лев с Ослом и ближним зоологическим кругом правленцев Лесписа с ласковой снисходительностью и благодушным расположением привечали юную тулуповскую поросль писчебумажных тружеников гусяного пера. Скупно, но все же отмечали наиболее проявляющих себя скромными знаками отличия. Конечно, до звезд и крестов на атласных лентах еще было как от земли до луны... даже до солнца, но ведь примечали!

Все рухнуло в гадаринскую библейскую пропасть

со срамным злодейством Лошака, хотя бы еще Великий Тигр написал, как припечатал, в своем собрании сочинений о роли личности в Истории: дескать, она преходяща и почти что случайна, в нужном месте в нужное время проявляющая себя в отведенной ей ипостаси. По философской справедливости и регламентам логики сие вам любой старшекласный гимназический учитель, как дважды две четыре, разъяснит. Но на то они и лесные обитатели, тем паче играющие в горелки девушки-чечеточки, чтобы отделять уроки от практической жизни. Получается вроде как в одно ухо влетает, а в другое вылетает. Особливо если личность эта предстает в сиянии значительного злодейства; неважно, героического или паскудного.

Вот и огорченным тулуповским писарям обличающие их неосмотрительность по части Лошака чины от воеводы, предводителя и исправника прямо заявляли: а не от нерадивости ли и благодушия вашего такая беда на Тулупис опрокинулась? И добавляли еще много разных правильных и воспитующих слов с цитированием собраний сочинений Великого Тигра и Карлы Маркса.

Беда же великая и огорчительна на «послелошаковский» Тулупис свалилась словно гром господень. Если бы дело ограничилось разжалованием с должностей Льва и Осла, соответственно, Лавроносного Журавля и птицы Казарки, то все страсти скоро и утихли. Незаменяемых у нас нет, говорил во время оно Стальной Барс. Тем более в Тулуписе, где задор неофитов от писарской власти еще не сменился либеральным скепсисом и возрастным догматизмом. Беда оказалась тяжелее, беспросветнее и обло круче мрачных ноябрьских снеговых туч, нависших по всему окоему над головами оплеванных тулуповских писарей. Нет вины без виноватых — приговорили в Лесписе и похерили все прежние, хотя бы только

начавшие проявляться заслуги «молодой и успешно растущей губернской писарской организации».

Словом, негласным рескриптом Тулупис навечно (то есть до случившегося через двадцать без малого лет) был определен в качестве неблагонадежного предмета просветительства. Все светлые и радужные перспективы перед ним закрылись. Хорошо хоть не упразднили вовсе и образцово-персонально не разжаловали из писарей в рядовые сочинители некоторых! Здесь, как поговаривали лесные обитатели, дальнейшие розыск и расправу на правах обобществленного хозяина Тулуповского леса пресек добродушнейший предводитель. Ведь дальнейшее пресечение в писчебумажной статье *его хозяйства* привлекло бы излишнее внимание его столичных недоброжелателей, коих всегда предостаточно у любого, на которого немалый чин наложен. Потом он достаточно знал из неведомого рядовой лесной челяди, а именно, что сам его высокий благодетель, лавролюбивый (хотя и благодушный) Второй Тигр мысленно примеряет на своем сюртуке знак лауреата высшей в *Нашем лесу* писарской премии имени своего тезки Великого Тигра. Что означало аккордом и причисление его к Леспису. А ведь нельзя по административному обыкновению *явно* одной рукой строить, другой ломать?! Дело тонкое и политичное, но наш предводитель недаром происходил из малороссийских степей: полезную хитрость завсегда соединял с недюжинным своим разумением. Словом — настоящий хозяин своих лесов и дел!

Ничтожество, в каковое ввергли Тулупис, явственно проявилось тотчас после увольнения с должности Льва Лавроносного Журавля. Казалось бы, с позиций административного восторга, на такую вакансию все писари, отталкивая друг друга локтями, центростремительно ринутся? Но... козыряй! как игроки в бостон изъясняются; желающих занять

опальное, еще не остывшее кресло днем со свечой пришлось разыскивать. И все неопределенно отбояриваются: у одного берлога с краю, другой вовсе не о двух головах, третий же не забыл злопамятно, как его блестящий роман «Колхозник Ермила», впоследствии получивший поощрительную премию на конкурсе ЖЭУ-14 Тулуповска, в планах местного издательства нагло перенесли на воследующий год... чтобы побыстрее тиснуть очередную повесть Лошака. Положительно, тень злодея продолжала черным крылом накрывать все светлые начинания огорченных тулуповских писарей.

Чудны дела твои, господи! В Лесу с веками наработанным строгим регламентом и почтением к табельным чинам («Государство наше есть по преимуществу военное», — таковым утверждением открывались гимназические учебники географии при Царе Горохе), в Тулуписе не находилось желающих в добровольческом устремлении занять вакансию Льва! Долго перекотыривались меж собой публично и междуособно писари, пока не вмешалась Птица-Секретарь, охолонившая разгоряченные головы: «А кто будет за Льва ставить роспись на всяких денежных документах, опять же на отношениях в издательское учреждение на печатание ваших же писчебумажных сочинений? Я же печать на пустое место прикладывать не стану! Хватит кобениться — избирайте Льва! Или хотите без рябчиков остаться?»

...Нехотя, с оговорками и взаимными обидами, поочередно, не дотягивая до окончания уставного срока, на должности Льва побывали Альбатрос, Олениха, Пушистый Котик и почти все остальные тулуповские писари. Словно каторгу отбывали <<«С обязательным УДО», — расхотался профессор Скородумов, читая принесенное аспирантом Володькой (вместе с бутылкой 0,7 л «клюквенной») «осалтыковленную» историческую повесть писателя Бурцева>>.

◆ Стерпится — слюбится. В каком бы чащобном забвении не находился два десятка лет — до отмены обобществления — Тулупис, но жизнь в нем не то чтобы теплилась, но по-своему струилась, порой и по-весеннему разливалась, расширялась в своих берегах. Да и в самом Лесписе со временем чиновные места освобождались по естественной убыли или скандалам, приходили новые местоблюстители, порой начинавшие недоумевать: а по какой-такой разрядке Тулупис по реестру неблагонадежности зачислен? Старожилы из проявивших и просиявших, уже с покушением на Скрижали, охотно поясняли молодежи. Те как-то задумчиво, соглашаячись, кивали, а некоторые выпущенные из университетов по филологическому разряду, так и вовсе в дозволенном вольнолюбии латинизировали (чтобы просиявшие, от сохи которые, не поняли): *tempora tenturum*, то бишь времена меняются...

«Жив курилка!» — как бы сказал о Тулуписе Ромен Роллан, доживи он до соответствующих лет. И если в Лесписе и в столичных толстых курантах начинали смотреть на конфуз с Лошаком с таким гвардейским либерализмом и сквозь (всегда искривляющую) призму Истории, то и сами тулуповские писари постепенно начали выходить из пелен робости и «как бы чего не вышло». Уже не довольствовались *своим* издательским учреждением, не то что подвалами, а и целиковыми полосами «писарской страницы» обеих местных газет: «За родную трущобу» и «За молодую трущобу». То один, то другой устремлялись в столицу, в тамошние издательские учреждения, а более всего в толстые и «комсомольские» куранты. Наиболее успешным в таком общественноугодном деле оказался Степной Волк — персонаж сквальжный и задиристый, но наиболее талантом одарен был: как в прозаических сочинениях, так и в рифмовании своих мыслей; как правило,

мрачных.— Но без очевидных подлостей и покушений на устои... основ тож. Тиснув два резонно сочиненных романа — оба в первостатейного табельного списка столичных курантах, Степной Волк в таковой кондиции даже Лошака в пору его писарского цветения превзошел! На тулуписовских ассамблеях озорно дурачился, задира́л докладчиков, нарочито злил их и радовался достигнутому успеху. Когда же писари собирались за столом по случаю тезоименитства сочлена Тулуписа — с круглой цифирью даты,— либо на законных правах и в целях поддержания нравственности общественных идеалов отмечали осязательным содержанием официальный административный праздник, то душой такового сборища всенепременно становился Степной Волк. Нарочито, то есть поддразнивая осторожных в мыслях и словоизъяснениях тулуписовцев, уклонялся от принятой линии: рассказывал анекдоты про руководителей лесной партии и правительства, после чего хорошо поставленным баритоном (Осел по отмашке Льва прикрывал оконные фрамуги) громогласно пел давно ставшие в *Нашем лесу* фигурой умолчания героические песни про обобществительные подвиги и блестящие воинские и партикулярные свершения Стального Барса.

Когда хозяйка общественного стола Птица-Секретарь вносила на жостовском расписном подносе поросенка, фаршированного гречневой кашей, с аппетитно запекшейся бронзовой кожицей, щедро умащенной хренком со свеколкой, Степной Волк, подмигнув робкому поэту, только-только обилеченному (с третьей попытки), которого он совсем недавно в пух и прах разнес на ассамблее за мелкотемье и уклоны в натуралистические осязательные несовершенства, поддразнивал того: «Прощай, молочный поросенок, отныне нам не хрюкать на луну, хрю-хрю-хрю!» Сивуху, даже неочищенную, Степной Волк постреблял неограниченно, но в пьяный раж несколько

не впадал, сохраняя веселое благодушие, либеральную раскрепощенность и ясность мыслительной сущности. Про такие матерые натуры в прошлом веке Даль и Афанасьев собрали в народе знаковые присказки: «Пей да дело разуме́й» и «Пьян да умен — два угодия в ем».

Остро на поэтическую и прозаическую нелюбимую Степного Волка вся писарская общественность прилюдно и сам-двое опасалась. Окромя увлечения писчебумажным промыслом и сивухи уважал рябчики («Был отменный эконо́м...»). Не довольствуясь приличествующими гонорариями, нахрапом влезал во все выездные предприятия Тулуписа — это когда малой коллекцией писари за отдельную плату от культуртрегерских учреждений по линии воеводы или предводителя отправлялись в различные урочища и чащобы Тулуповского леса, даже в соседние Леса, где увлекали тамошних обитателей, фабрично-заводских и обобщественно-крестьянских, исполнением соло собственноручного приуготовления стихов и назидательных параграфов из повествований — все той же фабрикации, тем самым создавая прочные устои для вольного труда лесных обитателей, каковая всегда лежит — по Карле Марксу и Великому Тигру — в сущности обобществления.

...Уже после ликвидации оно́го Степной Волк со смехом рассказывал новой генерации тулуповских писарей, как, будучи, взамен отчисленной по Лошакову делу птицы Казарки, руководителем писарской ячейки партии обобществления, он утаивал в ведомостях окладных листов на партийные налоги свои рябчиковые доходы от поездок-выступлений по урочищам и чащобам... Здесь даже междусобойный конфуз между Степным Волком и недавно обилеченным на исходе эпохи обобществления писарем Полярной Росомахой, обучавшимся ранее в Высшем писарском училище. Случайно встретившись, зашли они по-

приятельствовать в трактир с подачей пива, побеседовать о самозначительности писарского сословия в наступившие «лихоимные девяностые» годы в части ненужности еже какой-либо деятельности по распространению (отмененных рескриптом) здравых мыслей в обществе. Здесь-то Степной Волк и рассказал, смеючись, о своем утаивании от бывшей *нашей* партии налогов за просветительские поездки по чащобам и урочищам. Моложе годами и писарскими заслугами, Полярной Росомахе промолчать бы, не зная еще характера визави — вселенский шутник, Степной Волк приходил в самополнейшую ярость, слыша иную инвективу в адрес своей персоны, — но ляпнул-таки, изобразив серьезность лица: «Да за такое кощунство над светлыми тогдашними идеалами вашему степенству при Стальном Барсе десять лет без права переписки должно было дать!» — Сказал и вмиг испугался: Степной Волк побагровел, проклял весь росомаший род до седьмого колена, гневной дланью опрокинул на пол кружку с недопитым пивом, сплюнул и выбежал вон. Понятно, забыв уплатить по рябчиковому счету за себя. Пришлось огорченному Полярной Росомахе за двоих банковать с присовокуплением стоимости разбитой кружки, и еще по рябчиковой мелочи — за беспокойство — согбенной старушке-грачихе, трактирной подметальщице.

...Со Степным Волком мы еще встретимся в той части повествования, где живописуются тулуповские писари в ту историческую эпоху, когда обобществление заменили противоположным действием, а лесных обитателей вновь, как при Царе Горохе, изустно и печатно велено стало именовать обывателями и прочей лесной сволочью.

◆ Природа в своей натуральной ипостаси регламентом поделена временами года, на смене которых людей и зверей радуют недолгие, но в памяти запе-

чатлевающиеся, периоды умиротворения. Это суть ласковое окончание волнующей душу весны — месяц май в завершающих его двух декадах. Изобильный по дарам возделанной трудами лесных обитателей нивы сентябрь: природа уже грустит в преддверии непогод, но как веселы гимназисты, вроде заново после летних вакаций привыкающие к своим менторам, учащим их идеалам добра и обобщественности. Так и тулуповские писари, когда хотя бы немного забылось их недоглядение в части Лошакова злодейства, уподобились природному умиротворению, недалекому от потери бдительности, причем именно в сентябрьской аналогии. Что-то судьба готовит им? И вообще *urbi et orbi* — городу и миру, как в папских энцикликах. А раз проглянула заставляющая пожить душу неопределенность будущности, так следует радоваться дню текущему... хотя бы уже и сентябрьскому. Словом, оправившийся от моральной (и материальной по части рябчиков!) пощечины Тулупис выживал и надеялся.

Не то что не отставала в писарском усердии от Степного Волка многотрудолюбивая Олениха, единственная столичная (поощрительная) писарская лауреатка, но даже чаще его спешила в означенный табельный день к гонорарной кассе за вновь изданную книгу. В бухгалтерии издательского заведения ее чутки остерегались. Олениха прибыла в Тулуповский лес из дальней Сибирской тайги, где всяк силою природного воспитания и первозданной дикостью мест обитания не то что подозрителен, но зело осторожен в общении со всем окружающим. Тем более в тонких для профессионального писаря гонорарных делах. Ведь ему продовольствоваться на них до тискающей следующей книги! А очередь возжелающих водвориться в окладные списки — планы издательства, обслуживающего четверок губерний, все растет и растет в пропорциональном отношении по числу

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебы и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронок». Народ на площади роптал и возмущался».

вновь нарождающихся обилеченных писарей в Тулуповском и соседних лесах.

...Потому-то рачительная Олениха, ведавшая заведенный обычай бухгалтерии издательского заведения в подсчете полагающегося писарю гонорария арифметическим действием умножения числа оттиснутых литер на узаконенную ставку рябчиков с последующим округлением в меньшую сторону, самолично подсчитывала упомянутое число литер и умножала без всяких намерений к округлению. Арифметику же она знала отменно, будучи выпущена из высшего училища по корпусу горных инженеров, но отошла скоро от упражнения в оном, прочувствовав в своей натуре природой данное устремление в обители муз близ освежающих струй Кастальского ключа.

Писарем Олениха была отменным — для благоденственного обобществительного времени и губернского статуса. И в наступившую вослед вовсе неуютную для писчебумажных тружеников эпоху служила раз и навсегда избранному занятию совестливо. Даже самые завистники, понятно, по рябчиковой части, не смели упрекнуть ее в следовании паскудному правилу: дескать, спустя рукава, хоть что-нибудь, далее — по возможности, а затем и вовсе применительно к подлости... Но и с пресловутыми «правдорубами» никто бы Олениху не взялся соотносить, ибо, живя и продовольствуясь токмо сочинительством, писарю завсегда следует держаться аккуратной пристойности, то бишь гусиным пером описывать предмет с позиции правильной в воспитании и нравственности правды, но нисколько не влезать в сомнительные — не только в обобществленном, но и в ином лесоустройстве — дебри той правды («Нет правды на земле, но правды нет и выше!»), что навеивает у читателя смутные и неясные мечтания о потрясении основ, обличении злоупотребителей в чинах первых классов и подрывании устоев.

Словом говоря, не напряженным всякими философскими смыслами предстояла перед читающей (а тогда в *Нашем лесу* все читали!) публикой, главное пред невинными девушками-чечеточками и (еще или пока?) не огорченными малым числом рябчиков в карманах юными гимназистами и учащимися реальных училищ, Олениха, а добродетельным учителем благонравной жизни; неспешно поучала добротным стилем и слогом, воспринятыми от писарей-классиков предшествующих времен и поколений. Она же полагала свое сочинительство жизненным обязательством, трудной, но полезной работой во имя идеалов обобществления, к тому же приносящей душевный покой и удовлетворение. Каждый год местное, а то и столичные издательские заведения тискали литерами очередную ее поучительную книгу. Порядок этот Олениха исполняла почти что с календарной регулярностью. Даже лично-семейную жизнь свою не обустроила, полагая это препятствующим писарскому усердному труду.

Сюжеты своих сочинений она не из пальца высывала, чем грешили некоторые тулуповские писари, тем паче многие еще необилеченные, но брала из жизненных реалий. Поэтому и привыкли лицезреть Олениху в различного пошиба училищах, на лесных стройках-гигантах обобществительства, фабриках и заводах, где традиционно, из поколения в поколение, гнули котёлки. Она искала героев своих повествований не среди чиновников из окружения воеводы, предводителя и исправника, но от сохи, отбойного молотка, учащихся и наставников училищ. Оговоримся: если директивная обобществительная линия требовала от писарей оттенить или просветлить роль лесных руководителей, в том числе и в чинах до партикулярных генералов — действительных статских советников, то Олениха и здесь с присущим ей писарским мастерством выставляла ум, честь и со-

весть обобществительной эпохи. В губернском масштабе, понятно дело. Отсюда и книги, вовсе не ли-зоблюдские, но правильные, про прогремевший на весь *Наш лес* трудовой эксперимент в ближнем к Тулуповску урочищу, а особенно читаемый и сейчас на одном дыхании роман об избранном единогласно районном предводителе...

Не только молодая поросль лесных обитателей и умудренная жизнью женская половина зачитывались в то время книгами Оленихи. Даже необилеченные сочинители, одолеваемые всеполагающей завистью, зело сдобренной позднеюношеским скепсисом и либерализмом (мол, «мы — умы, а вы — увы!»), раскрывали ее книги — что возьмешь у сугубо женской писарши? — вроде как из общепринятой вежливости, прочитывали пару-тройку страниц... а затем увлекались и, стыдясь перед такими же (с либерализмом) необилеченными сотоварищи, уже наедине, в своей берлоге от корки до корки прочитывали. И здравая мысль их посещала после прочтения последних литер: да-а, брат Гусь Лапчатый, пожалуй и рановато тебе о билете Лесписа задумываться; надо у той же Оленихи учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал Великий Тигр, как учит нас обобществительная партия и лично <имярек>!

...Земля наша двухполярная: полюс на северной макушке, а другой в ледяной Антарктиде. Так к описываемому периоду истории писарей Тулуповского леса и в оном на сочинительском небосклоне всяк узревал двоепротивоположение: ушедший в злодейское небытие Лошак и спокойно, ровно светящаяся доброжелательностью сочинительская муза Оленихи. И долгое время ей еще предстояло освещать благо-нравно горизонты читающих лесных обитателей.

◆ Альбатроса и Сказочника из мокшанских лугов, невзирая на существенное различие их зоологического происхождения, сближала по роду занятий

начальная молодость и вступление в зрелые писарские годы. Оба они, вельми несхожие по внешности натур и причислению к разрядам сочинительства, по рекрутскому набору исправляли воинскую повинность по флотских экипажах. Оба и курсы в Высшем писарском училище прослушали, откуда были выпущены по разряду писчебумажных работников гусиного пера. Но вот дальше выступает токмо различие. Альбатрос — коренной посконно-домотканный тулуповец, до писарского призвания в заводе изукрашавший зернью и узором особливые парадные котёлки. Сказочник же пришелец с далеких мокшанских лугов, а в Тулуповск его приманили на полное довольствие и для увеличения численности только что организованного Тулуписа сразу по окончании Высшего писарского училища, до которого он в цирке гимнастическими упражнениями публику волновал.

Сказочник постарше, этакий увалень, сочинял для гимназистов и учеников-реалистов, соответственно своему прозвищу, заменявшему в заглазном общении писарей его звериный разряд (был он добродушным медведем), сказочные повествования, множества тискаемые и перетискаемые в Тулуповске и в столице. Отдал он дань и историческому промыслу гнутья котёлок в Тулуповском лесу, сочинял отменные сказки о легендарном мастере этого дела по прозвищу Затычка. Над ним посмеивались, мол, Затычка! Ха-ха-ха! Понятно дело, коллеги-писари завистливо загибали в сюртучных карманах пальцы, пересчитывая гонорарные рябчики Сказочника от местных и столичных неоднократных тисканий «Затычки». А вот в канцелярии предводителя, в кою пару раз пришлось Сказочнику явиться по своим писарским докукам, каковые Тулупису разбирать не по рангу оказалось, чиновники XIV—X классов, лишь недавно прибывшие выдвиженцами из малограмотных чащоб Тулуповского леса, также по-

смеивались, но уже от непонимания самой роли писарей в укреплении оснований, лежащих в исполнении практических воплощений идеалов общечеловечности... От природы мудрый Сказочник, получив от нижних чинов от ворот поворот, нимало на них не обижался. Зайдя в попутную простонародную распивочную при трактире купца Филимонова, выпивал потребное его медведевому организму, а по адресу нижнеклассных чиновников добродушествовал со случайным собутыльником: известно, мол, дело молодое, необтесанное. Вот наложат со временем на такого чин повыше, навроде надворного советника, так мигом поумнеет. У меня же на подарочное тисканье «Затычки» автограф просить будет вежливым порядком, дескать, соизвольте для малых моих детушек на добрую память... Словом, мы от сохи, но когда-нибудь достигнем «окружающего момента обстановки», как устами своего героя сказал наш флотский писарь. Известно ведь со старины нашей Гостомысловой, что уши выше лба никак не вырастут, если только не на должности Осла находишься — чтобы издали все шепотки неудовольствия в адрес Льва слышать и патрону докладывать в установленном регламентом порядке, — и чем выше чин наложен, тем более все содержимое головы улетучивается, а значит умнеет чиновник и думать начинает нужным местом, каковое по чину блюсти должен и сохранять для своего благоустройства.

Прост в общении Сказочник был, так прост, что до сих пор в писарской тулуповской среде о его простоте анекдоты ходят. Памятная доска сейчас на берложьем доме его висит.

...Альбатрос же, помлаже Сказочника, супротив его внешности имел фигуру приземистую, озорную. Сочиняет и посейчас по части рифмованного писарства, отменно играет на гармонии, а еще лучше поет поставленным от природы голосом: по нотной грамо-

те где-то между тенором и верхним баритоном. Но и по фальцету пройтись может частушечьему. Стихи сочиняет не «датские», но и повода к оному не избегает. В Тулуповском лесу, по признанию и утверждению самих предводителя и воеводы, за ним пальма первенства в патриотическом воспевании традиционного котёлочного промысла и собственно славной тулуповской отчины и дедчины. Честь и хвала ему от восторженных лесных обитателей имела место быть в описываемое наивысшее осязательное цветение эпохи обобществления.

...Когда Полярная Росомаха вступал в сочлены Лесписа <<«Что за *qui pro quo**?» — Игорь Васильевич запнулся на увлекшем его чтении,— зачем здесь, нарушая стройную временную последовательность повествования, возникла явно позднейшая фигура Росомахи?» И тут же рассмеялся, хлопнув себя ладонью по лбу: «Совсем было забыл, что автор «подстрочника» Андрей Матвеевич Бурцев родом с Севера; какой же писатель не захочет и себя в Историю, даже провинциально отведенную, вставить?»>>, то из положенных по статусу трех рекомендателей самым «весомым», конечно же, являлся Сказочник.

Другим же согласился перед комиссией Лесписа за Росомаху предстательствовать вальяжный Пушистый Котик, вышедший в писари из курантовых редакторов. Но и это, в основном прокормляющее его, занятие, войдя в Тулупис, не оставил. Определительное прилагательное (см. «Пространную русскую грамматику» Николая Греча, 1830, с посвящением на титуле: *Его Императорскому Величеству Государю Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ Самодержцу Всероссийскому с благоговением посвящает верноподданный Николай Греч*) «пушистый»

* Одно вместо другого — в смысле путаница, недоразумение (лат.) — (прим. ред.).

и ласково-уменьшительную существительную основу (опять же см. Греча верноподданническую грамматику) таковой писарь заглаза удостоился за прекраснодушный нрав, вообще свойственный оному зоологическому отряду, но главное — за пылкий и всеобъемлющий интерес к противоположному полу, хотя бы имел замечательной красоты и осязательной к нему благорасположенности супругу. К тому же — редкий случай — в гармоничном сочетании великолепной натурной внешности и приличествующей оному полу толики умственности. На благожелательные доносы завистников Котика поохотывала: «Отчего мой сволочится с мамашками страхолюдными? — А по той амурной контрастности, чтобы постоянно в себе подпитывать приязнь ко мне, ха-ха-ха!» И для своих сочинений Котик пользу (число строк — количество рябчиков для дома, для семьи!) извлекал из таковой любвеобильности, пристойным слогом допуская отступления в дозволенных общественных нравственности рамках, что увеличивало интерес лесных читателей и, соответственно, тираж отгиснутых книг. Тем самым, в соотнесении с диалектикой Карлы Маркса, замкнутый круг «писарь — книготорговец — читатель» все более расширялся на восходящих ветвях той спирали, которой в обобщительные времена в гимназиях и училищах, университетах тож, наставники в мундирных сюртуках с петлицами по принадлежности к министерству просвещения допекали своих воспитанников.

Росомаха самолично слышал беседу двух почтенных летами писарей — не то что пакостливо подслушивал, но сидел на соседнем диванчике в канцелярии Тулуписа по своей докуке, — обсуждавших новую книгу Котика: «...Чушь пишет наш Пушистый, дескать, три раза совокупился его персонаж с мамашкой в берлоге холостого приятеля, имея в наличии только два кондома галльской фабрикации. В

третий раз, мол, она, искусница, сумела и без одного предмета обойтись. Не понимаю и все!» — «Ничего ты, старый хрен, хотя и помышляешь тайно о Скрижалях, в новых делах не смыслишь...» Но здесь Росомаху потребовали ко Льву, а *новые дела* писари уже без его присутствия обсуждали.

Котику же Росомаха из всех рекомендателей наиболее признателен. В те времена в Лесписе обилечивали тулуповских сочинителей, хотя бы о семи пядях и подающих весомые надежды, со многими препятствиями: новый писарь как лишний рот в большом семействе, ведь планы-то тулуповского издательского заведения не увеличивают с возрастанием числа сочленов Тулуписа! Потому с первого захода вовсе никого не обилечивали. Хорошо хоть со второго сопричаститься? Так отменный поэтический сочинитель Буревестник и счет потерял предпринятым попыткам войти в сонм избранников тулуповских муз... Опять же характер независимый и голос твердый и уверенный настораживали тулуписовцев.

...Так и Росомаху, уже две полновесные книги оттиснувшего, выпущенного с приятными референциями из Высшего писарского училища, в первый раз старожилы забаллотировали: молод еще, а в романе своем странную кривизну по части обобществления этакой игривой загогулиной начертал. Обиды Росомаха не затаил, понимая, что сутолока около кассы издательского заведения никогда в порядок не придет, а Тулупис осаждать следует сочетанием терпения и умения сочинительского. В другой раз рапорт Льву подал с объяснительным убеждением в своей пригодности. Но и тут ему общим настроением хотели препон поставить (в издательстве как раз планку в очередной раз снизили). Выручил Котик: такую убедительную в пользу Росомахи тирадную аттестацию высказал, что привел возражения к единому знаменателю в части ожидаемой пользы от за-

числения «молодого, творчески необиженного, устремленного к идеалам» и так далее, что с крохотным перевесом, но все же Росомаху причислили к лику... Как то водится исстари в писарской среде (еще в чиновной и сугубо женской) первыми, искренне и с изъятием восторга, новообретенного сочлена, даже смахивая с ресниц редкие слезинки умиления, тепло и дружески поздравили (тайно) голосовавшие супротив. Росомаха сдержанно благодарил, обещая верно и бесподостно служить писчебумажному искусству, но сделал вид непонимания в части намеков, что-де его одушевление имеет несколько отвлеченный от практического проявления дружественности характер. Поскольку в *Нашем лесу* в это время (мы несколько забежали вперед в последовательности повествования...) проводилась кампания по отрезвлению общества — в преддверии наступления процесса поголовного высвобождения от излишних чувствований, мыслей и совести,— то Росомаха, изобразив на морде несусветную верноподданность, громко заявил: «Начинать, коллеги, как когда-то учил наш Великий Лев, следует с себя; только так возможно пресечь зло в самом его корне!» И ушел восвояси, не проставившись копченой поросятиной, жареными курами и очищенной сивухой.

...Уже давно на берложьем доме в самом пристойном месте (в *наипристойнейшем* квартировал только Лавроносный Журавль — обочь дворца предводителя) Тулуповска значится на стене мраморная табличка в память Котика. Мир праху его!

♦ Как должно быть тебе, благодарный читатель, памятно из классов — гимназических, реального или церковно-приходского училищ, писари завидуют и интригуют в сугубую одиночку, реже с сочувствующей супругой на кухне под шкалик «очищенной», но отдыхают душой и телом в своем сообществе, исключая выборные ассамблеи, где прежде до разма-

хивания, впрочем нарочитого, венскими стульями и вольтеровскими креслами радикально доходило. Это как, в пример будет замечено, в нынешние официально либеральные времена: вроде, по здравому разумению, и выбирать не из кого по депутатской части, но лесного жителя вроде как серьезно словесно задирают, из теплых берлог выманивают, мол, горячись, выбирай достойного! Но — к продлению сего повествования, не разводя излишней риторики.

А по сути благодушествование в писарском тулуповском сообществе в полной мере возродилось опосля прекращения чехарды с частыми сменами местоблюстителей должности Льва, о чем выше было писано.

Самим тулуповским писарям «первого обилечева-ния» осточертело без конца перепихивать друг на дружку должность Льва в Тулуписе (изба с краю, одна голова на плечах, обидели с берлогой...). Еще не выветрился в памяти, цепкой в сочинительском сословии, конфуз со злодейством Лошака и вос- последовавшим внесением Тулуписа в проскрипции в различных канцеляриях: от правления Лесписа до присутственных мест тулуповских предводителя и шефа жандармов. Как под таким недремлющим Оком исполнять со всей решимостью должность Льва? В оной же полагается два противоположные и основные воспитательные правила: блеск показатель- ных кровопролитий и отеческое (мы отцы ваши, вы дети слаборазумные наши) наставление с непремен- ным обещанием порадеть где надо и предстательст- вовать перед кем нужно... к примеру, о включении в издательские планы «ну-у, не на следующий, так на воспоследующий годик». А тут, как всегда кстати, недремлющее Око осадит Льва, дескать, ваш Тулу- пис и так под сомнением, не по чину тебе кровопро- литье претенциозное — до полного исправления! Кровь же побереги; оной надлежит смывать позор

Лошаковский, а не лицемерную верноподданность нарочито выставять. Еще более сомнительным в твоём положении пресловутая отеческая наставительность. Одного уже так наставили, что врагом *Наше-го леса* сделался и в Аглицкое безлесье дезертировал от наших светлых идеалов обобществления и трудничества во благо развития оногo! Нишкни, мол, тихо, не высовываясь сиди в своей чащобе и смывай с вверенного тебе Тулуписа вечное пятно позора...

Всепонятно, что даже ни на что не претендующие, не поминая Скрижали, ежи и зайцы не помышляли (да и кто бы их пустил!) о должности Льва.

Все же решено было положить окончание перепихиванию и перекотыриванию злосчастливого чиновного кресла друг на друга. В избранной (вино, женщины и искусства принадлежат Избранным) междусобойной ассамблее — без поросенка под хреном и злодейки с зеленой наклейкой — порешили и в мыслительном протоколе запечатлели: аз) на должность Льва определить всенепременно пиита, ибо у них книги намного тоньше супротив прозаических сочинителей, а значит больше времени останется для исполнения должности; буки) нового Льва изыскать из отдаленных урочищ, дабы еще не скоро оброс кумовьями в Тулуписе и начал радеть оным; веди) по характеру должен быть миролюбивым, а по годам — на долгий срок исполнения должности.

...Изыскали такого Медведя Миролюбца из удаленной чащобы, из мест, в которых два ста лет тому назад достославный Болотный Бобер строил дворцовую берлогу для незаконноурожденного сына Царицы.

И наступила золотая, даже в какой-то мере и по рябчикам (в приличествующей законоуложениям и морали обобществления), пора Тулуписа. Известно, что одному писарю похвалить другого все одно, что статскому советнику признать прилюдно коллежского

*Всем известно ленинское определение русского интеллигента, хотя, между нами, девочками, говоря, и сам Владимир Ильич начинал трудовую жизнь малоудачным либералом-адвокатом. Впрочем, скоро опомнился. В наше же волчье время интеллигент и вовсе гнойный нарост на умирающем теле национальной культуры и науки. Понятно, если он не другого пошиба, демократического... Самое существенное, что никакое время, никакие катаклизмы жизни народа и государства не изменили душевные и умственные устремления пресловутого *i n t e l l e g e n s*: вкусно покушать три раза в день и с полдником, следовать линии партии (коммунистической, либеральной, националистической...— какая шишку во власти держит), немного диссидентствовать, с девками молодыми шалить. А что касается нравственного выбора, то его всегда выручает гадание на пальцах или на кофейной гуще.*

ассессора равным себе если не по чину, то по резонанности мыслей! Поэтому новый Лев с чащобной крестьянской себе-на-уме хитроумностью избегал с самого начала исполнения должности, каковая продлилась почти три десятка лет, почти что до нынешнего времени, выделять одного писаря перед другим. Даже для своих сородичей из зоологического отряда исключения не допускал и вообще, став по чину Львом, отрекся от косолапого происхождения, ибо место красит, как то принято в администрировании. В междусобойных ассамблеях прояснял свою директиву: «...Гениальный, высоко- и просто талантливый — это попахивает претензиями на Скрижали, до которых всем нам еще расти и расти. Так что, писчебумажные мои собратья по гусиному перу, полезной скромности ради ограничимся пока титулами «способный» и «писучий», сделав приятное исключение для наших старейших: Оленихи, Казарки, покойного Лавроносного Журавля, Альбатроса, Степного Волка и Пушистого Котика. Присвоим им наименование «известных тулуповских писарей». В особую графу определим уважаемого Сказочника, нареча «самобытным», благо он в столицах и университетских центрах достаточно введом. Всех же необилеченных под едину гребенку: «подающие надежды».

Новый Лев по-умному и на канцелярию опекающего Тулупис предводителя обиды не затаил, когда тамошний квартирмейстер выделил ему берлогу не в «сталинском» доме. Здесь все было по регламенту устроено: как только число писарей достигло десятка, вновь билечиваемых передвинули в нижележащую графу и стали оделять берлогами если не на окраинах, то в новостройных местах. Причем размеры берлог свели к принятым обобществительным нормам: столько-то в квадратных сажнях на члена семейства. Лев и остальные (новые) сочлены Тулуписа хорошо помнили из классов азы Марксо-

вой науки о накоплении и распределении богатств соразмерно (растущему) числу созидających оные: где-то прибыло, а что-то и убыло...

Поньше ветераны тех золотых годов в беседах с молодой писарской порослью кратко определяют обобщительную эпоху всего-то за пятьдесят лет до ее заката: как кум королю жили! Общественное уважение, приятный почет от чиновников круга предводителя и воеводы, рябчики опять же... Ближе к концу эпохи и вовсе, подзабыв о злодейском Лошаке, стали избранно тискать тулуповских писарей в столице, а попечением предводителя и воеводы в родном лесу начали привечать таковых избранных, оделяя наименованиями почетных ситуайенов и заслуженных писарей, что всенесомненно отягощало их кошельки рябчиками... Лев сам хорошо рифмовал и того же спрашивал со своей паствы. Тогда-то предводитель на высокой обобщительной ассамблее в столице и произнес свои слова, что-де до Великого бунта в Тулуповском лесу имелся один писарь — Великий Лев, а ныне нутка сосчитай!

Писарская душа потемки, но напрочь лишена ненужной жажды беспредметных чаяний. Зато за внешней благодушностью задолго до свершения потрясения основ и подрывания устоев чувствует надвигающееся неустройство в жизни. На то они, по давнему высказыванию Горькоусого Моржа, и есть инженеры душ лесных обитателей. Писари вне своего круга на этот счет помалкивали, понимая, что рядовой обитатель чащоб и урочищ их нисколько не поймет, тем паче не выскажет изустно ни малейшего сочувствования к их тревожениям. Натура рядового лесовика посконна и домотканна в части осязания высоких материй и далеких перемен. Живет он одним днем, тем более в идеалах и практическом разрешенном достатке обобществления.

...И было *de profundis*, то есть из бездны (буду-

щего) на латыни, мрачное видение с предостережением тулуповским писарям в один из зимних вечеров в избранном кругу собравшихся скоротать за беседой о писчебумажном искусстве рано наступающую по времени года уличную темень в присутственном месте Льва.

◆ Лев поросятине предпочитал селедочку пряного посола из тулуповского магазина столичного купца Елисеева. Не потому что склонялся к магометанству, но накрепко вбил в память слова деда в смысле уважения к селедке в чине закуски к сивухе. Уважая старшинство Льва в должности, а значит и в истинности утверждений, вечерние собеседники по обычной раскладке сделали коллекту в рябчиках и отправили самого молодого — из недавно обилеченных — за одной сельдью, очищенной, салом с мясной прослойкой в палец толщиной, холостяцкой колбасой и хлебушком. На новоприобретенных крыльях Пегаса тот оборотился скоро, не успел Лев по разу-другому обставить (уважал он и эту индийскую забаву) в шахматилки пару своих подопечных. Не считаясь по приватности обстановки чинами, не в подхалимские поддавки играли, но всерьез.

Не успели освежиться по первой, разгонной, как вошел, отряхивая густо поваливший под вечер снег с шинели, особенно с поддельного бобрового воротника, запоздавший писарь. Разоблачившись и приняв с морозца стопку (ранее выставил на стол принесенный полуштоф), разъяснил причину невежливого опоздания: «Извиняюсь, господа писари, не рассчитал времени, делал крюк до участка». На него в наступившей тишине внимательно посмотрели: кто с сочувствием, иной злорадно. Но когда запоздавший с прирожденным слогом рассказчика — прозаиком был недурственным — поведал занимательную историю, приключившуюся с ним, присутствовавшие расхотались и даже предложили тост за кастальские

музы, оберегающие и в личной жизни своих подзащитных писарей. История же заслуживает внимания, кое мы и обратим на случившееся.

Три дня тому назад на Крещение писарь *N.* — из лосяного сословия — крепко загостился у кумы — под отменного поросенка и запивку к нему. После третьей стопки все опасения писаря относительно позднего возвращения домой, как то водится, улетучились. И кума, разохотившись на сливовую наливку, забыла про остерегательную присказку: что знает кум, знает и кумова супружница, а по ней и весь околоток.

Словом, поздно вышел в направлении родного очага. Как ни потчевала его заботливая кума румяной поросятиной и разносолами, но забористая очищенная своим градусом взяла уверенный верх над закуской. Да и крещеный мороз на славу щипал. От спутанной ходьбы Лося то в жар бросало, то в стылый озноб; песню сам-один заводил или похитоску от фабрики купца Стамболи пробовал раскурить — все не получалось, словно не лосем он был, но разлаженным часовым механизмом, где пружинки и стрелки каждая сама по себе стремится вертеться. Видать под конец неверного по избранному курсу пути, почти обочь родного очага, вышние силы решили наказать писаря за приязнь к красотке-куме: дорогу к дому загородила казенной окраски кибитка, прозываемая лесным народом «черным вороном», а с облучка прыгнули двое городских со словами: «А вот извольте, полупочтенный, с нами в холодную прокатиться!»

...Надо сказать, что во времена обобществления не водилось большей кары для любого партикулярного и даже чиновного XIV—X классов лесного обитателя, нежели препровождение в холодную — в целях провозглашенного с высоких ассамблейных трибун повсеместного и радикального отрезвления. К тому же в описываемое время происходило замеще-

ние зоологических видов в среде городских, квартальных и околоточных надзирателей, урядников и прочих нижних чинов по ведомству министерства внутренних дел. На смену пожилым, многоопытным в житейской толкотне, оттого рассудительным и в рамках узаконений даже благодушным оным чинам из отставных армейских ефрейторов и унтеров массово устремился на непыльное занятие молодняк из стайных зверей, каждые полгода скороспело выпускаемых из приготовительных училищ по ведомству губернских полицмейстеров. Тонкостей сложной лесной жизни они не понимали, данную им власть злоупотребительно и мстительно использовали со всем молодым размахом, имели склонность к дармовым рябчикам и очищенной. «Молодым везде у нас дорога», — распевала вся *Наша страна*, а таковые из полицейских нижних чинов в части усердия соревновательно считались друг перед другом, околоток перед околотком, участок перед соседним таковым. Жертвами такого азарта и становились лесные обитатели, на время забывшие про радикальное отрезвление. Даже ежели чуть запах от них исходил или на давно нечищенном тротуаре лишний шаг влево-вправо неловко совершил, выискивая путь поровнее. Тотчас из подкатившей кибитки: «А вот извольте, полупочтенный, с нами...».

Продрожал Лось ночь в стойле холодной под тонкой казенной попоной, а наутро — к выписке в канцелярию участка. Как положено, на руки ему для оплаты окладной штрафной лист. И местом службы для воспитательной цели посылки в оное рескрипта «разобраться и наказать» интересуются. Отрезвевший, хотя и не очень радикально, Лось рапортует: «Писарь есмь обилеченный; в Тулупис шлите рескрипт. Видите — перед вами билет!» Про себя же — здесь уж радикально — усмехается, мол, свой-то Лев не выдаст и не съест, ограничится междуособ-

ными воспитательными беседами за очищенной и селедочкой от купца Елисеева...

Хорошо сказывается, да инда прескверно оборачивается! «А эт-та что?» — усмехаясь нехорошо в белесые еще молодняковые усики, канцелярский подпрапорщик тычет в удостоверительную книжечку, изъятую накануне отправки в стойло холодной из кармана сюртука Лося. Похолодел тот: и зачем только вместе со спасительным писарским билетом накануне, явно машинально, упрятал в сюртучный карман удостоверение сотрудника губернских курантов «За родную трущобу», в коих он редактором по сочинительскому подвалу четвертой полосы зарабатывал рябчики на домашнее семейное харчевое довольствие.

А подпрапорщик, обозленный своим табельным по чину ничтожеством, да еще лицезрея перед собой аж целикового писаря, мстительно записывает в амбарную книгу для рассылки уведомлений «разобраться и наказать», изустно комментируя для побледневшего писаря: «Раз из губернских курантов, то это натурально должно препроводиться по ведомству его превосходительства предводителя. Так что готовьтесь, любезнейший нарушитель благочиния, представить перед кем следует. Это вам не пасквили в свои книжки заносить гусиным пером!»

Вышел ошарашенный случившимся Лось из канцелярии на свежий воздух, а там благодать: небушко лазоревое и солнышко, аж в глазах рябит, лучами своими отскакивает от белого-пребелого чистого снежка, что за ночь выпал. Во дворе, что промеж флигелей участка, давешние молодые городовые тот же снег обметают с кибитки. По молодости и солнышку веселы с утра, да еще вчера после подвигов злодейских завернули заночевать к знакомым курсисткам из тех, что недавно, встретив выходящими в веселии из ресторации, не стали забирать с собою, а

договорились завести дружелюбие. Оттого не только веселы молодцы, но даже давно забытое благодушие на них отражается, приветствуют Лося: «А-а, полупочтеннейший! Как спалось-нежилось на наших пуховиках? Ха-ха-ха!»

Как истинный инженер лесных душ, Лось и использовал подмеченные намеки на благодушие. Угостил городских пахитосками от Стамболи, поинтересовался: к кому, дескать, из вышестоящих чинов можно обратиться по части раскаяния и уверения в устремлении к радикальному и повсеместному? «Надоть, полупочтеннейший, идти прямо к его высокоблагородию майору. Он надьсь принял в управление участок. Сам подполковник по разнарядке сверху на ревизию благонравия в дальнюю чащобу убыл».

Зашел Лось в участок через парадные двери, поднялся на второй этаж, вошел с докладом, мол, писарь такой-то по лично-общественному делу отношение к его высокоблагородию имеет, — через дежурную регистраторшу кобылку — в майорский кабинет. Памятуя (ведь инженер же душ!), что старшего чина на мякине не проведешь и всякий бюрократ служебный уважает, когда проситель паче всего налегает на округлении периодов, Лось кратко и толково исповедался во всех грехах, только опустив кумовство и разделив общий объем выпитой в гостях очищенной на знаменатель «три». Нельзя ли ограничить его, майора, устным порицанием...

Майор, пребывавший доселе в некотором рассеянии задумчивого свойства, с какого-то боку заинтересовался (инженер душ это тотчас пронизательно отметил) упоминанием Лося о писарской принадлежности, но для регламентного порядка заученно, отстраненным голосом что-то скороговоркой сказал «о появлении в общественном месте в виде, порочащем честь и достоинство лесного обитателя». И почти сочувствующим голосом добавил: «Что-то вы, пред-

ставители искусства и научных упражнений, опосля Рождества расслабились. Понятно, от трудов праведных, но блюсти законоуложение даже в праздник следует! Вчера профессор приходил с похожей на вашу просьбой. Позавчера аж сразу два доцента и целиковый оперный бас на гастролях! Э-эх, понимаю вас, творческих личностей... Да-а, вот вы писарь... а реферации, наверное, также умеете сочинять отменно?» — «Конечно, ваше высокоблагородие! Только тему реферации, объем в авторских или обычных писчих листах и срок исполнения». — «М-м-м, я, видите ли, заочно прохожу курс в столичной академии по нашей службе. Запоздал из-за всесветской занятости, а реферацию уже через три дня следует препроводить нарочным попутным. Думаю, листов тридцать писчебумажных, а тема: «Благонравный и моральный облик городского во исполнении идеалов обобществления». Возьметесь?» — «Так точно, вашбродь! — в полнейшем душевном восторге отрапортовал, вскочив со стула Лось, — исполним в срок в высшей степени резонности». — «Ну и ладненько. Жду вас ввечеру на третий от сего дня. Я же сейчас регистраторшу спосылаю в канцелярию за вашим делом. Ограничимся замечанием».

◆ «...И вот, други мои писчебумажные, тотчас после такого занимательного разговора с майором помчался иноходью в общенародную публичную библиотеку, вытребовал с десяток брошюр по названной предметной принадлежности и — домой в родную конюшню, к деткам малым, к скандалу с супружницей за неявку к семейному очагу в прошедшую ночь. Помирился, дозволенно опохмелился и за работу! И настолько за эти дни, потрясенный великодушием майора, проникся добрыми чувствами к облику городского, верноподданностью и благонамеренностью в отношении обобществительной власти, что создал, не постесняюсь прилюдно похвастаться, шедевр, дос-

тойный пера Макиавелли и Гвиччардини*! А майору от души желаю по выпуску из академии дослужиться до полковничьего чина. «Все хорошо, что хорошо кончается, — резюмировал Лев, — однако ты, брат Лось, идучи вновь к куме, оставляй дома удовлетворенье курантовское, а то бед потом не оберешься. Да и нам почти забытого в верхах Лошака припомним!» — «Тп-пру, Лев! — встрепенулся Степной Волк, — не буди лихо, пока оно тихо! А ты, достопочтеннейший обожатель кумовства, не хуже чем в реферациях для твоего нового приятеля майора блюди мораль и нравственность». После чего своим замечательным голосом исполнил про кума, что к куме судака тащит. И добавил по окончанию сольного номера: «Чтой-то у нас под занимательную повесть Лося все бутылки доньшко слишком скоро казать стали. Давайте еще раз коллекту спроворим и пошлем кого-нибудь за добавкой на сладкое. Поддержим, значит, еще Горькоусого Моржа почин о содружестве писарей с правоохранительными чинами. — Это я о поездке его на Беломор-канал говорю. А у нас — Лося с майором-академистом! Так сказать, городской на посту бодрствует, натуральным предметом обобщественную нравственность блюдет, а вдохновенный — кумой, полуштофом очищенной или удачным визитом за рябчиками в издательскую кассу — писарь строчит гусиным пером день и ночь (если жена или кума не воспотребуют к себе) про деятельность по распространению в обществе здравых мыслей о всеобщем отрезвлении с исключением из обихода лесных обитателей излишних чувств и мыслей, заодно и совести, в части намеков на потрясение основ и подрывание устоев...» — «Ты, брат Степной Волк,

* Выдающиеся итальянские политические мыслители, писатели и моральные эссеисты конца XV — начала XVI вв. (прим. ред.).

зарапортовался совсем. При чем здесь совесть? Вот у кого она есть, тот и побежит за добавкой!»

Отправили Барсука Песенника, хотя и заметно расслабившегося, но по шахтерского рода занятию прошлого крепко чувствующего под ногами твердь земную.

Пока твердолапый Барсук Песенник в темень и густой снегопад исполнял общественный заказ, несколько сморенные выпитым горячительным и надышанной духотой крохотного кабинета-берлоги Льва писари перешли к сочинительской части неуставной ассамблеи. Сам хозяин задал для поддержания у подчиненных бодрственной действительности тему: является ли трехчастное строение более всего сообразным осязательному содержанию классического романа?

...Надо заметить, что к описываемому золотому времени для писарской, не исключая и тулуповскую, самодеятельности под опекой Лесписа и его губернских отпочкований если не каждый второй, то третий-четвертый безо всякого сомнения обилеченный являлся сугубо грамотным по части словесности, понеже прошел курс Высшего писарского училища. Потому в Тулуписе на вечерних междусобойных ассамблеях не токмо штофную очищенную под пряного рассола селедку (лучше атлантического улова — она икристее) употребляли, но и теоретизировали о содержании писчебумажного искусства, касаясь высоких материй. Зачастую высказывались здравые мысли о перенесении идеалов на почву практической полезности, что положена в основание всякой лесной обществленности. Иногда в восторженном полете фантазий, обычно после пятой-седьмой стопок, до таких эмпиреев договаривались, что Лев — наравне со всеми угощающийся, но по причине наложенного на него подполковничьего чина не расслабляющийся — опасливо прикрывал отворенную для вентиляции свежести присутственного места форточку и

призывал к вящей благонамеренности: «Что-то, братцы писари, лошаковским задором у нас запахло. Или рябчики карманы жгут? Наскучило получать присвоенное содержание, а? Так-то, лучше нишкни. Время хоть на дворе стоит благодушное по общему климату, но ведь завсегда по нашей лесной докуке невиновный как раз за виноватого сойдет!»

На такое отеческое остережение грубый Степной Волк, изрядно ободренный очищенной, с шутейной сурьезностью обыкновенно именовал Льва душеителем общественного цветения и уполномоченным Третьего отделения известной канцелярии. И нарочито восторженным голосом исполнял соло и а капелло героическую песнь о Стальном Барсе.

...На сей же раз, уловив в предложенной Львом дискуссии сакраментальное числительное «три», начал отвлекаться на противоречие повсеместного и радикального отрезвления лесного народа с идущей еще от князя Владимира традиционностью питья «на троих». Лев все же попытался вернуть русло общей настроенности к преимущественности трехчастного дробления романтических сочинений, но растворилась дверь, в которую вошли обсыпанные крупнохлопчатым снегом Барсук Песенник и за ним с овчарной собакой на постромке здоровенный усатый цыган в длиннополой драповой шинели с каракулевым воротником, что в лесном народе шутейно называют «гроб с каракулем». Цыган изумленно таращился, сверкая белками выпученных глаз и явственно шевеля иссиня-черными усищами. Овчарка же, заметив на столе порезанную на газете колбасу, уважительно взмахнула хвостом. Известно дело, цыган лошадь через два дня на третий кормит, не говоря уж о собаке...

Барсук тем временем выставлял из своей дорожной сумы полуштофные бутылки и рассказывал о встрече с родственной по песенной приязни цыганской душой, рекомендуя обилетить оную душу, а со-

Главный редактор провинциального литературного журнала «Речные зори» Яцышен Андрейн Макарьевич совсем отчаялся заинтересовать губернские власти полезностью своего издания для поднятия культуры и образования вверенной этим властям губернии. Вроде как все власти — и законодательная, и исполнительная — не отрицают этой полезности, но участвовать финансово в издании журнала все как-то не получается: администрация кивает на думу, а думы, ссылаясь на укрепление вертикали власти, все на администрацию валят. Словом, круг замкнулся, никто не хочет помочь инициативнику Андрейну Макарьевичу. Ладно, власти, у них забот полным полно: как, не отвлекаясь на капитальное строительство и ремонт коммуникаций, что хлопотно, долго и не броско для высоких проверяющих комиссий, поскорее истратить спущенные сверху от нефтедолларовых щедрот. Но даже собратья-литераторы в лучшем случае не замечают журнала, чтобы, не дай бог, Яцышен не привлек их к редакционным работам, а другие и вовсе вредительством занимаются. Политико-эротический романист Сухариков пасквиль на журнал и на Яцышена в заводских многотиражках тискают, а историко-порнографический сочинитель Омшаников все обижается: дескать, не упрашивают его опубликовать в журнале трехтомную «Песню о коршуне». И вообще какие-то явно клинические личности, члены писательского союза, надоедают.

Тяжелое это дело, современную литературную ниву возделывать!

баку поставить на довольствие Тулуписа, проведя в окладных листах, что ежемесячно отпечатьвает на ундервуде Птица-Секретарь, по графе сторожа тулуписовского присутствия.

...Даже давешний герой дня Лось, лишь недавно приобщенный к лику писарей, сообразил: сдружившиеся на почве приязни к стихотворно-песенному искусству Барсук с цыганом (обнеся собаку) на уличном снежном просторе распили-таки полуштоф. Вот его и понесло на человеколюбство и всеобщее доброжелательство после превышения регламентной для природы нормы. Хотя бы и высокой, как у бывшего шахтерского углекопателя.

...Долго потом цыган, сначала детишкам, потом и подрастающим внукам долгими зимними вечерами рассказывал у каминного огня (был он оседлым, в лихоимные «девяностые» соорудившим для семейства двухэтажный шатер с мезонином и флигелем — рябчики за торговлю опиумным маком) о далеком времени обобществления. Наиярчайшим воспоминанием у него выходило случайное знакомство с обитателями то ли богоугодного заведения для душевно больных, а может и какого присутствия по непонятой им, слабограмотным (только надписи на рябчиках разбирали по складам) ромалэ, чиновной принадлежности. Веселые и нетрезвые обитатели этого заведения все зазывали его и собаку Рекса куда-то записаться согласно табели о рангах, угощали очищенной, а Рекса краковской колбасой. Старшой же их лев, хотя по обличью медведь, все предлагал ему сыграть в древнеиндийскую игру в маленькие фигурные цацки, настаивая, что-де Индийское плоскогорье суть родина их, ромалэй. «Хорошо, внучата мои, ноги мы с Рексом сумели унести, а то бы привели в полную нетрезвость и сожрали на закуску!»

◆ «Какую натуру из самой гущи лесной жизни я вам нашел! — зашелся в восторге Барсук Песенник,

когда затворилась дверь за ошарашенным цыганом и изумленным псом, — прямо тебе, к примеру, Степной Волк: садись за стол, запасшись стопкой дестей бумаги и пучком гусиных перьев, и сочини романище аж в двух томах! Сам понимаешь, в *Нашем лесу*, особенно в столицах и университетских центрах, на ура привлекаются сочинения о малых классификационных — по Линнею — семействах лесных обитателей. Потому и гонорарные оклады за них начисляются по верхней табельной ставке». — «Спасибо тебе, брат Барсук, на добром слове. Отрезвишься, сам поймешь, что глупость сморозил. Свято место пусто не бывает, а по части цыган даже в нашем Тулуписе оно давно занято по рифмовальной части! Зачем же я стану трудовой приварок у Дрозда отымать?» Присутствующие с Волком согласились. Разлили по очередной.

Действительно, не обиженный музами Каллиопой, Эрато и Эвтерпой в рифмовании и чувственной предметности Дрозд, известный и в соседних лесных губерниях, еще до писарского обилечивания тискал в обоих тулуповских курантах недурственные лирические вирши, указывая в скобках после своего прозвища: *перевод с цыганского*. Сочинительский и просто читающий народ посмеивались, но обилеченные писари, хорошо знающие гонорарные табели, мигом сообразили в чем тут дело, начали приставать к Дрозду: укажи-ка нам на такового способного к сочинительству цыгана? И откель ты сам-то цыганское наречие ведаешь дабы переводить?

Дрозд неопределенно отвечал, что цыган тот кочевой, таборный, дескать, «цыгане вольною толпою по Бессарабии кочуют», встречи наши случайны, когда он, Дрозд, одержимый муками творения, «обходя леса и веси...» и прочие благодушные байки рассказывал. Переводы же он рифмует по подстроичнику, который с оригинальной записи для Дрозда за умеренную плату делает знакомый ему тулуповский

цыган — оседлый и грамотный. Собратья по перу, выслушав оные благоглупости, с серьезным видом соглашались кивали головами.

Обычно после допроса Дрозда писари из очень грамотных, окончивших курс Высшего писарского училища, пускались в исторические реминисценции. Сейчас, мол, некоторые ловкачи — не указывая конкретно на Дрозда, но соблюдая англицкое правило: беседующие джентльмены не имеют в виду присутствующих — свои вирши подписывают аки перевод с какого-либо диковинного для лесного обитателя наречия, за что им ставку построчную в рябчиках повышенную уплачивают в курантах. Но и они не первые шельмовству такому ход в писарском обиходе дали. Здесь пальму первенства держат классики из Галльского леса, обитатели которого признанно самые охочие до рябчиков из всей Европы. Здесь почин дал Дюма-пер, указав своим писарям-«неграм» как можно более вводить в повествования строк прямой речи из одного-двух слов. В те времена в Галльском лесу издательские учреждения и за прозу начисляли ихние рябчики построчно.

Но и наши, особенно из рифмовального сочинительства которые, в начале этого века все пробовали побольше рябчиков из издателей-книгопродавцов вытянуть. В этом соревновательном действе издатели шли на полшага вперед, но поэтические сочинители не зевали, не благодумствовали в своих лавровых венках, но тотчас, как народ молодой и подвижный, настигали рябчикодателей. Как только те и другие не ловчили! Введут издатели таксу оплаты построчно — тут же Маяковский с сотоварищи из футуристов, а за ними дадаисты и ничевоки, начинают сочинять «лесенкой» — по одному-два слова в строке. Дескать, по строкам как по лестнице они взбираются к идеалам свободы и общности. Огорчатся донельзя издатели из того же «Мусагета» и «Ши-

повника», перекинутся на зайчиковый тариф по числу букв в строке, но не тут-то было! В сей же миг даже серьезный Михаил Кузмин, аки человеколюбец, вспыхивает к архаичному александрийскому стиху, в котором строки столь длинны, что еле умещаются по ширине страницы.

...Много тому примеров в мировом и нашем сочинительстве. Нет, конечно, не рябчиковая ставка первенствует и лежит в основании всякого писчебумажного творчества. Упаси бог так полагать! Было бы такое, так ко всем словесным творцам можно отнести тютчевские слова:

*Теперь тебе не до стихов,
О, слово русское, родное!*

Нет, семижды семи нет! Серьезный сочинитель, а не случайный попутчик муз источников Иппокрена и Кастальского ключа (дескать, придет иногда идея в голову что-либо сочинить этакое *a la* Хлестаков), беззаветно отдается своим творческим ощущениям, порой даже отгоняя навязчивые мечтания о Скрижалиях. Но для покойного, рассудительного творения высоких истин в приближении к идеалам добра и справедливости голова, руки и ноги (они лишь волка кормят...) сочинителя не должны отвлекаться на предмет добывания продовольствования, обмундирования партикулярного, прогонных и представительских — для публичности потребной. По такой раскладке рябчики для творца писчебумажного искусства суть не роскошь и баловство, но приравниваются к гусиному перу («Я хочу чтоб к штыку приравняли перо!»), то бишь есть оружие производства. Здесь даже Карла Маркс не возразит, будучи создателем науки о накоплении и распределении богатств. В таком свете погоня за числом рябчиков за строку или букву представляется вовсе не хитроумием, но лишь дитяческой попыткой стать менее зависимым от об-

стоятельств обыденной жизни в части продовольствования и иже с ним связанного. И только. Наитие по ребяческой наивности. Да и дураком, каковых даже в церкви бьют, в обыденной жизни вовсе не следует быть.

...После удаления из присутствия Тулуписа озадаченного цыгана с верным Рексом Лев все же сумел призвать развеселившихся писарей к серьезной пристойности и вновь повернул их мысли к теории сочинительства в части соображений о предпочтительной трехчастности действия романа. Свои утверждения Лев основал на том, что троица есть основание всякого дела: от церковного до обобщественного писарского: «...Первая, заглавная часть романа открывает читателю перспективу самого сюжетного действия, каковое и свершается в основе своей во второй части. Завершающая же предуготовляет слабограмотного к «опусканию занавеса», а вдумчивого к восприятию морального, нравственного урока, преподанного чтением и...». Здесь грубый Степной Волк возник поперек рассуждений умничающего Льва в том наклонении, что «вот Достоевский тебя не слушал, наверное, просяживая в Баден-Баден гонорарий за «Игрока», потому самый свой гениальный роман «Братья Карамазовы» сочинил не в трех, а в четырех частях. Да еще с эпилогом! И морализующий стержень, то есть легенду о Великом инквизиторе не в окончание вставил, явно не следуя твоему совету, а во вторую главу. Так у кого учиться будем: у Федора Михайловича или у тебя, Лев?

Только Степной Волк упомянул о Великом инквизиторе, как во внезапно захватившей тулуписовское присутствие пронзительной тишине, при наглухо закрытых входной двери и оконной форточке, на оробевших от непонятого еще предчувствия повеяло зябким холодом, а в ушах глухо зарокотал незнакомый им голос, как из преисподни:

*В великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.*

Не успели потерявшие дар словоохотливой речи писари сообразиться настоящим моментом, как за скрипела (кстати, обычно бесшумная; петли ее Лев самолично раз в полгода по-хозяйски смазывал) тягучи дверь и... в комнату присутствия вошел Великий инквизитор.

...Вплоть до отмены обобществления, когда воочию начали сбываться вещи предсказания Великого инквизитора, присутствовавшие в тот достопамятный вечер у Льва тулуповские писари и в полной отрезвленности, и в различной хмельной наглядности без конца обсуждали: что же тогда с ними такое приключилось? Кто-то склонялся к общему гипнотизму, произведенному предбывшим перед видением Великого инквизитора цыганом, обиженным неприятием в писари. Известно дело, цыгане могут кого угодно околдовать; цыганки-гадальщицы тому понятный всем манер. Опять же издавна лесной народ подозрение на ромэлов держит в части их кумовства с тайными силами. Сам Лев склонялся осторожно к переусердствованию своих подопечных в сочинительстве романов и поэм с вольнолюбивым, изустно властью дозволенным уклоном в сторону всяких небылиц, что и побуждает к проявлению лишних чувств, мыслей и гражданской совестливости. Понятно дело, Лев рассуждал туманно, но по пристойности; наложенный на него чин обязывал...

И другие мнения глубокомысленно излагались. Только на очищенную в полуштофовых никто не грешил: в эпоху обобществления с монополькой строго регламент держали. И в лавках, а тем паче у целовальников в трактирах. Это все потом появилось, когда с лихоимных «девяностых» начали отравлять пьющий лесной народ.

Point sur les "i" поставил Степной Волк, оживив грамотных писарей, что прослушали курс Высшего писарского училища, потому не только «Преступление и наказание» по гимназическому расписанию прочитавшие, но и другие романы Федора Михайловича. «А вспомните «Братьев Карамазовых», после упоминания которого в тот вечер и случилось видение Великого инквизитора? Алеша Карамазов возражает брату Ивану, что-де встреча Христа с Великим инквизитом в шестнадцатом веке в Севилье не могла иметь места быть, коль скоро не отражена она в святоотеческих и цивильных писаниях. Иван же, равнодушный к церковным догматам и историческим сочинениям, где всяк автор протаскивает, сообразно своим встревоженным бессознательностью мыслям, нужную ему идею, чаще *idea fix*, успокоил брата. Почему бы это не считать просто фантазированием досужего сочинителя легенды? Или дряхлому умом и плотью в свои девяносто лет Великому инквизитору его же собственные тайные мысли о падении еще восемь веков тому назад христианства во власть Князя мира сего, то есть Антихриста, приобрели предметность в воображаемом монологе его перед Христом, не проронившим ни единого слова? Ведь суть-то легенды не собственно в фантастической невероятности посещения Христом Севильи вдругодень — после сожжения на костре сразу ста еретиков и его встречи с Великим инквизитом, но совсем в ином, о чем только что было говорено.

Сомнения не покинули Алешу Карамазова, но предуготовили его к рассказу брата Ивана.

Так и мы, якобы лицезревшие в достопамятный зимний вечер явление Великого инквизитора, не будем ломать головы догадками, благо оные, в смысле головы, на другое дело нам даны, но воспримем все как есть: голос *de profundis* о наступлении скорой для нас, писарей, поры полного ничтожества... увы».

Все и согласились с разумными доводами много-мудрого Степного Волка.

◆ Вошедший Великий инквизитор по немислимой дряхлости своих лет имел наружность иссохшей просмоленной египетской мумии. Комната вмиг наполнилась ароматической затхлостью слежалых восточных специй, что наблюдается в лавке колониальных пряностей жарким летом. Хорошо зная не меняющийся столетиями писарский обиход, Великий инквизитор достал из полураспахнутой полы плаща квадратную четвертную бутыл, покрытую патиной древности, в которой тяжело переливалась густая малага; поставил с приличествующим пристуком на пиршественный стол со словами: «Это вам привет от собрата по сочинительству Мигеля Сервантеса де Сааведра». Востроглазый и сметливый по части компанейства Пушистый Котик мигом подставил обтянутое дерматином полукреслице, смахнув с него невидимую пыль. Великий инквизитор поблагодарил опусканием сморщенных временем век и начал свой монолог.

«Люди вы грамоте знающие изрядно. Потому не буду передавать вам сказанного мною четыреста лет назад в Севилье Христу, посетившему наш грешный мир. Ваш великий Достоевский все верно передал в «Братьях Карамазовых». А кто не успел прочесть роман, увлеченный зарабатыванием рябчиков, тому сообщу основную мысль, вывод из моего монолога, донесенного до Спасителя. Даже не своими словами, но Бердяева, вашего же леса религиозно-философского мыслителя: *«Бог открывает себя миру, но Он не управляет этим миром. Этим миром управляет князь мира сего»*.

Таковое управление, отсчитывая от сего дня, вступило в полномочную силу тысяча двести лет тому назад. Но только сейчас слуги Князя мира сего, в числе которых я далеко не из последнего десятка, можем сказать притчей: не тот пахарь, кто много

пашет, но тот, кто любит на поднятую им пашню. Под водительством Князя Антихриста мы уже сам-пятьдесят урожай наш собираем, не выказывая ни малейшего сочувствия к тревогам и тоске уходящего в полное небытие мира забываемой христианской морали, что некогда после Нагорной проповеди Христа, она же Заповеди блаженств Нового Завета, так вдохновила человечество. Увы, все доброе в подлунном мире преходяще. Потому четыреста лет назад и продлил Князь мира сего мою земную жизнь, обратив ее в вековечную, что надобность во мне возрастает век от века. И именование мое сейчас иное: *Великий глобализатор*. Но поскольку таковое тавро лишь к окончанию сего тысячелетия, до которого ничтожное по историческому измерению число лет осталось, войдет в обиход, то для вас остаюсь пока Великим инквизитором.

Дай бог нашему теленку волка съесть, как говорят в вашем лесу, испытывая сомнения в провидческих словах, но явился я к вам не с предостережением, каковое всегда глупо звучит для живущих и одним днем, и незыблемой верой в некие светлые идеалы, что положены в основание всякой общественности... у вас даже обобщественности. Нет, по регламенту канцелярии Князя обхожу шар земной, вхожу в гуцу его обитателей, в разные присутствия навроде вашего, в счастливые и нестройные семьи, в парадные подъезды правителей и чинов первых классов, в трущобы и чащобы живущих первобытно, к последнему нищему и самому богатому на земле. Вхожу и рассказываю, как вам сейчас, о скором явном, ибо неявен он давно, пришествии Князя Антихриста с умерщвлением даже робких воспоминаний о Христовой морали.

Опять же это вовсе не антихристово «просветительство», но поручено мне ответственным за то столоначальником департаментской канцелярии Кня-

За спиной каждого несправедливо живущего стоит черт, житель преисподней. Примерно так святое Евангелие выражает свое отношение к институту частной собственности. То есть каноническое христианство, православие особенно, совершенно однозначно относит ее к проявлению в человеке темных сил от Антихриста. Идеал нравственного человека по Христу — это указание совершенствования людей и общества в целом на многие века и тысячелетия вперед. Преодолев инстинкт частнособственничества, человек перестает быть биологическим видом, животным и начинает выполнять ту миссию, для которой он и был создан всей предшествующей эволюцией. Это почти удалось в краткой истории СССР, но Антихрист (временно) одержал победу руками своих верных клевретов на Земле — «атлантистов» Запада, исповедующих извращенное Кальвиным христианство; основной завет протестантизма: Господь любит только избранных, а таковых отличает исключительно большое личное богатство.

зя таковыми пробами определять готовность мира к окончательному отходу от христианских правил жизнеустройства в преддверии перехода под полную и явную державность Антихриста. Учитывая разншерстность моих слушателей, я и ориентир держу на их интересы. Для вас, всенесомненно, на эмпирии и практическую предметность сочинительства в наступающую эпоху.

...Как в нашем с Христом свидании в Севилье шестнадцатого века, убеждаю вас речь мою не прерывать разного рода вопросами, эмоциями и всякими иными междометиями, коль скоро они по существу зазвучали бы благоглупостями. Ибо я знаю все наперед в ходе Истории, вы же суть сущие неразумные дети, ибо всякому живущему законами ее, Истории, не дано даже в нулевом приближении, как выражаются натуральные философы, то есть упражняющиеся в математике, догадываться о бытии внуков... не говоря о правнуках. Итак, слушайте. Степному же Волку не должно злоупотреблять подарком великого и наивного Мигеля Сервантеса де Сааведра. Успеется еще на наших с вами расстанях.

♦ Хотя вы и не столь великие, лишь в потаенных мечтаниях обзирающие окрестности Скрижалей, но столь же наивны, как и мой севильский земляк Сервантес. Творите себе по отпущенной матерью-природой мере брызг-таланта Кастальского ключа и источников Ипокрена; удовольствие, что не ведомо большинству лесного народа, от сочинительства имеете вдосталь, да и на продовольствование с прогонными и подъемными умеренно, как то принято в вашем обобществленном мире, рябчиков от курантов и издательских заведений получаете... и не задумываетесь: почему вам *единственным* на земле такая благодать положена и сколь еще по быстротекущему времени сие продлится?

Знаю, возражение припасено: Горькоусый Морж

убедил Стального Барса в благоденственной пользе всяческой поддержки писарства как блага, необходимого для развития и цветения обобщественности. Что ж, соглашусь сообразно такому извороту течения Истории. Отчего я говорю об этом с видимым огорчением голоса? — Да по той причине, что появление *Вашего леса* с первенством Марксова обобществления и объявлением всякой собственности сверх положенного регламента умеренного содержания есть прямое потрясение основ и подрывания устоев царства Князя мира сего, которому я подчинен, что сложились во всех умах и общественности тысячелетие с лихвой назад, о чем я и сказал Христу во время той достопамятной встречи, воспроизведенной великим вашим Достоевским. И Великий бунт *Вашего леса*, случивший еще до появления на свет большинства из вас, хотя бы на время и далеко не во всем земном мире повернул нравственный, моральный эдикт Истории вспять? Это стало сродни второму пришествию Христовой веры в уже давно отвоєванный у него Князем мира сего ареал духовного властвования. Вдругорядь после давних проповедей Христа «не хлебом единым жив» в *Вашем лесу*, спустя две тысячи лет, зазвучали призывы к исполнению заповедей Нагорной проповеди, хотя бы они и были наречены по-другому: о следовании морали (читай — Христовой) обобщественности. И здесь не пресловутое «читаешь книгу, а видишь фигу», но точнее следование в иных словах примату свободы духа над телесностью, то есть над хлебом и дающим оный в искушении отказа от такой свободы. Как Христос в своей земной жизни богочеловека отверг в пустыне три искушения Князя мира сего, так и ваш обобщественный лесной житель не преступает нормы христианской морали. Если бы и хотел поменять свободу своего духа на дармовой хлеб и рябчики (а слаб по натуре земной обитатель!), то прочные

устой общественности не позволят. Крепко заложено в обобществленных головах: «рад бы в рай, да грехи не пускают» и «скорее верблюд пройдет через игольное ушко, нежели богатый попадет в рай».

Да чего это я вас, многомудрых, на худой конец многохитроумных, на обобщественную жизнь склоняю! Сами все, почитай от младенчества, ведаете. Здесь важен вопрос иной: зачем Истории, для которой и Христос с его Св. Троицей и Князь мира сего на одних фемидиных весах взвешиваются, то есть полностью беспристрастна она ко всем чувствованиям, идеалам и грехам... для чего потребовалось Истории в уже обустроенное под властвование Князя Антихриста течение жизни революционным манером вновь вводить исповедание на 1/6 части земной сущи морального жизнеучения своего антипода Христа? Хотя бы, как уже сказал и вам прекрасно ведомо, в другом лексиконе. Но это лишь Князю этот возвратный кульбит нужен, как после ужина горчица. История же повелевает незримо надо всем и всея: Христом и Князем, душами и телами, великой свободой духа и неимоверным рабством воли, честностью и предательством, ибо она ведет все зоологические разновидности живых тварей — от мельчайшей гли до совершенства природного деяния, то есть человека — путем эволюции в только ей ведомом устремлении. Также и в части свободы духа, неменяемой на дармовой хлеб, что лежит в основании всякой общественности.

Только не говорите, что История полностью и без оговорок признала правоту Марксова учения об обобщественном накоплении и распределении богатств! Этот изрядно ученый муж все верно и без обиняков поведал об обобщественности, к которой мир в некоторое, пока еще далекое, время Оно неизбытно придет. Но только не в общественном цветении Марксовом с его золотыми нужниками, но в

инном качестве: всеобщее и полное равенство, обеспеченность продовольствованием и допустимыми единым мировым регламентом телесными радостями, но — без личностной свободы, как ее проповедовал Христос. Словом, винтики-гаечки всемирной машины — как таковые на бумагопрядильных фабриках Иваново-Вознесенска, или как там он у вас сейчас именуется? Я не неграмотный в географии, просто предыдущий раз побывал в *Вашем лесу* век тому назад, когда, незримый, через плечо Федора Михайловича подглядывал, словно гимназист-приготовишка, в каковом одушевлении и натурной действительности перо великого писателя и мыслителя вырисовывает мою парсуну. Мысли, конечно, тож.

Не по Марксу будет представлено будущее всемирное обобществление. Здесь впору сказать: свят дух на землю, да диавол сквозь землю — но только не в том понимании предмета сей вашего леса при сказки, что Христос в душах всегда побеждает Антихриста, но напротив: в грядущем всеземном обобществлении от заповедей христианства, упомянутого свят духа, остается только оболочка, лежащая в основании любой общественности, этакое механистическое соединение, каковое наблюдаем в животном, бездуховном мире, навроде муравейника, пчельника, а в местах иных климатов — термитника, в растительной природе — мшанник, кораллы в индийских морях. И для бывшей, увы, уже во многом и сейчас предбывшей, вершины творения природы — человека вашего же леса — глубинный философский писарь Зиновьев, что сейчас в высылке в Немецтинскую дубраву, придумал его будущее поименование: *человейник*. Словом, охота смертная, да участь горькая...

Антихрист же, он же Князь мира сего, по департаменту коего и я, многогрешный, специальным чином удостоен, статут которого уже сообщил вам, по таковой присказке «сквозь землю» полагается зиж-

дателем душ и тел, дающим хлеб взамен свободы духа, от которого все уже отказались, как я и говорил Христу четыреста лет назад в Севилье. Все и вся произрастают из земли, а Антихрист сквозь землю управляет всем и вся.

♦ Горька для всех нас, слуг Князя мира сего, была работа, да хлеб оказался сладок. Это я возвращаюсь к уже заданному себе самому вопросу: для чего Антихристу потребным стал опыт с обобществлением на некий срок *Вашего леса*? Это вовсе не была *error legis*... извините меня за проскакивающие в речи латинизмы — с юных лет привык говорить на языке церкви Св. Петра — словом, это вовсе не было ошибкой, обусловленной и связанной с законом Истории, движение которой суть поиск магистрального пути с постоянными отклонениями на ложные и тупиковые тропинки. Нет, конечно. У закона Истории ошибок по определению выискать невозможно!

Как и История, не ошибался Маркс, провозгласив: только всем обитаемым миром можно перейти в обобщественную действительность! Поневоле — а куда деваться! — «поправили» его Великий Тигр и Стальной Барс, раз уж История поставила в *Вашем лесу*, отдельно взятом, свой опыт обобществления. Опять же это ее, Истории, была пробная тропинка наперед еще не налаженного широкого тракта: без выверенного направления, по которому когда-то будут мчаться на перекладных фельдкурьеры, на своих парных и тройках баре, рекрутов повезут одиночными на доходягах, оброчники в пешем порядке потянутся на городской заработок, уланы и гусары в лихих усах погарцуют поэскадронно, нищий с сумой обочиной потащится туда, где хлебно подают Христа ради милостливцы... Еще не поставлены ямские подставы, не срублены придорожные трактиры и сугревные в морозные зимы кабаки, перед которыми безо всякой выучки, явно жалея своего за-

мерзшего ямщика, останавливаются, как стреноженные, лошадки.

Вот эта-то пробная тропинка обобществления волею движательницы мира Истории и пролегла через *Ваш лес*, каковой показался ей самым удачным для задуманного предприятия. Оно же идей и наглядным предметом имело показать саму возможность и достоверность обобщественного проживания — для будущего всемирного творения. В то же время наглядность эта должна свидетельствовать, что грядущая всепланетная обобщественность не может осуществиться под звездой Христовой морали, как сугубо первенствующей. И даже не под знаком соревновательности в двуумирате Христос — Антихрист, как то следовало бы из диалектической науки неметчинского философского сочинителя Гегеля, на которую опирался Карла Маркс, создавая учение об обобщественном накоплении и распределении богатств.

Увы, для вас, уверовавших в Гегеля и Маркса, соревновательность эта, как я сказал Христу в Севилье, завершилась уже много-много веков назад. С тех пор и по сей час, и далее вперед мир идет к обобщественности механической, о чем я только что говорил, не Христовой, и не Марксовой, но под знаменем Князя мира сего! В том и сущность опыта Истории над Вашим лесом, дабы в иезуитской манере — не забываяте, я есмь Великий инквизитор и мне поручен был оный перевести от Марксовых эмпирей на почву 1/6 части земной суши! — что есть высшая логика, показать: обобществление есть не бесформенное чаяние, но предусмотренная Историей будущность земного бытия. Но таковое возможно только лишь для всех и всея — здесь и Марксова правота! — при этом душевная свобода изничтожается в обмен на регламентированный хлеб, равно как Христова мораль, заменяемая на более низшую, ветхозаветную мораль запретов. Все станут равны в

грядущем человеинике, но то единообразие тли. «Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной!»*.

Ваш же лес уже скоро исполнит предопределенную ему Историей горькую судьбину, и разрушена будет его Марксова и Христова благонравная обобщественность. И пойдете вы в едином строю в диспозиции общественного человеиника. Разрушат же внешние и внутренние супостаты. Даже поначалу обезумевшие обыватели, не соображая, что имеем не жалею, потерявши слезы льем, восторженно будут повторять вослед за кукловодами из моего департамента: суконце-то не издалось, или издалось не порно.** И вы же, писари, даже без рябчиковой приманки, станете в азарте поносить вскормившую вас настоящим манерам эпоху общественного цветения! Даже я, Великий инквизитор, в лучшие свои времена отправлявший в един день на костер автодафе до сотни грешников, стану в не столь уж отдаленные времена почти что негодовать на безумство отрекающихся от идеалов и предметной содержательности ушедшей эпохи обобщественности в канонах Христовых заповедей и порой про себя повторять: бойся Вышнего, не говорит лишнего... не клевети на прошлое без основания на то. Истинно сказано древними мудрецами: *fragilitas humana* — непрочна человеческая природа! Вы же суть человека в зверином звании и чинах... Как дитя малое для его будущей благовоспитанности сечь потребно умеренно, так и вас, забывчивых, палками надо было не забывать порой отхаживать. Палка-то нема, зато дает ума!

Вас, писарей, мне особенно жалко: в человеинике

* Откровение Св. Иоанна Богослова (Апокалипсис), гл. 7, ст. 16 (прим. ред.).

** То есть оказалось плохим; здесь «порно» — не из нынешнего лексикона... (прим. ред.).

надобность наличия вашего исчезнет. И Леспис с приданными ему губернскими «писами» выполнит в скорое время установленный им Стальным Барсом и Горькоусым Моржом нравоучительный урок. Извиняюсь за преждевременные ваши похороны. *Dixi**».

В наступившей зловещей тишине Великий инквизитор приблизился к пиршественному писарскому столу, налил из принесенной бутылки полный, «с мениском», граненый стакан малаги многовековой выдержки, молча, как то принято на поминках, выпил до донца, отрешенным взглядом старческих немигающих глаз осмотрел присутствующих и вышел в дверь — в занимающуюся к ночи белесую пургу.

Оцепенение не покидало вмиг отрезвевших писарей. Со стороны окна, в стекла которого, то усиливаясь, то ослабевая, ударяли заряды расходившейся пурги — а может едино в мятущихся головах? — раздался громкий, речитативный голос из Неведомого:

*К концу идет повествованье наше
О днях утех, о днях трудов.
Пускай порой наш слог суров,
Но Смерть косой над миром машет.*

*Уделу жизни есть граница,
Пусть не смущает мистика и рок,
Я жизнь отображаю, не пророк,
Рискуя в обобщеньях повториться.*

*Еще звенит последняя струна
И не написана прощальная глава,
Но явствен признак увяданья.*

* Я сказал (лат.). Этим словом Великий инквизитор завершает в «Братьях Карамазовых» свой монолог перед Христом, определяя его назавтра на костер (прим. ред.).

*Перелистни страницу, мой читатель,
А там — горчее валерьяны капель
И боль и оптимизм нелегкого прощанья.*

...Даже громогласный скандалист Степной Волк непривычным для него и окружающих срывающимся на фальцет тенорком пробормотал: «Вроде как и выпили-то с гулькин нос, а вот нас разобрало и к единому знаменателю привело...». Лев сдержанно рекомендовал не увлекаться раздумьями о слишком далеком будущем, в котором, всенесомненно, по-прежнему останется место творческой — в рамках регламента — свободе, обеспеченности и полезной самодеятельности... но запутался в назиданиях и махнул на все лапой. Сами, дескать, по возможности умственной обеспеченности своих голов разбейтесь.

Но здесь взоры всех присутствующих пересеклись, как батарейный пушечный огонь в баталии по единой супротивной цели, на принесенной Великим инквизитором бутылки. Степной Волк подошел к ней, наклонился над горлышком, осторожно вдохнул хищно и вожденно расширившимися ноздрями. Чуток подумал и налил четверть стакана, пригубил, почмокал гурмански губами и допил малый остаток. Затем наполнил уже целиковый граненый, ввел в три глотка в утробу организма, закусил маринованным пупырчатым огурчиком. «Налегай, ребята!» — и разлил уже по всем питьевым посудинам.

...Ко времени, когда немалой емкости, где-то между четвертью и полуведром, бутылка сервантесовской малаги показала свое донце, зашумевшие и порозовевшие ликами писари и вовсе забыли о мрачном визитере к ночи. Лев таки успел закончить свои соображения о преимуществе трехчастного построения романтических сочинений. С оными все дружелюбно выразили согласие и начали собираться: в гостях, мол, хорошо, да время позднее, дома жены и

детушки заждались. Облачились в шубы и зимние полукафтаны, перепоясались, нахлобучили на головы поярковые шапки, натянули на лапы меховые рукавицы и вышли на метель, в коей и рассеялись: кому куда брести по наметенным сугробам.

◆ Скучно и грустно черкать гусиным пером, переводя дести бумаги на унылые годы, растянувшиеся на два десятилетия с лишком, повествуя о все более впадающем в ничтожество житье писарей, предвещенном тем далеким выюжным вечером Великим инквизитором. Обобщественность в *Нашем лесу* единым напором внешних и внутренних супостатов заменилась лихоимным частнособственничеством, апологеты которого радикально отрезвили лесного обывателя, попутно поголовно ослобонив оных от ненужных теперь излишних чувствований, мыслей и совести. Радовались пришествию новых времен только торговцы... в числе прочего и названной совестью. *Гостинодворцы китайский товар раскладывали и ожидали оживления промышленности.**

Поначалу все радовались в ожидании реформ, дескать, наконец-то насытимся «шекснинской стерлядью золотой!»! Насупротив, в лихоимные «девяностые» еды прежней, привольной, и вовсе не стало. Рябчики тискали уже на миллионных бумажках. Наконец и вожделенные реформы пришли, началось окончательное разоренье. А ведь предупреждали, у которых мозги в головах еще не выветрились: вот ужо, придут реформы, узнаете, как кузькину мать (она же теща) зовут! Потом окладные листы на налоги все длиннее и длиннее начали становиться. «Нельзя по нынешнему времени не воровать!» —

* Да устыдится тот, кто плохо об этом подумает. — Что-то вроде этого взято девизом одной из высших наград Британии ордена Подвязки... И автора не упрекайте в нигилизме: это аутентичный текст из «Сказок» Салтыкова-Щедрина (прим. ред.).

твердил ополоумевший обыватель,— другие, мол, миллиарды крадут, и все им как с гуся вода, так неужто и нам рябчик-другой не стащить...». Потребовалось лесному обывателю новое, диковинное, ранее неизведанное — так все из чужестранных лесов и прерий навалом за светильных газ и горюч-камень с керосином начали привозить. Ну-у, это у всех на слуху, нечего гусиные перья и дорогие нынче железисто-галлусовые чернила переводить...

Но как же писари вообще и наши тудуповцы в особенности? — Да так, что все сбылось, как Великий инквизитор предвещал. Нет теперь в них потребности: лесной обыватель книги читать разучился напрочь, а слово «гонорарий» самими писарями давно и напрочь забыто.

У Лесписа все его имущество лихие людишки пограбили, да и объявилось этих «писов» неимоверное число. Тулупис же совсем в ничтожество впал — почти что одно наименование в памяти редких числом обывателей еще пока держится. По привычке и свойству пожилых людей: хорошо помнить все далекое от текущего дня. Отобрали у Тулуписа уютный, еще при Царе Горохе сооруженный, особнячок с каминным залом, переселили в комнатенку списанного на снос барака.

О Скрижалях даже в горячечных снах не помышляют тулуписовцы. Давно никто не слушал курса Высшего писарского училища. Постепенно уходили из этого нелучшего из миров прежние писари. На их место приходили новые, слабо знающие грамоте и полагающие какое-либо совершенствование в сочинительстве излишним... раз за оное рябчики теперь не дают. Словом, к нынешним временам в Тулуписе возобладал уровень прежних фабрично-заводских стенгазетчиков. Писарское же обилечивание потребно стало ныне только для титулования на вошедших в модный обиход визиточных карточках. Мало-по-

Философический доцент Енукидзе в начале 90-х годов, когда в университете грошовую зарплату выплачивали неаккуратно, по наущению супруги приторговывал пирожками вразнос, отрастив для неузнаваемости знакомыми бороду и стараясь стоять в местах подальше от *alma mater*. Вкусные пирожки с квашеной капустой и картошкой со шкварками

пекла искусница Нина-ханум, а сам доцент имел мужественный вид горца и зычный голос. Торговля шла хорошо. Поначалу все свое внимание он сосредоточивал на работе: боялся передать сдачу, внимательно выслушивал покупателей... Но скоро эту профессию освоил, все делал машинально. Появилось время для высоких мыслей. Думал он: все философии досужие немцы изобрели, но все ли? Вот встретил он как-то на научном симпозиуме профессора Ореховского из Новосибирска — так тот создает философию ответственности. А вот он, Енукидзе, займется философией личной жизни человека. Полгода торговли разрабатывал ее, а уложилась она в три тезиса: во-первых, следует довольствоваться малым, но стараться сделать жизнь комфортнее, однако не ставить это целью самой жизни; во-вторых, нужно «выбиваться в люди», но не расталкивая никого плечами; наконец, желательно всегда любить женщин — конкретно и полигамно, но никогда не слушать их якобы мудрых советов.

...Стоит коломенской верстой Енукидзе на площади между проходными двух заводов, славой бывшего советского военно-промышленного комплекса и зычно рокочет: «Граждане-товарищи! Кушайте пирожки с капустой и картошкой! Ведь на этих овощах тысячу лет Россия стояла и крепла. И вы выстоите в свалившейся на вас напасти!»

малу табельный лист Тулуписа заполнился прозвищами, вовсе неизвестными теми редкими обывателями, что еще по старинке читали книги. Все более появлялось обилеченных дородных зайчих в возрасте. Детушек своих они уже воспитали, а внучат им не всегда доверяли — по некоторой рассеянности характеров и склонности к посещению всевозможных общественных ассамблей. Научившись в наступившем свободном времяпрепровождении неловко рифмовать навроде «розы — морозы», оные осанистые пожилые дамы объявили свои парсуны поэтами и оформили эти утверждения писарскими билетами. Благо обилетиться стало до стыдливой неловкости просто. Бессменный на должности главы Тулуписа Лев благодушествовал и всю канцелярию поручил своему заместителю, по чину Ослу. Был тот по возрасту отчислен майором по интендантству, научился, опять же неловко, складывать рифмы, объявил себя эпическим пиитом. Но даже в либеральные и разболтанные лихоимные «девятиностые» и в последующие годы, когда поименование писаря сделалось ругательным среди лесных обывателей, он только с третьего раза сумел пробаллотироваться в члены. Узрев недюжинные интендантские дарования новообилеченного, дряхлеющий Лев и со сватал одного майора на должность Осла, как ответственного за все тулуписовские докуки, в числе которых и обилечивание неофитов. В основном рифмователей, ибо для писания прозаических сочинений потребно много времени, пуков гусиных перьев и дестей писчей бумаги. В новом, частнособственническом *Нашем лесу* все это стоило немалых рябчиков.

Новоиспеченный же Осел и учредил при благодушном попустительстве Льва указанную простоту, обложив желающих обилетиться окладным листом в рябчиковом тарифе за вступление в чин писаря: Льву и себе на оклад содержания. «Визиточки» и воспитавшие деток «поэтессы» нестройными рядами

потянулись в Тулупис. Всех брали по тарифу, за всех Осел перед Львом предстательствовал. Даже целыми коллектами вошедший в раж Осел начал билечивать. Допустим, вспомнил как-то на досуге ставший в одночасье обладателем фабрик, заводов, курантов и прочего из бывшего обобщественного богатства Беркут по орнитологическому роду, что в III классе гимназии учитель изящной словесности раз похвалил его почерк в сочинении на заданную тему «Великий Тигр — рулевой обобществления», и возмечтал украсить свою визиточную карточку титлом писаря — как память о пионерском безмятежном отрочестве. Вспомнил и прибыл из своей районной чащобы в Тулупис. А для компанейства и деловых руководств по пути захватил собинного своего заместителя и длинноногую Лисичку-секретаршу. Выложил Беркут на стол Осла обандероленную пачку рябчиков — явно сверх тарифа. Осел же, слюнявя копыта, пересчитал рябчики — как раз на троих по окладу приходится — и всех прибывших из чащобы тотчас билетили! Много еще каких живописных сцен в Тулуписе в эпоху Осла наблюдалось... Все такие описывать — дестей бумаги не хватит.

Старого закала писари, еще помнившие внутренние и внешние сущности писчебумажного искусства, продолжали и без рябчиков, как раз навсегда втянувшиеся в оное дело, сочинительство. Один усердный Дятел все пробовал «Всеобщую историю Тулуповского леса» довести до наших дней. Но вот неудача! Только он *point sur les "i"* в своем сочинении свершит, описав подвиги нынешнего губернатора, как того на съезжую и далее в узилище за взятки, либо по сомнительному рескрипту «по собственному желанию» отчислят по партикулярному реестру. Не везло Тулуповскому лесу с воеводами-губернаторами в наступившую частнособственническую эру. Кто-то с головой ушел в мемуары о былых сражениях.

В лихоимные «девяностые» некоторые ударились в сочинительство историко-порнографических опусов... Много чем еще от безделья, давней привычки и отсутствия рябчиков прежних лет фабрикация тулуповские писари отвлекались от наступивших суровых частнособственнических будней. Но пришел новый век, власть застрожала год от году. Хотя бы на низведенных в полное ничтожество писарей даже местные чиновники внимания никакого не обращали, но которые старой закалки по памяти, а новобранцы-стенгазетчики, особливо воспитавшие детушек поэтессы, нутряным опасливым чувствованием сообразили, что о современном состоянии общественных предметов лучше промолчать. Сочинять же о столь давних делах Истории, никаких писчебумажных свидетельств о коих не осталось. Поэтизировать же о «розах — морозах». Опять всплыло старинное правило: выше коллежского асессора чинов не трогать! Даже говоря о более ближней Истории, к примеру о Тулуповске XVI века, на которую тогда орда татарская посягала, наименование этой дружественной национальности заменять монголами! Все это легкие на подъем писари стенгазетного «призыва» воспринимали чуткими ушами — причем не только те, у кого уши выше лба растут.

...В конце концов деяния Осла от интендантства и попустительство одряхлевшего Льва вызвали возмущение еще имевшихся в наличии писарей старого закала. Совсем недавно обоих отрешили от чинов. Они ушли скандально. Может по сей причине в чиновных кругах по линии культуртрегерства смутно вспомнили о наличии в губернии писарей и назначили Львом Тулуписа доверенное и проверенное лицо.

Новый Лев природным своим многозначительным размышлением прикинул: писарство в Тулуповске, равно как и во всем частнособственническом *Нашем лесу*, сведено к полному ничтожеству, выро-

дилось в артефакт Истории. Впрочем, как и во всем мире, где читать разучились и не видели проку в каком-либо поощрении вольнолюбивого — и даже *датского!* — сочинительства. К тому же имел Лев другие многообразные обязанности в чиновных кругах. Потому поступил архимудро, начав с самой процедуры приема его в писари: после единогласного голосования выставил щедро сивухи и жареных поросят, а сам, непьющий, три часа плясал вприсядку с выходом и коленцами, играя на гармонии и распевая частушки.

Первым делом, хорошо усвоив административную грацию, он всех писарей поразил несказанно бурной деятельностью личного почина. Казенным коштом, используя разнообразие приятельств в административных кругах, заказал для нужд Тулуписа на Полотняном заводе бояр Гончаровых, что в соседней губернии, тысячу аршин тонкого выбеленного холста. Порезав оный на столбцы в сажень высотой, энергетический по натуре Лев, обладавший природным даром рифмования (бабка его известной знахаркой была), начертил на них железисто-галлусовыми чернилами вершковой величины буквицами свои стихосложения, одновременно душеполезные и благонамеренные. Объявив себя родоначальником нового писчебумажного искусства с поименованием «выставки стихов», Лев развесил столбцы с нравоучительным содержанием по всем урочищам и чащобам Тулуповского леса, а в губернском городе — на парадных входах присутственных мест, включая съезжую и училище, а также в актовых залах городских университетов. Здесь следует заметить, что с заменой обобщественности на частнособственность в *Нашем лесу* все училища, присовокупно и двухклассные церковно-приходские, возвели себя в ранг университетов.

Поскольку же чистые холстяные столбцы еще оставались в наличии, то Лев сыскал толмачей, что

переложили его творения на неведомые лесным обитателям (теперь заново *обывателям...*) диалекты, в коих буквицы пишутся как в зеркале: справа налево. На одном таком языке буквы напоминали следы птичьих лап на свежеснежавшем снегу, на другом же литеры горбились как кошки перед собаками. Эти столбцы Лев попутным аэропланом отослал в назидание умиротворения в левантийскую пустыню, что обочь Святой Земли, где проистекали междоусобные баталии, злодейски поощряемые правителями Заокеанских прерий. Со столбцами летал сам Лев, за что был отмечен воинской медалью.

Еще он поразил оробевших от столь бурной деятельности скромных тулуповских писарей написанием рифмованных поздравлений всем вновь заступающим или повторно утверждаемым чужеземным правителям, в том числе Заокеанских прерий и Блистательной Порты.

Поразив же воображение писарей, Лев возвратился к своим многообразным занятиям в губернской администрации, поручив сеять разумное, доброе, вечное в воображениях членов Тулуписа, окончательно поделившихся на «визиточников» и зайчих, воспитавших уже детушек, новоназначенному Ослу, многоопытному и душепроницательному, и правлению. Однако же им недосуг было что-либо сеять на ниве «визиточников» и зайчих. Правленцев увлекло более полезное занятие: вытребывать — через благожелательное посредничество Льва — с культуртрегерского департамента губернской канцелярии различные грамоты и медали местного штампования, далее распределяя оные промеж себя. Особо ценилась та из них, что давала прибавку к пенсиону в полтора рябчика (в живом весе — по орнитологии), но главное — похороны почившего обладателя медали в четвертом почетном ряду от главной тропинки местного погоста.

...Шло вроде как застывшее в серых буднях вре-

мя. О писарях в Тулуповском лесу и вовсе забыли. И барак с бывшей резиденцией Тулуписа снесли — освобождали место для построения радением и капиталами первогильдейного купца Тофика самой большой в городе, сорокадвухэтажной лавки галантерейного и пищеварительного товару.

Быстро История стирает память о делах и событиях, не попавших на ее Скрижали. Тож и память о некогда бодрой действительности тулуповских писарей. И не вина их, предбывших, бывших и нынешних немногих, в таком забвении. Разбаловавшись всеобщим пиететам в эпоху обобществления, не смогли они встроиться в частнособственничество. Да и во всем мире сейчас деяниями Великого инквизитора, переназванного Великим глобализатором, надобность в писарях отпала: место слова заняла цифирь.

...Еже писах, писах. И вослед Великому инквизитору из романа Достоевского в окончании настоящей летописи скажем: *dixi*».

♦ Спустя полгода после передачи профессором Скородумовым писателю Бурцеву стилизованной под манеру письма Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина летописной истории тулуповской писательской музы они опять-таки случайно (случай по диалектике Гегеля есть объективация субъективного) встретились у входа в гостеприимную рюмочную «Наливай-ка!». Понятно дело, зашли и дружески засиделись на пару часиков.

— Ну как, Андрей Матвеевич, опубликовал свое творение?

— Да-а, напечатал в своей «Срединной России» в двух номерах, так сказать, с продолжением. И даже отдельной книжкой издал к грядущему юбилею нашей областной писательской организации...

— А чего ж изволите, достопочтенный, с этакой кислинкой в голосе о своем писательском успехе сообщать?

— Нет никакого успеха. Не в коня корм, как оказалось. Как в добром *нашем* чапаевском анекдоте.

— Во-во, порадуй душу ностальгией!

— Кому ностальгия, а большинству — реальная жизнь. Значит, Петька интересуется у Чапаева: «Дескать, вчера Фурманов все горячился перед бойцами на политзанятиях насчет светлого будущего. А ты, Василь Иваныч, как его себе видишь?» — «Хорошо, Петька, вижу. Вот разобьем беляков, консерваториев всюду понастроим. Будем самогон консервами закусывать!»

— Понятно... хотя нет, ничего не понятно! Ведь в повествовании у тебя получилась, вопреки первоначальной задумке, вовсе не едкая щедринская сатира, но несколько грустное философствование, скорее сочувствие к современным избранникам муз, что выпало им жить в эпоху жестоковыйной глобализации, разрушения СССР, перехода от социально ориентированного сообщества к самой дикой форме, *homo homine lupus est*, частнособственничества, накопительства и потребления. Я разве не прав?

— Прав, дражайший Игорь Васильевич, седмижды семи прав. Поверишь ли? — На довольно общие и лично безотносительные аллегории навроде «стенгазетчиков», «визиточников» и «зайчих» никто и не думал дуться. Даже посмеялись дружелюбно. Обиделись, совсем для меня неожиданно, на другое: не нашли, каждый себя отдельно, в аллегориях этих. Хотя бы и обидных для самолюбия.

— Что ж ты хочешь, друг мой письменник, сознание людей нынешних «перезагружено», как принято в высоких политкругах выражаться, на рекламное мышление. А лучшая реклама — негатив! Допустим, не нашел он себя в твоих звериных и орнитологических аллегориях, но разве просто повесть о собратях по перу не интересно почитать? Всего-то под сотню страниц, как помнится, не «Война и мир» ведь?

— Ну ты, друг мой профессор, меня удивляешь! Кто же сейчас книжки, даже в сотню страниц, читает? В лучшем случае их *перелистывают* или *листают*. Опять же в дуду рекламе: красотка, в полупорно приодетая, лежит бочком на диванчике. В руке глянецовый журнал, в другой смартфон или какой-другой «фон». И вслух размышляет: «Чем бы заняться? Дэну позвонить или журнальчик *полистать?*»

Писатели же, уж позволь мне их прежним титулом именовать, и вовсе чужие, в смысле не свои, книги не раскрывают. Не потому что, как тот «чукча не читатель, чукча — писатель» из старого анекдота, круглые сутки заняты собственным сочинительством; нет, в них сейчас от писательства только членский билет. Чем-то они заняты... каждый своим. Писать, тем более читать, им недосуг. Я расскажу про предпринятый мною эксперимент, опыт по-русски, по проверке: читают — не читают, но прежде о реакции на «Щедринскую» повесть и обиды за неупоминание.

Наш журнал курирует сразу три литературных альманаха, что издаются под эгидой «Срединной России» — как всероссийского. Редакторы их отмечают выход новых выпусков собранием литобщественности. И меня туда приглашают в качестве «патронирующего шефа». Обычно в такие места приходят дородные «поэтессы» — зайчихи, воспитавшие детушек, как у *меня* в повествовании — пообщаться друг с другом от домашней скукоты и назойливых приставаний неразумных еще внучат... На одни такие посиделки я принес стопку свежеезданного «Кастальского ключа» — еще без сегодняшнего нашего разговора, который *во втором издании* вставлю в качестве концовки. Положил в центре читального зала библиотеки, в которой обычно проводятся подобные «встречи авторов с читателями», в угол стола председательствующего: мол, налетай, подеше-

вело! В смысле, окажите честь, задарма возьмите, детишкам и внукам вместо сказок-страшилок на ночь почитаете...

Поскольку у меня репутация изгоя, это как Северная Корея, Иран и временами Россия для империалистов Запада, но только для правленцев тулуповской ячейки Лесписа, поэтому эти самые дородные как-то с опаской, с оглядкой друг на дружку (не выдай в случае чего, милая!), привставая со стульев, начали книжки разбирать. Тем более — каюсь, емь книжный эстет! — добротнo и со вкусом изданные: удобного формата, сами в руки, а потом в дамские сумочки и пиджачные карманы мужской половины просятсЯ.

Увы... сам себя выпорол, как достопамятная унтер-офицерская вдова: в самом начале собрания, похвалив альманах, именинник сегодняшнего дня, несколько слов (вот она, неумолчная гордынь сочинительская!) сказал и о своей книжке: дескать, получилось нечто философски-трагическое, хотя задумка вначале имелась на примере нашей областной писательской... И так далее. Это-то и погубило мою повестушку в глазах собравшихся. Все взявшие экземпляры книжки начали, невежливо пропуская мимо ушей многоречивые рассуждения авторов альманаха, спешно *листать* — отыскивать свою аллегория, но вместо таковой находили только обобщающих «зайчих», а мужская половина сидельцев в зале — «обилеченных» и «визиточников». Мужики, впрочем, книжку рассеянно клали в пиджачный карман... может на случай войны: тогда-то думцы отменят табачные утеснения; будет из чего махорочные самокрутки вертеть! Но которые дородные, воспитавшие и так далее, не найдя своего *alter Ego*^{*}, обиженно

* Второе «Я» (лат.) — прим. ред.

поджимали губки и, все так же привставая со стульев, клали книжку в прежнюю их стопу...

— Чего-то, Матвейч, увлекся ты дополнительной ко второму изданию главкой! Так и вовсе повесть в целиковый роман перевоплотишь. А где обещанный эксперимент, что есть опыт по-русски?

— Вот сейчас и про опыт. Сам по себе, Васильич, как мой собрат-коллега по изданию собственных книг — о журналах наших уже молчу,— знаешь: какой кровью и прочими затратами стоит издать хотя бы сотню экземпляров даже небольшой по объему книжки в демократическом мягком переплете? Потому и стараешься отдавать в руки тому, кто хотя бы *полистает* ее... надежды же на серьезного и вдумчивого читателя давно исчерпаны. Издашь новую книгу — и даришь с таким вот расчетом только что на *листающих*... И то сердце сочинительное не то что греет, а условно теплит — как вместо горячей «лампочки Ильича», упорно все запрещаемой думцами, китайской фабрикации неоновый или диодный светильник.

Со временем подметил: коллеги-прозаики, хотя бы один из четырех-пяти, все же *пролистывают*, но которые ямбы с хорейми слагают в возвышенные часы творения — и вовсе не раскрывают. Хотя убеждают в обратном: хорошо, мол, брат Бурцев, сочинил! С интересом читал... и так далее. Пробую навести на сюжет и фабулу, чтобы проверить истинность их похвалы, так сразу убегают под благовидным предлогом: дескать, извини, дорогой коллега, рифма удачная в голову ударила, надо срочно, пока не улетучилась, записать!

Голь на выдумку хитра. Начал в сочиняемые повести и романы вроде как по делу вставлять в текстовку, а то и вовсе в качестве эпиграфов к главам, строки и строфы из местных поэтов. Чье вставил — тому и отпечатанную книжку вручаю, ни полслова не

говоря о цитировании... Через месяц-другой при встрече навожу на подаренную книгу. Чистейшими и яснейшими глазами впившись в мои гляделки (психологи говорят: если при разговоре собеседник смотрит на тебя в упор — значит стопроцентно врет), поэтический коллега утверждает: два раза от корки до корки прочел! И супруга с интересом прочитала. Конечно, ни четверти слова, даже осьмушки, про свое присутствие на страницах «дважды прочитанного». Перестал я поэтам понапрасну свои книги раздавать. Да и всем остальным «обилеченным» из тулуповских то же самое.

◆ — Итак, Матвейч, начал ты сочинять, как ранее рассказывал, что-то навроде сатирического рассказа в духе Михаила Евграфовича о нынешнем ничтожестве местного писательства, а получилась целиковая повесть с философским уклоном. Главное, правильную линию вывел в этой части. Не получилось как у юмориста в жизни Вольтера...

— Это как... Вольтера?

— А как-то умничающая дама его попросила объяснить сам предмет философии. Он же ответил в том смысле, что когда слушающий не понимает, о чем ему толкует говорящий, а последний толком не знает, о чем он ведет речь, то это и есть философия.

— Мд-д-а. Убедительно. У меня сосед по лестничной площадке актер нашего драмтеатра. Прошлым летом по обмену на гастролях в Челябинске был. А там и опера имеется. Пошел для интереса на «Риголетто» — и зарекся вообще кроме как своей сцены ничего не видеть. Оказывается, тамошний режиссер — модернист, то есть провинциальный холуй западнического педермотства, но и отечественный квасной патриот в одном флаконе, для привлечения публики всем персонажам «Риголетто» придал футбольную наружность и имена...

— Это ты к чему, Матвейч, про оперу-то? В толк не возьму.

— Чего здесь толковать. Что оперы в футбольной униформе, что современная ущербная «литература»... Все это есть намеренная и направленная кем надо, тем же Великим инквизитором с новым именем Великого глобализатора, утрата в искусстве, уже не высоком творческой, профессионализма. Где заканчивается профессия, оттуда уходит мастерство, ибо оно требует неустанного учения — длиною во всю жизнь.

— Я тебя, дорогой мой письменник, понял. Пресловутое новаторство, новые формы и прочие благоглупости, в опере ли, в художественной литературе, якобы востребованные новым временем, новыми людьми, в наше время уже не есть просто изменение формы. Это нечто более губительное для всех искусств и творчеств. Коль скоро в повести своей ты упомянул нашего великого философа-свободолюбца Бердяева, то и поясню свое утверждение ссылкой на его слова. Примерно так, говорю по памяти: в осознанной человеческой деятельности задача в том, чтобы не допустить *перехода изменения в измену*, чтобы в любом изменении личность оставалась самодостаточно мыслящей. Но когда мы встречаем факт такого перехода, то становимся свидетелями самого тягостного явления человеческой жизни — разочарования в конкретном человеке, но что еще страшнее — разочарования в людях вообще. Как-то в этом смысле сказал уважаемый мною Николай Александрович, хотя бы он и старался представлять себя сугубым персоналистом и почти что умственным анархистом...

Как раз сейчас мы и наблюдаем переход изменения в измену: человек изменяет своей природе и данному природой высокому предназначению и превращается в безымянный винтик глобального человеиника. Человеинику же писатели не нужны. Ты

все верно в своей повести обозначил и расставил по местам. Главное, без обиды для наших тулуповских... если кто из них все же осилит чтение сотни страниц. Разливаю? <Выпили — закусили>.

— ...Будем, Матвеевич, все одно оптимистами. Почаще будем якобы забывать о всяких там мрачных фатализах и эсхатологиях. Хотя бы достаточно скоро сотрется во владениях Великого глобализатора не только память о писателях. Судя по сегодняшним устремлениям Запада, избравшего вновь для эксперимента Россию, уйдет из истории, что-де когда-то была страна Россия. Впрочем, и истории тогда уже не будет. Чего-то сказать имеешь?

— Да припомнил. Один человек досужий, потому много чего из сорной мелочовки в голове держащий, рассказывал по радио, а может и по «ящику»? — не помню точно. Словом, в Греции, в исторических местах в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах, где в античные времена располагались источники Иппокрена и Кастальский ключ, вблизи которых музы вдохновляли эпических поэтов, для привлечения туристов решили построить новодел — копию Кастальского ключа. Поскольку же соседние горы обезлесили, то ручьи и иные источники пересохла. Чем запитать новодел? — А просто подключили его к водопроводной сети соседнего городка.

Кастальский ключ из водопровода.

Горнило вдохновения, он же Кастальский ключ, она же Болдинская осень, он же громокипящий кубок от ветреной Фебы... Какие это заветные символы для людей творчества? И сопутствующие им состояния творящей души присущи истинным гениям и большим талантам. Но, увы, высокая трагедия вырождается в пошлый водевиль, когда горнило вдохновения начинают штурмовать люди, хотя и добрых намерений, но обделенные даром самовыражения. Это, конечно, не их вина,— природа слепо раскидала кувшин этих серебряных монет, то есть талантов: кому досталось, а большинству и нет. Но насиловать эту природу — уже грех; не дано — успокойся и займись ремеслом попроще, главное, чтобы оно пользу приносило. А провозглашать себя гением, имея за душой только знание правил стихосложения, кипу писчей бумаги «Сору» и поддельный, китайский «паркер» — по меньшей мере безрассудно, вредно для окружающих, убыточно для семейного бюджета, опасно для здоровья, особенно психического. Тихий графоман вызывает жалость, часто — дружескую. Но буйный маратель бумаги такие дела творит, что его начинают всерьез опасаться. Их нападкам более всего подвержены самые робкие из редакторов — заводских многотиражек и нанятые на сроки выборов второстепенными политическими партиями. Еще буйные графоманы уважают водочку под селедочку на презентациях чужих книг, а боятся только собственных жен.

ФРАНЦУЗСКИЙ СИНДРОМ, ИЛИ НОВЫЕ ЛУДДИТЫ

*У них дураки вона каки, а у нас
дураки все таки.*

Славны бубны за горами!

Русские народные присказки

◆ По жаркому в этом году августовскому утру профессор Игорь Васильевич Скородумов* проснулся в шесть часов. Никого в доме не тревожа, прошел на кухню — заварить чаек и выкурить с ним вприкуску, но уже на балконе, первую за день, самую вкусную сигарету. Как потомок едких на слово и вредных по отношению ко всяким властям калужских мужиков-землепашцев, Игорь Васильевич особый приятный вкус табачного дымка неконформистски соотносил с уже который год длящейся в стране штурмовщиной очередной антиникотиновой, а заодно и антиалкогольной, кампании.

Поставив чайник на огонь, по многодесятилетней привычке включил кухонный динамик-громкоговоритель, еще заставший времена Второго Ильича, причем еще только с двумя геройскими звездами на пиджаке. Увы, как в последние годы часто случалось с городской радиотрансляцией, радиоточка молчала, изредка испуская злобное шипение. Игорь Васильевич полупешотом витиевато выматерился: за что, мол, по квитанции полсотни в месяц платим, если местные власти совсем забросили свое проводное радиовещание!

* Наш постоянный персонаж; см. выше и романы-новеллино: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки. — М.: «Московский Парнас», 2014. — 327 с.; Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении. — М.: «Московский Парнас», 2017. — 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru — раздел «Библиотека главного редактора»).

Пришлось, все с теми же полупрошарными малоцензурными словечками, включать маленький, тож советской еще фабрикации, телевизор, столь же издавно пылившийся на холодильнике. Не любил он с утра мельканий телеэкрана, а в нынешнюю частнособственническую эпоху и вовсе охладел к изобретению русского американца Эворыкина... Но все же утренние новости-страсти, а главное, прогноз погоды с тщетным ожиданием спадения жары и духоты в атмосфере, хотя бы из «ящика» дополняли у Игоря Васильевича первые на дно стакан чая и сигарету.

Старенький телевизор «дачного формата» принимал на последнем издыхании только одну, зато самую государственно-главную программу, по которой профессор в утренних новостях, понятно дело, не глядя на экран, рассеяно прослушал сначала о победах российских спортсменов на каких-то местечковых соревнованиях в Шотландии, затем обсуждаемый уже неделю всем миром инцидент в небе Эстонии, бывшей ЭССР, а при царях — Эстляндской губернией, когда патрулировавший там от натовцев лихой испанский «королевский сокол» пальнул, не глядя куда, ракетой, которую теперь все суверенное население ищет по лесам и чухонским болотам...

Игорь Васильевич, что называется «на автомате», привыкший к чередованию обычной тематики теленовостей и радио — оных же, приутовился с сарказмом выслушать панегирик-воспоминание о прошедшем с запланированным успехом футбольном всемирном мероприятии, а вослед за ним заявлением двух-трех восьмидесятилетних старушек-актрис, что де ни на какую пенсию они и не собираются... Но вместо этого диктор, умеренно, но и сочувственно в то же время, посуровев голосом, объявил, что американский конгресс, явно льстя своему президенту, объявил России настоящую торговую войну. Как законопослушный гражданин бывшей 1/6 части зем-

ной суши и внешнеполитический патриот, профессор слегка огорчился пакостью америкосов, но и в контексте услышанного обрадовался: наконец-то наши радиотеледикторы перестанут молиться на Америку, а главное — больше не станут засорять наш великий и могучий жаргоном из американского диалекта английского языка... Рано он обрадовался! Скомкав малоприятное известие, ведущий перешел к событиям внутри страны, важнейшим из которых на сей день было прошедшее накануне в Южно-Сахалинске всероссийское соревнование молодежи «ручных» рабочих профессий по своему мастерству: пекарей-надомников, столяров, квартирных ремонтников, плиточников и парикмахеров. И хотя в состязании участвовали только наши соотечественники, Игорь Васильевич неосознанно, с профессорской дотошностью отметил: только дважды диктор поименовал соревнования по-русски, зато восемь раз с восторгом неопита употребил их название по-американски: *ворлдс скилтс*, — так на слух воспринял разгневавшийся Игорь Васильевич, патриот чистоты русского языка. ...Англо-американского он не знал, ибо в школе и в трех вузах, в которых учился в советское время, сдавал экзамены «на пять» по немецкому языку.

Как бы ни разгневан был наш профессор, но доставшийся от калужских предков сарказм и здесь присутствовал: эта неумная страсть эсмэишников к иностранным словам тотчас напомнила и классическую «смесь французского с нижегородским», и того кучера из романа классика же позапрошлого века, что любил в минуты отдыха читать, причем смысла текста он не воспринимал — ему просто нравилось узнавать и произносить буквы...

◆ Фигурально плюнув на прогноз погоды, и так все понятно: еще висящее над горизонтом солнце уже жаркими своими лучами щипало щеки и выгоняло крупинки пота на лбу, — Игорь Васильевич потянул-

ся рукой выключить рассадник американского жаргона, а тут и диктор перешел к новости, касающейся успехов компьютеризации и интернетизации отечественной *цифровой* экономики. Последними, услышанными Игорем Васильевичем из выключаемого телевизора словами были: «...Ни один уважающий себя человек, от школьника и домохозяйки до профессора и крупного *бизнесментера*, не мыслит сейчас начать новый день без *лайков* от друзей и коллег!» Кстати, за растворенным окном в это же время разномастно *залаяли* выводимые хозяевами на утреннюю прогулку-оправку собаки из окрестных домов: в основном, мелкая и злоющая квартирная четвероногая сволота. Игорь Васильевич собак не терпел, а уважал котов, особенно своего личного, что с донесшимся лаем своих классовых врагов проснулся и задумчиво вошел на кухню, заластился к хозяину: корми, мол, а то за ночь проголодался, ловя во сне виртуальных мышей!

Но тому в эту минуту не до кота было в яростном порыве: *elan* по-французски. И что это повторяющееся французское засело поутру в многомудрой профессорской голове? «Все же надо исполнить окончательно решенное вчера», завертелось в голове Игоря Васильевича. Но как бы не ответственен был момент, все же по воспитанному порядку и дисциплине он сначала заварил чай и, по-прежнему игнорируя усиленные намеки кота на задержку утренней пайки усиленного питания, вышел с кухни, прикрыл дверь в спальню, чтобы последующими действиями не будить супругу (женатый сын давно жил отдельно), подошел к своему рабочему «уголку» в гостиной комнате, с гневом вырвал кабели и шнуры из гнезд старомодного громоздкого компьютера, этой весной на дармовщину доставшегося ему при списании на факультете устаревшей оргтехники, обхватил погрузчески рассадник дебилизма, со сложным маневром вынес его на балкон через круглосуточно рас-

пахнутую в летнюю жару оконную дверь и прислонил к металлической ограде. Не выпуская из рук полуторапудовой тяжести изделие китайского ширпотреба, профессор нагнулся над балконной оградой, проверяя уже вчера определенное: не засажен ли цветами тот пятачок палисадника, на который должен по Ньютону закону всемирного тяготения приземлиться сброшенный с балкона четвертого этажа разочаровавший владельца предмет. Не то что Игорь Васильевич уважал растительный мир, но на участке палисадника в «зоне ответственности» их подъезда за цветами и кустарником на общественных началах ухаживала его супруга. То ли из любви к прекрасному, а может гены предков-цветоводов теребили...

Убедившись, что прямо под балконом в тени разросшейся сирени только мелкая сорная травка растет, Игорь Васильевич перевел взгляд влево, где Селим, ихнего дома узбекский дворник-гастарбайтер, умеренно шурша метлой, начинал свой трудовень.

— Селим, подойди, пожалуйста, поближе!

— Да, хозяин, слушаю,— доложилась сын Ферганской долины, подходя к подъезду с профессорской квартирой.

— Я вот сейчас эту хреновину сброшу, чтобы не волочить ее с четвертого этажа по лестницам, а ты, будь добр, оттащи ее останки на помойку. За труды полторы сотни с меня, пообедаете сегодня с люля-кебабом в своей халяльной* харчевне! Благо сегодня у вас курбан-байрам. Поздравляю!

— Спасибо. Бросай, хозяин. Что, совсем негодный?

— Совсем, Селим, негоднее не бывает.

Еще раз нагнувшись над оградой, убедился, что по раннему времени ничья досужая голова не торчит из нижележащих балконов вовне, с силой оттолкнул

* Халяльная пища, то есть разрешенная правоверному кораном; это как у евреев кошерная еда (кошурат).

железяку, дав ей метровый запас от линии этих балконов. Упав на землю палисадника, компьютер негромко чвакнул. После вчерашнего вечернего дождя земля замечательно самортизировала. Даже кинескоп не разлетелся на осколки. Игорь Васильевич мысленно перекрестился: и соседей не потревожил, и от дебилизатора избавился. А тут и трудяга Селим, оставив метлу, зашел в палисадник, легко поднял останки и удалился с ними на ближнюю помойку в соседнем дворе.

◆ Соседей-то не потревожил, но наблюдателя не избежал:

— С добрым тебя утром, Васильич! Никак на летние профессорские отпускные ноутбук приобрел и от старой рухляди избавился? Или по идейным соображениям, а? И не жалко?

Игорь Васильевич повернул голову вправо и немного наклонил ее: по диагонали направо-вниз на балконе третьего этажа, как и у него незастекленном, но уже в квартире соседнего подъезда, всего в нескольких метрах вальяжно сидел за журнальным, инкрустированным по-палехски столиком за утренним кофею его давнишний — со дня поселения в доме — знакомец, отставной врач-психиатр Евгений Семенович Дорошенко. Торопясь покончить с компьютером, Игорь Васильевич и забыл, что тот летом также спозаранку устраивается на своем балконе. Недавно пошавив по уже позднепенсионному возрасту с регулярной службой в областном психдиспансере, Евгений Семенович сибаритствовал, впрочем, регулярно подрабатывая в непыльных местах, где от него требовалось только необременительное по времени присутствие и подписывание бумаг: в военкомате на смотрах призывников, всяких наробразовских комиссиях, на госэкзаменах в местном медицинском институте... даже в городской тюрьме приходилось подписывать и пить коньячок с тамошним начальством. Слыл Доро-

шенко авторитетом-практиком по психическим делам и имел звание заслуженного врача. Сам бог велел ему прибавку к незавидной ныне пенсии иметь.

В раннеутреннем уличном безлюдье и охлажденном ночью воздухе могли соседи беседовать не повышая голоса, как за столиком в их любимой рюмочной «Наливай-ка!» Оять же аккуратист профессор Скородумов, тоже заслуженный, но только не врач, а деятель науки, ответил Евгению Семеновичу строго в порядке заданных тем вопросов:

— На зарплату провинциального профессора, Семеныч, только на упаковочную коробку от ноутбука можно сподвинуться. Соображения же, конечно, идейные — в отношении всякой интернетовской свободы, словом — французский синдром у меня сработал. А насчет жалости, то, во-первых, я начисто лишен атавизма частнособственничества и жмотства; во-вторых, мне эта рухлядь даром от родного университета досталась. Оять же...

— Тпру, тпру, Васильич, какой-такой офрануженный синдром у тебя проявился? Вроде как по своей профессии много всяких-яких синдромов знаю, а про такой не слышал. Потом, как я давно знаю, психика у тебя североморская, военно-морская, значит — железобетонная! Чего это угораздило в сторону дурки прикидываться?

— Это из другой оперы, милейший, не по твоей части. Покопайся-ка в недурственной своей памяти и вспомни середину шестидесятых годов, когда я еще в школе штаны за партой протираю, а ты уже медицинским студидусом числился.

— Ну... да и что?

— А то, любезнейший Евгений Семенович, что ты в те годы всякими там политинформациями и комсомольскими собраниями манкировал в пользу пивных и податливых однокурсниц, потому в памяти и не отложились события во Франции: народ взбун-

товался засильем голливудщины на экранах. Да настолько, что по утрам, навроде меня, в Париже выбрасывал из окон телевизоры! Вот это я и окрестил, но уже сейчас, в память, французским синдромом.

— А-а-а, ясно-понятно. А то, вишь, даже мыслишка нехорошая появилась. Ты уж извини заслуженного пенсионера по психической части. Припоминаю, припоминаю. И чем все дело в Париже и его окрестностях закончилось?

— Хорошо для французов завершилось. Де Голль тогда ими по-военному командовал. Отдал нужные распоряжения, а парламент проголосовал за квоту американских фильмов в прокате и на телевидении. Кстати, сразу после этого случился настоящий взлет французского кино. И мы его с восторгом смотрели все оставшееся советское время: Жан Марэ, Луи де Финес, Жан-Поль Бельмондо, Пьер Ришар и, конечно, Депардье — ныне российский подданный с условной пропиской в мордовском Саранске... Заодно де Голль распорядился собрать по всей Франции бумажные доллары, набить ими под завязку самый большой военно-транспортный самолет, который отправил в Америку, в Форт-Нокс для обмена на золото. Правда, здесь вышла осечка: америкосы объявили, что ихние доллары печатает не само государство, а частная компания — Федеральная резервная система и... еще в Европе были бунтовщики-луддиты*, так что традиция там сложилась ломать все неудобное.

* Под таким названием в историю вошли первые противники научно-технического прогресса — от имени легендарного рабочего Н. Лудды, который первым расколошматил вдребезги (и здоров же был мужик!) свой станок, отнимавший заработок у многих кустарей-ремесленников. Движение луддитов получило форму протеста в Англии 2-й половины XVIII — начале XIX веков.

— Все понятно, Васильич, вспомнил. Извини — перебил, но ты благодумствуешь и развлекаешься импортными синдромами в заслуженный двухмесячный отпуск, а мне сейчас надо ехать на подработку, несмотря на летнее жаркое время. Надо подремать пару-тройку часов на каком-то заседании департамента, или как там они сейчас именуются-зываются, по образованию. Что-то в части психического здоровья нынешних школьников-недолайкиных. Вот заодно и про твой синдром, конечно, не упоминая фамилии, к случаю расскажу. С тобой же подробно на эту тему как-нибудь поговорим за бутылочкой коньяка в нашей «Наливайке». Итак, мой дорогой сосед, удаляюсь. Адью, как говорят твои французы! Кстати, самый жадный в Европе народ... Да, Васильич, ты жесткий диск вытащил? А то эти хакеры найдут на помойке... адреса там всякие.

— Пусть наслаждаются, там одни кафедральные склоки — от прежних хозяев.

◆ Профессор Скородумов считался в Тулуповском университете личностью уникальной, а оттого и сугубо подозрительной: имел все мыслимые научные награды, степени и звания — кроме одного: начальствующего. А в основанном им еще в завершении предыдущего столетия научном журнале «Феномены разума. XXI век», который каким-то чудом умудрялся издавать вопреки глубочайшей ненависти столичных «академистов», развивал свою концепцию о грядущем, но весьма скором, превращении человечества в стадо роботов — приложений к глобальным телекоммуникационным сетям, пробой которых сейчас является интернет. Стадо же это, или *человек* по определению нашего выдающегося ученого и писателя-смутьяна Зиновьева, все более и более подпадает под управление тайным мировым правительством, которое творит в мире разнузданную глобализацию... Ни много, ни мало. И кто же такому

мракобесу от бывшей святой матери-науки доверит даже ничтожнейшую должностишку в университете?

«Нет пророка в отечестве своем», — добродушно усмехался Игорь Васильевич на подкалывания мало-доброжелательных коллег-профессоров и даже хамоватых ныне молодых доцентов: дескать, что же вы, так сказать уважаемый, известны почти во всем научном мире, а в нашем провинциальном *универе* даже заваленной кафедрой не заведуете? «Говорите проще, вот уж истинно уважаемый, — похохатывал Скородумов, — что за дурачка блаженного от научных упражнений меня полагают! Но ведь и Христос терпел и нам велел». И далее Игорь Васильевич, торопя отделиться от неинтересного ему собеседника, рекомендовал тому всегда держать про запас охапку просушенных березовых поленьев. «Зачем?» — от такого поворота разговора даже заикался визави. «А затем, дорогой мой профессиональный *препод*, что когда Великий Глобализатор, ныне пока что тайный, разрешит средневековые аутодафе для научных, политических и иных диссидентов, меня в первое же воскресенье потащат на костер, как некогда Джордано Бруно, хотя бы он и был сквернословом и пьяницей, монахом-расстригой, то вы, милейший, одним из первых поспешите на местную Гревскую площадь* со своей вязаночкой дров в сухоньких профессорских ручонках — подбрасывать в костерок, чтобы пожарче пылал... как та самая вошедшая в мировую историю старушонка — святая простота; *sante naive* по ученой латыни, которую вы и слыхом не слыхивали!»

Ошарашенный грубостью и нетолерантностью

* В Средневековье на парижской Гревской площади по воскресеньям при большом стечении любопытствующего народа сжигали ведьм, колдунов и прочих представителей неодобряемых церковью профессий...

Скородумова профессор или доцент злобно ощеривался, отворачивался и молча удалялся от обидчика. Из осторожности *препода-профи* на ответное словесное оскорбление он не решался: вроде как ни причем рядом с беседующими всегда оказывалась факультетская доносчица-вестовщица старшая лаборантка Людочка... Мало ли какое слово в ответе вырвется?

Впрочем, Игорь Васильевич ни на кого и никогда обиды не таил. А отшельмованный им профессор или доцент, как истинные классики университетской жизни, по штатному расписанию права на обиды не имели, потому тотчас все забывали и при следующей встрече со Скородумовым садистски, вернее садомазохистски, вновь проигрывали тот же диалог. Скушна жизнь у преподавов, хоть чем-то развлечься!

◆ «Лучше огонь здешний чем огонь вечный», — отвечал потомок старообрядцев профессор Скородумов присказкой знаменитого протопопы Аввакума, сожженного Никоновыми злыднями в Пустозерском остроге, и на ехидные вопросы коллег из числа преподавов-профи: «А что это вы, мг-м, уважаемый Игорь Васильевич, имея в числе прочих и ученое звание профессора по кафедре вычислительной техники, являясь, как вы в научной периодике уже давно утверждаете, создателем концепции компьютера шестого поколения — с прямыми объемными электромагнитными связями, в то же самое время не пользуетесь сугубо принципиально интернетом? Да еще и подчеркиваете: мол, к *вашим компьютерам* ближе чем на три метра не подхожу! А еще такой весь из себя знаток этих передовых информационных технологий?»

Аввакумовой присказкой Игорь Васильевич отвечал вот тем самым — от скуки и монотонности преподавательской жизни — дежурным садомазоприставалам, которые тут же переключались и требовали разъяснения словам мятежного протопопы. «Сами извольте догадаться», — резонировал Скоро-

думов. А если очень уж неинтересный ему собеседник наседавал, то, если они находились в ситуации *tete-a-tete*, то посылал куда подальше беззлобным матерком, а если был не в духе, то еще одну пословицу вроде в шутку добавлял: «Хочешь сберечь зубы — не три губы»...

Другое дело, если собеседник, обычно лишь с шапочным знакомством и с другого факультета, вроде как всерьез интересовался такой неприязнью заслуженного профессора к интернету и компьютерам, полными властителями и покорителями современного человечества. Попривыкнув остерегаться шуткарей и доносчиков, чем всегда славились отечественные вузы, рассадники знаний и межличностной подлости, Игорь Васильевич для проверки намерений такого шапочного знакомого проводил столь популярный в современной высшей школе тест, то есть рассказывал три четко и осознанно-прощупывающе подобранных анекдота. Первый — про руководителей партии и правительства; второй же являлся проверкой на умственные способности в части владения логикой, а завершающий тест — самый полный ботаник по жизни поймет! — прямо намекал, что трудодень близится к прощальному учебному звонку, в квартале же их университетского городка расположилась гостеприимная рюмочная «Наливай-ка!» с приемлемыми акцизными ценами и на закуску ностальгическими с советских времен сосисками, запеченными в тесте... да-да, не дерьмоватыми нынешними «хот-догами», а именно почти что из мяса выделанными сосисками «любительские» с мелким жирком, как в шубе испеченными в тесте: с пылу, с жару, с румяной пшеничной корочкой.

При этом наш профессор испытующе смотрел безотрывно в лицо собеседнику, мысленно фиксируя все проявляющиеся на нем эмоции. «Может мы по пути домой зайдем куда-нибудь, неспешно побеседу-

ем?» — робковато говорил *правильный* собеседник, на что Скородумов с живостью подхватывал: «Сам бог велел отдохнуть от этого дурдома: значит в кружало, в кабак сиречь, в «Наливайку»!»

...Проведя в общедоступном по ценам даже для нищенствующей провинциальной профессуры заведении часок-полтора, уже нешапочно сдружившиеся сеятели разумного и вечного дружески расставались: Игорю Васильевичу — прямо до дома пяток минут бодро отшагать, а новообращенному в ряды недоброжелателей компьютерно-интернетовской заразы — направо до проспекта и несколько остановок на троллейбусе.

◆ Вечером того же дня, но уже заметно повернутому к полуночному часу, новообращенный, вздремнувший после сытного (хозяйка у него из деревенских родом, харч готовить искусница!) ужина, заодно хмель от выпитой на двоих бутылки хорошей очистки водки выветрился и перешел в этакий восторженный стимулятор четкости и остроты работы ума и памяти, привел в четкий педагогический ранжир услышанное от знаменитого в университете профессора. Получалось же следующее.

На обычные упреки, что-де Скородумов не уважает интернет и всяческую «компьютеризацию», хотя сам несколько лет преподавал на факультете вычислительной техники, Игорь Васильевич резонно парировал:

— Так было это в девяностые — самое начало двухтысячных годов, когда по советской еще инерции студентов того факультета учили *конструировать* эту самую вычислительную технику. И я читал лекции по системотехнике, схемотехнике, разработке периферийных устройств. Теперь же все эти специальности упразднены, коль скоро в стране давно уже ничего на эту тему не разрабатывают, тем более — не делают. Учат же на факультете теперь исключи-

тельно *пользованию* компьютерами и их сетями, 100%-но разработанными в американской «силиконовой долине», а в «железе» поставляемых всему миру Китаем — нынешней цифровой мастерской мира... Правильно, с изрядной долей практического цинизма сказал как-то в открытую один из наших предшествующих министров образования... и-и вроде бы и науки, что-де советского человека воспитывали и обучали как исследователя и творца-созидателя, сейчас же наша задача — подготовить квалифицированного потребителя. Нд-а-а, словом, имя тебе — потребитель! Это уже я говорю, не честно откровенный министр...

Далее по ранжиру умеренно протрезвевший давешний собеседник профессора Скородумова откладывал в своей памяти основные тезисы услышанного в приватной беседе за столиком «Наливайки».

Получалось, что интернетовщина и массовая компьютеризация есть главные звенья оцифровывания мышления нынешнего человека. Этим самым «вместо слова — цифра», как круглосуточно кричит теле- и радиореклама, человек роботизируется и превращается в мельчайший исполнительный винтик в механизме Великого Глобализатора. Прежняя самодостаточность разума в нынешнем мироустройстве уже не высшим качеством оценки полагается, но подозрительным недостатком. Словом, все на сто восемьдесят градусов, то есть с ног на голову, повернуто.

...Чувствуя, что от профессорских пророчеств он начинает терять веру в человечество, его общественное предназначение, новообращенный собеседник Скородумова начинает впадать в легкую панику, но выручает супруга. Она переделала все поздневечерние дела на кухне, досмотрела очередные любимые сериалы, непременно с «хэппиэндом»: нищая провинциалка, явившаяся в столицу всего с парой платьишек китайской фабрики, устроившись гор-

ничной в дом молодого богатея с годовым доходом в шестизначную *цифру* доллáров, разводит наивного с его прежней лахудрой, женит на себе и закрепляет счастливый брак рождением сразу двойни наследников... Главная же интрига сериала — наследников она нагуляла от своего деревенского дружка, которого выписала в Москву и устроила личным водилой на «мерседес»... нет, конечно, на «майбах» доверчивого супруга.

Возбужденная сериалом супруга, но не наивного долларового миллионера, а нашего новообращенного Скородумовым доцента, еще в остатках второй бабьей молодости, настойчиво потребовала вечерней ласки от протрезвевшего мужа. Что тот и исполнил, после чего упал в глубокий сон, спасительный от крамольных наставлений знаменитого университетского профессора.

Кстати говоря, прощаясь с доцентом на выходе из «Наливайки», Игорь Васильевич порекомендовал тому как-нибудь зайти к нему на службу: презентует свежий номер «Феноменов разума» и пару своих книг об оцифровывании человечества. «Для закрепления темы нашей с тобой сегодняшней беседы», — пояснил он, дружески похлопав младшего по ученым степеням и званиям по плечу.

Понятно, что наутро, полностью освеженный глубоким и покойным сном и повторной лаской разохотившейся от сериалов супруги, наш доцент выбрасывает всю эту Скородумову дурь из головы; пусть себе оцифровываются, а кто и борется с этим делом... я человек маленький, а вот вышибут из универа за мысли, идущие супротив указаний партии и правительства о полном переходе «от слов к цифре», — что делать? Препод, тем более профессиональный, очень уязвим, только лекции по конспектам и учебникам глаголить может, другому ничему не обучен...

Конечно, к Игорю Васильевичу он так и не зашел, а при случайных встречах в студгородке сдержанно здороваётся, инстинктивно воровато оглядываясь: не узреет ли кто из университетского начальства его ручканья со скандально известным профессором? Да и не до того теперь стало доценту Воробьянчикову: одуревшая от смазливых сериалов супруга его в последнем приступе второй молодости, а главное, наслушавшись уверений телеведущих всех каналов, что «уже нынешнее поколение будет жить в процветающем капитализме с человеческим лицом», внезапно забеременела с твердым намерением расширить состав семьи. Это в сорок-то два года и при дочери-первокурснице!

Воробьянчиков даже намеревался запить (в летний отпуск, конечно), но супруга, почувствовав недоброе, надёжно запрятала его зарплатную карточку, а самого суверена зарядила на лето в подгородную деревню — есть тещины блины и возделывать сад-огород. «Колечка, ведь нам этим годом много витаминных ягод и фруктов потребуется! И я, хи-хи, мой хороший, по выходным буду к вам с мамой приезжать. Изверг начальник весь офис без летнего отпуска оставил... контракт, контракт — все орет!»

«Мд-а-а, не в коня корм», — мысленно отмечал Скородумов, завидев на территории студгородка фигуру доцента Воробьянчикова, явно стремящегося разминуться с несостоявшимся наставником практической жизни.

◆ Игорь Васильевич вовсе не являлся таким замшелым ретроградом «от совка», что, говоря словами русского классика, черпает суждения «из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма»... при последних двух словах профессора Скородумова, отбивающего очередную нападку-приставалку коллеги невеликого ума, тот опасливо вжимал рано лысеющую головку в плечи и с испугом оглядывался по

сторонам: всего и вся боящемуся вузовскому преподавателю слышится табуированный для него политический подтекст на современную жизнь... Напротив, Игорь Васильевич смотрел из нынешних серых будней далеко вперед — в еще более мрачное будущее окончательно глобализованного и роботизированного человека. Настолько далеко, что встречал понимание лишь у немногих в нынешнее время самодостаточно мыслящих людей, то есть мыслящих не «по телевизору», но вопреки ему.

Кстати, даже оглуляющее сейчас тестовое образование он умело переворачивал наизнанку. Так и в классификации по типу: умный/кретинизированный адепт глобализации. Здесь он использовал не три упомянутых выше анекдота, но подводил ненавязчиво тестируемого им, пока еще малознакомого, собеседника к следующим двум моментам. Так невзначай вроде бы замечал, что-де в этом году иностранный набор студентов наполовину из негров африканских состоит: Камерун, Танзания, Кения... Если собеседник просто с этим доводом соглашался, Скородумов одобрительно ставил ему мысленный «плюс». Но таковой встречался редко. Обычно же испытуемый, опять-таки испуганно повертев головой, упрекал профессора в нетолерантности: дескать, сейчас некоммью произносить слово «негр». Огорчившийся («минус» уже обеспечен!) Игорь Васильевич пояснял, что это там у них в сверхлиберальных западных странах внедренная глобалистами *толерастия* не позволяет негра поименовать таковым, а использовать некий эвфемизм. В русском же языке такое название людей с темной кожей историческое и не относящееся к числу обидных. И коварно задавал тестовый вопрос: «А как, уважаемый, прикажите называть этих сынов джунглей и вольных саванн, что прямо из Африки прибыли в наш Тулуповский университет к знаниям приобщаться?» — «Как?»

Афроамериканцами», — следовал ответ, после чего профессор Скородумов молча прощался и уходил восвояси.

...Но если испытуемый алогичной чуши не молчал, а соглашался с правотой Игоря Васильевича, либо вовсе восхищал того термином «афрорусский» — «А в Кишиневе будет афромолдавским», — добро подхватывал Скородумов, — то профессор подводил собеседника по второму тесту. Дескать, вот на нашем вычислительном факультете студюзусы уже курсовые пишут по этим... как их, нарочито придуривался Игорь Васильевич... словом, по принтерам, что и руку-ногу человеческую могут слепить из подсобного материала. Услышав же, что называется это «3D-принтером», Скородумов суровел лицом, что заставляло испытуемого, не чувствовавшего за собою никакой вины, слабо оправдываться: «Все так говорят, даже...» Здесь собеседник, все так же оглянувшись вправо-влево и понизив голос, называл фамилию очень ответственного руководителя, горячего сторонника цифровой техники...

Но поскольку собеседник прошел на «плюс» первое тестовое испытание, что заставляло инструктора надеяться, мол, не все уж так запущено, то Игорь Васильевич пояснял: «Три дэ» — это американизм от английского *three dimensional*, что имеет адекватный русский перевод: объемный, трехмерный, каковой русскому же человеку и следует использовать в грамотной, не засоренной излишней иностранщиной речи».

И еще добавлял, что уже несколько лет как еще более высокопоставленный руководитель подписал закон о чистоте и грамотности русского языка, а законы надо ведь исполнять?

♦ «Против лома нет приема», — ворчал наш профессор, иногда разнообразя свое неудовольствие схожими присказками навроде «навалился класс-

гегемон» или перевернутой им «не пошагаешь один в ногу, когда все идут не в ногу», — это когда все же приходилось, скрепя зубами, обращаться к помощи дьявола-интернета. А куда денешься, если он является главным редактором научного журнала и ведет обширную переписку по всему свету с коллегами по изобретенной им научной дисциплине «Феноменология разума»? Он и рад бы писать свои письма на бумаге, непременно «от руки» любимым своим «паркером», еще десять лет тому назад подаренным лучшим своим аспирантом, успешно защитившимся... но коллеги и авторы журнала не поймут. Они-то все давно уже уподобились тем славным библейским гадаринским полезным сельскохозяйственным животным, что вслед за взбесившимся вожаком стада бросились с обрыва в пропасть...

Да и «бумажная» почта беспрестанно взвинчивает цены, а работа ее доведена, как и все в современном зазеркальном мире, до полного идиотизма: все движение, точнее передвижение отправлений можно видеть на экране компьютера: вчера твоя бандероль миновала узловую железнодорожную станцию Громобоево в глухой сибирской тайге, сегодня почтовопассажирский поезд мчит ее мимо деревеньки Захолустино... но толку? Мчит-то-мчит, но затем наглухо где-то оседает. В итоге от их Тулуповска до столицы, которые разделяет две сотни верст, обычное письмо может «идти» целый месяц, а то и вовсе исчезнуть.

Конечно, Скородумов свято соблюдал свое правило: ближе чем за три метра к компу не подходить. А всю переписку вел через ответственного секретаря своего журнала, не являющегося сотрудником университета, понятно, общественника как и он сам, но преданного делу науки. Поскольку общественник жил на другом конце города, вольно и просторно раскинувшегося на холмах Среднерусской возвышенности, то общались научные коллеги по телефону.

Игорь Васильевич прослушивал зачитываемые секретарем с экрана монитора текущие письма и тут же диктовал ответы. Дешево и сердито. И вроде не нарушает своих клятвенных обязательств не прикасаться к «компам». Словом, как та птичка-величка, что спасается от опасности пряча голову под крыло...

Как человек воспитанный и добросердечный, профессор Скородумов чем дальше, тем больше испытывал стеснение, обременяя ответственного секретаря обязанностью являться приставкой к телефону и компьютеру. Поэтому когда по этой весне, в конце учебного года на дружественной кафедре старший лаборант проводил списание устаревшей оргтехники, благо заведующий кафедрой добился-таки выделения ему нескольких новых ноутбуков и причандалов к ним, то Игорь Васильевич, погрузив о порушенных своих принципах, за бутылек модного сейчас виски легко уговорил матерого лаборанта, военного отставника в малых чинах, провести списание громоздкого компьютера еще с электронной лучевой трубкой и выработавшего ресурс, но вполне исправного принтера в свою пользу. Взамен лаборант сдал в утилизацию по ведомости кучу ненужного хлама из своей каптерки, что за ним не числился. Он же за дополнительные поллитра «очищенной» на своей машине отвез технику б/у домой к Скородумову. ...Игорь Васильевич, понятно дело, вовсе не желал дать повод злоязычно возликовать («и тебя, брат Васильич, укатали круты горки!») своим коллегам из числа завистников и недругов, оставив эту компьютерную дрянь в рабочем кабинете.

...Вытребованный в ближайший выходной день общественный ответственный секретарь всю эту технику подключил как надо; двумя днями ранее, профессор, сгорая от стыда, вызвал интернетовского монтера, что провел кабель от распределителя на лест-

ничной площадке в квартиру. За бутылочкой вполне приличного дагестанского коньяка и закуской, сгоняшенной супругой, Игорь Васильевич взял у секретаря урок пользования цацками: как открывать почту с адресом, уже давно зарегистрированным в университете на редакцию журнала, и набирать-отправлять письма, а также распечатывать нужное на принтере.

◆ Разоходившийся от коньяка секретарь порывался было скоренько научить шефа пользоваться и другими благами всемирной паутины, но Игорь Васильевич наотрез отказался. Как всегда, будучи потомком злоязычных калужских мужиков, отказ сформулировал в виде им же сочиненного язвительного анекдота:

— С меня вполне хватит и университетского дурдома, чтобы еще и в паутину дебильную влезать. Вот тебе, Борисыч, анекдотец по теме. Живет себе мужичок на хуторе сам-двое с бабой своей и дворовой собачкой Жучкой. Телевизор давно сломался, слушает только последние известия по старинному ламповому приемнику. Как-то ввечеру услышал по нему, что великий и могучий русский язык отныне еще могутнее станет из-за полезного впитывания им обилия американских слов, относящихся ко всем сферам жизни: от компьютеризации широких масс населения и до домашней бытовухи: едова, безалкогольного киряния и так далее, включая диковинные виды супружеской половой жизни... А поскольку Егор слушал радионовости за ужином с совсем уж алкогольной самогоновкой-первачом, то за ночь все из памяти и выпало. Вышел утром на крыльцо: раннее солнышко, благодатная райская тишина — живи и радуйся не хочу! И Жучка в полном предвкушении утренней похлебки из натурального мяса от браконьерски подстреленного хозяином кабана мчит к крыльцу, радостно и преданно вертя хвостом. Но вот

Старый и заслуженный профессор философии Валентин Георгиевич Плеханский поздним вечером в расстройстве сидел в своем домашнем кабинете и ностальгически перебирал награды былых лет: знак лауреата Госпремии СССР за учебник марксистско-ленинской философии, орден Трудового Красного Знамени... Много чего еще и все за философию единственно верного учения. Вот и доучил, теперь самого, как мальчишку, на курсах перепрофилируют на новую философию, созвучную нашему динамическому времени. Но, если отбросить ненужный гонор, все же на этих курсах проводить время приятнее, чем сотрясать воздух в аудитории, где студенты с интеллектом пэтэушников даже для приличия не делают попыток что-либо понять. А приходишь на курсы в столь знакомый и родной бывший Дом политпросвещения — ба-а! Знакомые все лица, все профессора бывших общественно-политических кафедр, прежние же секретари предприятий и райкомов. Лекторы только из молодых выдвиженцев, сами только окончили установочные курсы где-то за бугром. Вот и учат они его, лауреата и орденосца, сами путая учения схоластиков и стоиков, а Платона с Плотинным. Хо-хо-хо, раззевался старый профессор, истинно сказано древними: упаси, господи, жить во времена великих перемен! Зато теперь он хорошо стал понимать сетования своего покойного отца, тоже приват-доцента философии, как и с какими внутренними мучениями тот переучивался после революции на марксизм-ленинизм...

незадача? — Вместо обычного троекратного «гаф-гаф-гаф!» слышит Егор: «увау-увау-увау», а потом и вовсе вой: «вау-у-у...» И здесь вспомнил вчерашние вечерние новости и успокоился; дескать, теперь и собакам велено гавкать по-американски!

Выслушал мудроватый секретарь байку шефа, правильно поняв зашифрованный в ней смысл:

— Это понятно, Игорь Васильевич, что не хочешь ты становиться придатком роботизированным интернета с его «компьютерным» мышлением и американской сплошь терминологией. Но ведь и не становясь этим придатком, можно оперативно извлекать из сети нужную информацию...

— Баста, Борисыч! Чего это ты разблагодужествовался после почти неподдельного дагестанского? Сам ведь прекрасно знаешь: в интернете не информация, а затемняющий логику мышления и память информационный шум. Потом, как знаешь, я в трех советских вузах обучался, два из них окончил. Памятью не обижен, поэтому все что услышал-увидел с пятилетнего возраста — помню. А что из ранее незнаемого понадобится, так у меня дома и в рабочем кабинете на факультете полдесятка тысяч томов по всем отраслям знания. Самое существенное, что по развиваемой нами с тобой науке о феноменологии разума в интернете — только наши мысли и выкладки, чтобы другие читали. А насчет оперативности... торопливым кирпич на голову падает! Вот эта скорость интернета и разучила нынешние поколения не то что мыслить, но даже знать таблицу умножения...

— Но все же информация...

— Да что ты, Борисыч, с легкого хмеля заладил: информация, информация... Мне на прошлой неделе понадобилась биографическая, очень короткая, справ-

ка о Сальваторе Дали — для статьи, что пишу к следующему номеру «Феноменов», — как об основоположнике сюрреализме, то есть трансформированного художественного отображения реальности и так далее — будешь вычитывать, познакомишься. Спихватился — а у меня по нему ничего нет. Пришлось, скорбя душой о нарушении принципов, попросить нашу кафедральную секретаршу-лаборантку, почтенную Наталью Тимофеевну, благо она с педобразованием и до пенсии учительницей литературы в школе трудилась, найти и выпечатать мне из какой-нибудь современной электронной энциклопедии статью-персоналию о Дали. Что она и сделала. Начал читать — и волосы дыбом! О художественной манере с десяток сухих строчек, а далее все о его взаимоотношениях со своей условной супругой Галá, то есть русской Еленой Дьяковой, прежней женой поэта Поля Элюара. Основной упор — на ее почти сумасшествие и половое извращенчество: секс втроем с Дали и все тем же Элюаром. А сам Сальватор-сюрреалист суть тоже извращенец и половой трус... Каково? — Вот тебе и классика интернетовского информационного шума!

Мне сразу по сложной ассоциации память выдала, в смысле из подсознания в «оперативку», говоря нынешней компьютерной мовой, передала драгоценный фильм грузинского режиссера, где-то в начале второй половины восьмидесятых годов — самый разгар «алкогольной» горбачевщины! — вышедший на экран... это где о *гравицане*. Помнишь?

— А как же! Даже коллективные просмотры устраивали... особенно после посещения пивной.

— Вот-вот, лучше после пивной; такую кин-дзядзу на радость народу, измаявшемуся стоять в трехчасовых очередях за «талонной» водкой, советский кинематограф выдал. Так это моя память ассоциативная тотчас два словесных шедевра из фильма вы-

дала: «Нам на Землю надо — через полчаса гастрономы закрываются», — и полный шедевр: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, у него нет цели!» Кстати говоря, из всего обилия художественной антисоветчины наиболее восхитительны этот фильм и «Чевенгур» Андрея Платонова. Куда там до них примитивному злопахателю Солженицыну! Ну, это я к слову.

— Ассоциация твоя, Игорь Васильевич, архипомятна. Ты у нас, дорогой, прямо-таки толстовец по делам и убеждениям!

— А что здесь такого зазорного? Я лично более всего в нашем великом земляке уважаю его призыв и личный пример самоусовершенствования, как единственно возможную мотивацию нравственного, морального сохранения человеческого человека, извиняюсь за тавтологию. Так и здесь: нас сейчас пока считанные единицы, осознающих всю пагубность всеобщей компьютеризации — интернетовщины, но придет время, когда человечество осознает, что история дает ему единственный шанс от расчеловечивания (это уже не тавтология, но антитеза, Борисыч!): отринуть себя от пагубной «паутины». Как это технически, так сказать, сделать при всеобщности вышесказанной? — Не знаю, но на то есть хитроумные японцы и китайцы, сумрачный германский гений, говоря словами нашего великого классика, и острый галльский ум...

— Думаешь, Васильич?.. Придет время, наши *недолайкины* лайкать с утра до ночи перестанут, да?

— Вот именно. Долайкаются ведь?! Кстати, разливай по последней, а я тебе еще один почти анекдот из жизненных наблюдений расскажу. С сексуальной окраской — как всех выпивших мужиков на половую сальность тянет... Природа! Куда от нее, матери нашей биологической, денешься?

(Выпили-закусили, а тут супруга вынесла с кухни запоздалое горячее — запеченную в духовке с антоновкой — год нынче выдался урожайным яблочным — курицей. Делать нечего, Игорь Васильевич достал из заначки еще бутылек дагестанского... И бежать в сетевой «Красное & Белое» не надо! Хотя там все напитки — дрянь...)

◆ — Слушай же, Борисыч. Я, как сам прекрасно знаешь, телевизор не смотрю, исключая редкие советские фильмы, что иногда по утрам показывают, когда дома только пенсионеры; молодые же поколения потом трудовым, обычно спекулятивным и воровским, в это время хилую деньгу на содержание семьи зашибают. Но вечером моя Антоновна, умаявшись от хлопот домашних, любит сериалы посмотреть... умеренно глупые и сентиментальные. Я обычно пишу или читаю, поэтому все воспринимаю как словесный фон. Поневоле и реклама порой в уши лезет, раздражает. Инстинктивно и на вновь появившуюся — на то она и профессия у рекламщиков! — реагируешь. Возникают ассоциации с реальной жизнью. Например, засел против воли в башке сюжет такого ролика: утро в квартире с еврообстановкой. На кружевной постели, почти что трехместной, как у Галá-Дали-Элюара, например, протирает после сна глазки почти голая красотка в ночном наряде а ля проститюшен. И размышляет озвученно: сейчас кофе выпью и посмотрю лайки от друзей. Что такое «лайк», хотя ты мне не раз пробовал объяснить, из отвращения к компьютерным американизмам я не знаю. Все ищу ассоциаций — и вот оно после этой рекламной штучки-дрючки тотчас и явилось! Ты, Борисыч, в качестве примера этого лайка обычно приводишь графический значок — стилизованное сердечко. Какой-то там смысл у него, дескать, есть. А какой? — Не запоминается, а тут ассоциация эта все и разъяснила.

В девяностые — начале двухтысячных годах приходилось в столицу наведываться на конференции и прочие веселые мероприятия, придуманные для общения старых друзей. Нередко выпадала оказия на служебной машине своего декана задарма прокатиться. До Москвы по раннеутренней незабитой дороге быстро водитель Жора домчит, а вот на въезде по Варшавке мука мученическая: и летнее солнце уже подпекает, а впереди утомительная километровая пробка, продвигающаяся со скоростью один метр в минуту — я сам засекал. Одно развлечение для «гостей столицы»: между замершими машинами из числа въезжающих снуют ловкие ребята в адидасовской униформе, матерчатые картузы с утиными козырьками на головах, что ловко достают из-за заплечных сумок глянцевые журнальчики с предложением услуг проституток и (бесплатно) мечут их вовнутрь машин — стекла боковые по причине жары и духоты опущены. А на страницах журнальчика пестрят обнаженные тела «в позах» жриц физиологической любви на разный возраст, цвет и спектр указываемых сексуслуг, включая предельно извращенные... Поскольку же журнал зарегистрирован Роскомпечатью, то по его законам сугубо срамные места платных красоток фотомонтажно прикрыты теми самыми стилизованными сердечками, о которых ты, Борисыч, мне толкуешь. Вот по такой ассоциации я и понял: что такое лайк! Ха-ха-ха! Не в бровь, но в глаз... То есть этим самым лайком нынешние пользователи интернета прикрывают, как в античном мире фиговыми листками, свои срамные места, то есть башку свою пустую, в которой здравых мыслей уже и не осталось вовсе. А недолайкин, что есть у же

устоявшееся поименование нынешних молодых поколений, просто будет означать: не достигший половой зрелости! Ха-ха-ха!

— Хорошая аллегория, Васильич, ничего супротив и не возразишь. Ты, я смотрю, вторую дагестанского откупориваешь?

— Не в сухую же эту пышущую жаром курицу с яблоками скучно жевать? Небось, Борисыч, сдюжим!

...Как водится на Руси, ранее святой, затем советской, а теперь олигархо-либеральной, при появлении на столе свежей бутылки мужики нарочито серьезнеют, от анекдотов и игривых разговоров о бабах на некоторое время переходят к философическим рассуждениям.

— Так-то оно так, Васильич, но в пространстве интернетовском и отменные спецы практикуются, те же программисты, хакеры, создатели компьютерных вирусов: люди высокой научно-прикладной квалификации. Надеюсь, отрицать очевидного не станешь?

— Стану, Борисыч, и разобью твое убеждение в пух и прах!

— ?

— Да-да, в прах. Из названных тобою спецами исключительно являются только «вирусники». Но имею глубокое убеждение, что вирусы и антивирусы, то есть программы заражения и борьбы с таковыми, делаются одними и теми же людьми, вернее, лабораториями и целыми исследовательскими организациями, цель какового действия — извлечение денег из воздуха. Это я называю *принципом стекольщика*, что еще сто с лишком лет назад О. Генри в «Огнях большого города» блестяще описал как чисто американское бизнес-изобретение...

— Как же, помню: бежит по улице мальчишка и крушит булыжниками из мостовой окна, а следом

его хозяин-стекольщик шествует: «Кому окно вставить! Вставляю окна...» Но все же остаются программисты, хакеры?

— Ты, Борисыч, незаслуженно высокого мнения о программистах. Это отголосок давних шестидесятых годов, когда вычислительные машины только появились, а слово *программист*, наряду с *физиком*, *космонавтом*, вызывало восхищение и восторг экзальтированных дам и школьников. Я же не зря пять лет по совместительству преподавал на вычислительном факультете, то есть говорю со знанием дела: программирование есть скучнейшая и монотонная работа, где можно и вовсе без головы включенной обойтись. Особенно в части современных программ высокого уровня, состоящих из миллионов условных строк. Программист только переводит на машинный язык уже разработанный умным постановщиком задач алгоритм. Чувствуешь разницу? Так-то. Именно поэтому на Западе наши любители подзаработать, мол, славны бубны за горами! — исключительно программистами трудятся. Тамошние высоколобые этой нудятиной брезгают напрочь...

А хакеры... знаешь, Борисыч, в нынешних сериалах для домохозяек расхожий типаж, именуемый «компьютерным гением», — очкастый пацанчик пионерского возраста. Он же и хакер. Недалеки от истины создатели этих сериалов. Давай порассуждаем здраво. Если ребенку и взрослому человеку поручить одинаковую, некоторую условную работу выполнить, то каков их алгоритм ее исполнения? Ладно, Борисыч, разовую мысль. Взрослый, руководствуясь главным принципом поведения человека — врожденной ленью (все изобретения — от лени!), начнет обдумывать: как, не слезая с печи и не пачкая рук, выполнить заданный урок. И что-нибудь обязательно придумает и сдаст порученное в срок. А ребенок? Наблюдал, конечно, сам, как дитя еще малоразумное,

а разум только годам к двадцати-двадцати пяти пробуждается в осознанном виде, может часами монотонно перебирать всякие камешки, стучать подвернувшейся палочкой — хорошо не дубиной! — по столу, стулу, головке тож неразумного братика или сестренки... Он ищет и пока еще не может найти алгоритм решения задачи.

Нынешний человек, причем уже взрослый, перестроившись на сугубо компьютерное мышление, подобен такому мальцу. В чем алгоритм компьютерного вычисления? — Правильно, в монотонном переборе всех возможных сочетаний и так далее. Тож и «компьютерный гений», он же и хакер, бессмысленно перебирают цифири... хотя бы их и миллионы в одну кучу свалены. Самое существенное — защиту от хакерских взломов придумывают такие же компьютерные недолайкины. — Не по возрасту, конечно, но по уму... вернее, отсутствию такового. Своя своего понимай, переиначим присказку, поэтому хакер-недолайкин сравнительно легко взламывает защиту, выдуманную таким же компьютерным недолайкиным. Вот и ответ: почему серьезный человек, с развитым творческим, не цифровым, мышлением не годится на роль хакера...

...Долго, до темноты и сухого доньшка второй бутылки дагестанского горячились, беседовали наши теоретики. А черт, дьявол злокозненный, слушал их из угла и про себя усмехался над наивными людьми еще доинтернетовской формации. И бог располагает пока человек полагает!

♦ За пару-тройку вечеров Игорь Васильевич настолько наловчился вести интернетовский почтовый обмен с коллегами и авторами своего журнала, что даже испугался: чур меня! А не втянусь ли я ненароком в эту паутину, не стану ли в одночасье профессором-недолайкиным? И личный кот Скородумова по привычке к новому занятию хозяина, запрыгивал

на рабочий его стол и немигающими глазами все наблюдал за движением рук по клавиатуре.

Но очень скоро появившееся было некоторое благодушие профессора к идеологическому врагу-интернету стало угасать. Надо сказать, что когда он вел переписку через журнального секретаря, то подписывался либо просто «главный редактор», а чаще и вовсе — «редакция журнала». Теперь же пришлось указывать свою фамилию. Вот это и сыграло свою роль в дальнейшем общении профессора с всемирной паутиной, завершившимся актом французского синдрома... и полным обращением его в толстовцы.

Поскольку и исключительно для поднятия престижа своего журнала, твердо держа в памяти высказывания классиков марксизма-ленинизма «бить врага его же оружием» и «для достижения наших целей использовать все ресурсы классового врага», Игорь Васильевич во всю пользовался информационными возможностями интернета, не забывая порой приговаривать, что-де против лома нет приема. А проще говоря, все номера своего журнала, все свои издаваемые книги дублировал в электронном виде на наиболее солидных отечественных и зарубежных сайтах. Соответственно и его творческие биографии где только можно пестрели в всемирной паутине...

Теперь же всякий пользователь интернета мог запросто сопоставить его электронный адрес с *Ф.И.О.* столь известного в мировой науке ученого. Игорь Васильевич уже на первой неделе интернет-переписки понял: какого он дал маху, начав подписывать письма своим именем; знал бы заранее — так и продолжал использовать инкогнито «редакция»... Что ж, все мы, даже заслуженные профессора, крепки задним умом! И так, как щеголяют латинизмами ученые люди к месту и не совсем,

*a fortiori** ... но здесь не меньшего маху дал и инструкторовавший Скородумова секретарь Борисыч — во всем почти неподдельный дагестанский виноват! Сам многоопытный интернетчик, ранее зачитывая шефу по телефону новую почту, он, как само собою разумеющееся, опускал всякие благоглупости — от назойливой рекламы до откровенного мошенничества, что пышным веером прикреплялись к сугубо деловой почте.

Но — к делу скорбному. Поначалу его даже веселил «научно-коммерческий» спам. В каждый просмотр почты, что Игорь Васильевич производил через два дня на третий, на экране появлялись объявления — приглашения публиковаться в научных журналах, издаваемых на русском(?) языке в Польше, Чехии, Венгрии, но особенно почему-то в скандинавских странах: Норвегии, Дании, Швеции и даже в суровой стране викингов Исландии. Знающий профессор с вычислительного факультета объяснил при случайной встрече в «Наливайке» такую любовь столичных коммерсантов от науки к исторической родине варяжских (в основном из Одессы в Москву переехавших) гостей: «Там, Васильич, проще и дешевле всего зарегистрировать периодическое издание. Чистое разводилово для полных недоумков, но, наверное, кто-то и клюет: оплатят через интернет пять-семь тысяч за свою статью, получают по «бумажной» уже почте тоненькую тетрабочку «датского журнала», отпечатанного в Подмоскovie на ротапринте и — радуются себе! Все одно такие «публикации» в научном реестре в зачет нигде не идут».

Где-то через пару недель освоения Скородумовым врага-компьютера стали приходиться от непонятого адресата, понятно, с обращением по имени-от-

* Исходя из более весомого, тем более (лат.)

честву, письма с навязчивым предложением: «...Поздравляем Вас, уважаемый Игорь Васильевич! Мы приняли решение поощрить Вас, как выдающегося ученого и в связи с юбилеем великого <далее строго по «Календарю памятных дат» на текущий год следовали имена Лапласа, Эйлера, академика Остроградского и т.п.>, премировать 2000 рублями. Для перечисления просьба сообщить номер Вашей банковской карты. Остаемся Вашими...» Профессор Скородумов рассмеялся такому примитивному разводилу, но на всякий случай созвонился с Борисычем-секретарем. Тот заизвинялся, что ранее забыл предупредить: «...Игорь Васильевич! Ни в коем случае дальше не раскрывай таких писем, где в заголовке темы значится эта «сакральная» сумма именно в 2000 рублей! К ним часто прикрепляют такой мощный вирус, что разоришься на чистке. А для чего это делается? — Даже знакомые хакеры не могли мне объяснить...»

Дальше — больше. Как потом сообразил профессор, круг интересующихся степенью его слабурия при предполагаемом — с таким обилием степеней-званий в интернетовских биографиях! — финансовом изобилии продолжает расширяться от одного просмотра почты до другого. Много он чего нового из ареала интернет-мошенничества узнал за неполный месяц, в частности, что является он прямым и единственным наследником в бозе почившего в штате Аризона миллионера, точнее с капиталом в 6500000\$, по имени Алан Скородумов. Об этом счастливого наследника известил на специально ломаном русском языке адвокат и душеприказчик покойного Джордж Смит, эсквайр...

Заставило его в начале расслабляющего жаркого августа, когда все люди, даже очень умные профессора, теряют бдительность, поначалу взволноваться письмо на бланке Федеральной службы судебных

приставов, где значилось, что он должен был еще две недели тому назад закрыть долг по судебному постановлению номер такой-то от числа тоже такогото... При неуплате оно «ваши счета будут заблокированы до полного погашения долга». Хлопнув для ясности расслабленного жарой сознания пару стопок водки из початой бутылки, что истекала слезой в холодильнике, Игорь Васильевич еще раз со вниманием прочитал тяжёбую бумагу и рассмеялся: сочинитель ее вовсе не знал его отчества и отсылался явно не по-судейски: «Здравствуйте, Игорь Скородумов». Явно не по-служебному звучала и концовка письма: «С наилучшими пожеланиями, ФССП России». Опять же исходный адрес судебного пристава-исполнителя не содержал принятого в этом славном ведомстве наименования домена *fssprus*, а звучал по-импортному; как перевел Игорь Васильевич на русскую транскрипцию: *броуэнхилл*. ...Уже в сентябре, после всех случившихся событий, профессор Скородумов не поленился сходить на вычислительный факультет, где друзья порекомендовали ему лучшего студента-хакера. Тот почтительно-снисходительно выслушал знаменитого профессора, несколько минут потанцевал пальцами по клавиатуре и выдал результат: адрес с упоминанием *броуэнхилла* зарегистрирован на Каймановых островах...

◆ Ближе к середине августа разводиловы становились все более наглыми, раздражающими Игоря Васильевича. Явно атакующие перешли к игре ва-банк. В один препакостный для интернет-неофита день Скородумов раскрыл почту и удивился обилию имен авторов его журнала и друзей-знакомых со всей страны и мира. Все эти письма содержали до удивления однообразный текст: адресанты вежливо-сочувственно, но и несколько настороженно сообщали, что они не прочь перевести запрошенную «дорогим Игорем Васильевичем» сумму для поддержания

издания «Феноменов разума» на указанную им банковскую карточку, но только просят (уж не обижайтесь, мой дорогой!) подробнее объяснить: что же такое случилось с редактируемым вами журналом?

...Ответственный секретарь Борисыч был убежденным сторонником здорового образа жизни — редкие посиделки с шефом за дагестанским не в счет... — прослушав в десять вечера животрепещущие новости о пенсионной реформе, слава богу, он успел недавно себе ее оформить, строго по распорядку дня ложился спать. Поэтому был озадачен неуставным звонком шефа в половине одиннадцатого. «Игорь Васильевич! Ты, к сожалению, попался в лапы хакера, который взломал твой адресный ящик и теперь собирается обобрать твоих друзей и авторов журнала, понимаешь? Срочно разошли им всем отбойные письма с пояснением!» ...Что Игорь Васильевич, по-серьезному матерясь, что пугало доброго его кота, и делал до полуночи. В объясняющих письмах с глубочайшими извинениями, что всегда характеризует человека безвинного, он добавлял, что отныне просит все присылаемое ему, как и ранее, адресовать на редакцию журнала, не упоминая его Ф.И.О. После чего *насовсем* отключил от сети рассадник дебилизма и мошенничества, отложив расправу с ним на раннее утро и прошел на кухню. Достал из холодильника дежурную початую бутылку, а ввиду разыгравшегося нервного ночного аппетита на закуску затеял жарку глазуньи с салом. Коту, чтобы не завидовал хозяину, налил блюдечко молока, а в едальную плошку положил его любимой пшенной каши, сваренной с мелко порезанной печенкой, щедро перемешав с психотропным китекетом...

Борисыча же пощадил, не стал будить среди ночи, отложив телефонный звонок о возвращении к прежнему *status quo* на наступающий — на часах начало второго ночи — день. «Будет день, будет

пища», — пробормотал в унисон своим мыслям профессор-толстовец, совершенно забыв, что это присказка раздражает кота, который по своей биологической природе унаследовал от давних предков отряда кошачьих манеру есть ночью... Впрочем, и днем не отказывался — из уважения к хозяевам.

◆ Игорь Васильевич явно недооценил все коварство утренней тишины. Не только врач-психиатр в отставке Евгений Семенович Дорошенко наблюдал казнь «компа» и слышал рассуждения профессора о пагубности оцифровывания человечества. Сосед Перфильев — с пятого этажа, по диагонали влево его балкон от скородумовского — годами дряхл, но зрением и слухом хоть в космонавты записывайся! И все это наследственное: уже в третьем поколении, считая от забастовки иваново-вознесенских ткачей, где юным штрейкбрехером и доносчиком был его дед, все Перфильевы, как любители грамотности, испытывали неистребимую тягу к сочинению подметных писем. Впрочем, эта старинная русская забава... со времен новгородских берестяных грамот.

Уже заматеревший Перфильев-дед в годы *НЭПа* своими доносами отправил в уездный *ДОПР*, *КПЗ* по-нынешнему, в полном составе два товарищества на взаимном доверии. Его старшой Егор в ежовщину целиковое руководство райкома под пятьдесят восьмую подвел — «десять лет без права переписки», но вскоре и сам загремел (не плюй в колодец...), едва успев увидеть новорожденного сына — нынешнего соседа Игоря Васильевича. Зато Перфильев-сосед вволю грамотностью своей натешился. Заодно оформил бумаги на отца и деда как жертв сталинизма (Перфильев-дед тоже плохо кончил...)

Но последнюю четверть века сосед Скородумова отчаянно скучал: доносы нигде не принимали, не до них было. Даже квартальный участковый ими брезговал. Только в самом начале новой власти, когда в

столице из танков постреливали, а по радио и телевидению прямо призывали «неравнодушных граждан с демубеждениями» сообщать куда и о чем следует, воспрявший духом внучок день и ночь строчил. Правда, без каких-либо последствий для всего круга его общения...

Сейчас же, на девятом десятке лет своей интересной жизни, Перфильев-внук решил потряхнуть стариной, с интересом пронаблюдав утреннюю сцену и беседу двух неодобряемых им соседей: очень много мнящего о себе профессора из второго подъезда и врача-психиатра из первого, у которого он когда-то амбулаторно лечился.

Позавтракав манной кашкой, сваренной незамужней дочерью, жившей в отцовской квартире, Рем* Егорович разложил на столе своей комнаты писчебумажные принадлежности. Черновик он писал, как положено, правой рукой, а набело, трудясь до седьмого пота, до самого вечера, выводил буквами, очень смахивающими на церковно-славянский полуустав, что характерно для правшей, пишущих конспирологически левой рукой. Как и положено по сложившейся традиции, излагал он на сдвоенном листе, вырванном из старинной школьной тетрадки «в клеточку», начав с сегодняшнего события: «Партия и правительство всемерно призывают к развитию цифровой экономики и к всеобщему использованию новейших достижений современной науки и технологий, в особенности — интернета, с использованием которого *наш* человек может активно участвовать в жизни страны, даже не выходя из дома»... Далее все таким

* Во второй половине тридцатых годов, когда крепили дружбу с Германией, детям зачастую давали имена немецких революционеров, причем противоположных убеждений: от Тельмана до Рема — руководителя штурмовиков. Поскольку Гитлер его расстрелял, то у нас он считался героем...

же высоким, верноподданническим слогом Рем Егорович клеймил «якобы профессора» Скородумова Игоря Васильевича, указав его адрес проживания и место работы, который сего дня в 6:28 по московскому времени демонстративно выбросил со своего балкона компьютер и, обращаясь к отставному врачу-психиатру Дорошенко Евгению Семеновичу и дворнику-гастарбайтеру Селиму (фамилия неизвестна), а также к жителям их квартала, выгуливающих домашних собак (в нарушение правил — без намордников!), призывал последовать его примеру со ссылкой на некий французский синдром, но ведь натовцы истинному российскому патриоту не указ! ...И так далее на всех четырех школьных страницах в клеточку, вырванных из пожелтевшей от долгого неиспользования доносной тетрадки (а в тумбочке еще давний запас тетрадок), Рем Егорович обосновывал идеологическую подоплеку дикого поступка профессора Скородумова. Кстати, не носящего галстук, курящего, иногда выпивающего, а главное — не уважающего футбол, «нашу национальную спортивную гордость»...

Завершив творение, Перфильев запечатал его в старинный, еще советского образца порыжелый конверт — опять же из заветной стопки таковых в тумбочке. Написал адрес. Марки на конверте не имелось, но по трехпоколенному опыту Рем Егорович знал: *куда надо* и нефранкированное* письмо дойдет! Другое дело: будут ли его читать?

◆ Весело на Руси жить! Но все до поры и до времени. Когда Молох глобализма поглотит, хотя бы и до последнего сопротивляющуюся, нашу страну, то

* Образованный еще в XIX веке Международный почтовый союз в качестве рабочего языка использует французский; отсюда и забытый ныне термин «франкированный», то есть с наклеенной на конверт маркой — знаком оплаты почтовой услуги.

на смену строгой процентной-биологической и социопсихологической норме чудаков, воров, клинических идиотов, нонконформистов и других «исключений из правил», что так разнообразят серую жизнь нашей северной страны, придет единый зомбированный человек. Веселью в оцифрованном мире места не будет, поэтому, как распевали в шинках средневековые бурши: «*Gaudeamus igitur!*» То есть веселитесь впрок. Пока не поздно.

Доносительство — неиссякаемая, лишь временами утихающая, страсть наших соотечественников. По всей видимости, здесь сказалась и сравнительно поздняя — по историческим меркам — поголовная грамотность в России. Как ребенок впадает в восторг перед очередным освоенным умением, так и массы, научившиеся писать, предаются чудесному делу излагать свои мысли на бумаге. А обыденные мысли чаще всего завистливые в отношении соседа Ивана и сослуживца Никифора. Так родилось письменное сутяжничество: от новгородских берестяных грамот, что уже полвека раскапывает академик Янин, до современных подметных сайтов и чатов Интернета. Демократия поначалу вроде как отвергла идею доносительства, но ненадолго. Вспомните последующие за расстрелом Верховного Совета, а еще раньше — за окончанием ГКЧП дни: депресса, в том числе и государственные СМИ, прямо требовали доносов на участников и сочувствующих.

ВЕТЕР ЗАПАДНЫЙ, ОЦИФРОВАННЫЙ...

В каждой избушке свои игрушки.

Из русского фольклора

Помню, в детстве я видел деревянный храм, построенный в пивной бутылке. Это поразило мое воображение, и тогда я не спрашивал себя зачем? Татлин идет противоположным путем: стеклянную бутылку для всемирного совнаркома он хочет вделать в спиральный железобетонный храм.

Л. Д. Троцкий

«Литература и революция», 1923

◆ Доказав — сами себе — путем сложных арифметических действий, что лучше «новогодние каникулы» сделать длиннее, нежели дать для разминки трудовому и прочему народу целых три дня выходных перед звоном курантов и оливье на закуску, а этом году ответственные за календарь в стране последнюю декабрьскую субботу постановили считать рабочей. Именно поэтому доцент с военного-технического факультета Николай Андреевич шел по свежевывавшему снежку к своему приятелю профессору Игорю Васильевичу Скородумову на биологический факультет как раз в эту субботу — за два дня до окончания года столетия Ленинского комсомола... «А причем здесь, собственно говоря, наш славный шестиорденоносный комсомол?» — тоже сам себе задал вопрос размышлявший на неторопком ходу по приятно похрустывающему снежку, еще не раскатанному до ледяной скользкости на территории университетского студгородка ошалевшей к оконча-

нию семестра учащейся молодежью, доцент кафедры ракетостроения. А тренированная память тотчас выдала и ответ на такую ассоциацию: во вчерашних вечерних местных теленовостях, загодя поздравляя народ с Новым годом, почтенный зампред областной думы, особенно напирал на все возрастающие успехи губернии в капиталистическом строительстве, в частности же по линии новомодной, только что «спущенной сверху», цифровой экономики.

Николай Андреевич, вне всякого сомнения, все эти «песни народностей», как у одесских литературных классиков, пропустил бы мимо ушей, если бы не собственно фигура зампреда. Был тот из обкомовского комсомольского начальства, а сорок лет назад, в чине второго, то есть по идеологии, секретаря вручал молодому еще инженеру Николаю — без обязательного Андреевича — знаки лауреата комсомольской премии за разработку с сотоварищи «изделия». Понятно какого, без расшифровки в лауреатском дипломе, оборонпромического. По окончании процедуры, вальяжный секретарь произнес прочувствованный спич, в котором напирал принятым набором слов на скорое явление коммунизма и всемирную погибель «гносного, изжившего себя частнособственнического капитализма — зловонной плесени на лице нашей прекрасной планеты, все более и более открывающей свои просторы для возделывания нив и пашен освобожденного от гнета и эксплуатации вольного труда!»

...Как тогда сообразил молодой инженер-изобретатель Николай <без обязательного Андреевича>, причиной оригинального синтаксиса и литературного «штиля» спича являлась не утренняя похмельительная стопка коньяка, но природное — от сохи пращуров — косноязычие комсомольского выдвиженца на высокий обкомовский пост... И во вчерашних теленовостях след такого качества речи

присутствовал. Точно также проживший сорок лет в инонациональной среде человек так до конца не может избавиться от акцента: родной аул или кишлак крепко держится за язык. Было по всему видно, что зампред только усилием воли удерживается от произнесения стародавних обкомовских клише навроде совкового «партия и правительство».

Опять же вспомнив об опохмелительной стопке, Николай Андреевич инстинктивно дотронулся левой рукой до борта пальто в том месте, где во внутреннем кармане покоилась плоская коньячная посуда — для гостевого статуса. В предварительном телефонном разговоре пару часов назад Игорь Васильевич на вопрос приятеля, намекнувшего шифровальным словом «тара» на цель прихода, ответил так же шифровально в том смысле, что «бдительность украшает строителя капитализма, но турецкая гора Арарат по-прежнему красуется на гербе свободолюбивой республики Армении». Николай же Андреевич тотчас перевел шифровку на разговорный язык: дескать, дагестанский коньяк в последнее время очень уж стали бодяжить турецким, почти техническим, спиртом, поэтому можешь прихватить бутылек армянского московского рузлива. Он, конечно, тоже не на коньячном спирту, но все же способнее к введению в организм. И у меня тоже найдется чем «догнать». Закуску не покупай — только что свой кабинетный минихолодильник затарил. Что же касается бдительности, то по уже сложившейся традиции профессиональные факультетские доносчицы-вестовщицы из числа незамужних доцентш и лаборанток в предпраздничный день тоже устраивают себе отдых, мечтают в своем кругу подружек о свободных и богатых мужиках с достойной потенцией, стараются, тоже усилием воли, не принохиваться к мужикам-преподам...

Как и положено в шифровальном деле, перевод намного словоохотливее оригинального текста.

Проходя мимо центральной городской библиотеки — уже в видимости корпуса биофака, что через дорогу, — Николай Андреянович по давней привычке притормозил у левого от входной двери «витринного» окна, на внутренней поверхности которого вывешивались плакатики-объявления о текущих мероприятиях библиотеки. Самый красочно оформленный извещал о проведении в рождественские каникулы викторины к девяностолетию первой публикации «Тихого Дона». Сверху иллюстрации: Аксинья с ведром и Гришка с георгиевскими крестами, с чубом из-под фуражки. Ниже же вопросы-тесты викторины с пояснением: кто больше наберет в сумме *правильных цифр*, — тому честь и хвала. Внимательно прочитал тесты и дошел до последнего: «В каком жанре написан роман «Тихий Дон»? Варианты ответов: детектив, эпопея, очерк». Остальные вопросы были подстать, что огорчило даже оптимиста Николая Андреяновича: «Цифры, цифры, цифры... заменить *цыфирью* остатки мышления и той же литературной грамотности... увы, уже полной безграмотности; мд-а-а, детектив «Тихий Дон»! — бормотал доцент, пережидая на обочине мчащийся нескончаемый поток машин, — не зря же друг мой ситный Игорь Васильевич, большой мастер на сочинение всяких едких и вредных словечек — как потомок ядовитых на прозвища калужских крестьян-старообрядцев, по его же признанию, — еще летом выдал новый перл: *цифрофрения* — от «цифра» и «шизофрения»...» Поймав себя на том, что к его озвученным рассуждениям начинают недоуменно (вот, мол, препод, что-то бормочет, а мобилы или шнура с микрофоном у рта не держит?) прислушиваться тож собирающиеся перебежать дорогу студенты, Николай Андреянович стиснул зубы и губы, суровым взглядом окинув недорослей.

Опасливо перейдя дорогу, когда потоки авто в

обе стороны застыли в образовавшейся пробке, доцент с досадой вновь затормозил — уже на другой обочине: переждать приближающийся трамвай. И тотчас очередную ассоциацию выдало его натренированное на такие кунштюки подсознание: живо представилась морозная неделя, нагрянувшая на средне-русские просторы в первой половине декабря. Николай Андреевич засиделся в гостях у профессора Скородумова, благо и тема беседы — об умственной деградации молодых поколений с преимущественно «компьютерным» мышлением, и повод — годовщина сталинской конституции, требовали обстоятельного обсуждения и сопутствующей сервировки стола...

◆ Словом, вышли приятели из корпуса с намерением завершить разговор в недлительной прогулке по бодрящему умеренному морозцу — в направлении своих семейных очагов: почти весь недолгий маршрут по пути.

Однако, человек предполагает, а бог располагает: именно в этот день годовщины достопамятной конституции русский бог-мороз, явно недовольный глобализмом вообще, а инсинуациями-спекуляциями по части глобального потепления в особенности, к вечеру шарахнул градусом как следует — десятым сталинским ударом! От духмяного тепла уютного профессорского кабинета идти в наступившей темноте по ощутимому морозу желание прогулки мигом исчезло, поэтому, не дебатировав, свернули по выходу из корпуса к ближней, в сотне метров, трамвайной остановке, на которой уже топтались согревающе пяток человек: два мужика, столько же студенток и женщина постарше. Пристроившись к ожидающим, приятели обреченно приутожились мерзнуть неопределенное время, поневоле прислушиваясь к диалогу между слегка нетрезвым, потому и мыслящим здраво, мужчиной и женщиной что постарше. Последняя все причитала: дескать, на что нам власти городские

даны, если трамваи раз в час идут. Да старые еще из советских времен, да неотапливаемые. На это мужик резонировал, что власти хотя и ворье первостатейное, но здесь они вовсе не виновны. «Посмотри,— он указал на дорогу вдоль трамвайной линии, сплошняком забитую легковушками,— сам народ, из последних сил прикопивших на машину, совершенно ему ненужную, но чтобы как у соседа Петьки она в наличии имелась, разрушил весь общественный транспорт в стране! Все на авто свои пересели, половину дня в пробках стоят, а для кого же властям трамваи через каждые пять-десять минут пускать? Для нас что ли казне в убыток!» — и грамотно мыслящий оратор ленинским жестом обвел рукой жалкую кучку мерзнувших ожидальцев...

Здесь обе студентки, доселе без конца елозившие мерзнувшими пальчиками по экранам своих смартфонных гаджетов, радостно в голос сообщили: «Вышел, вышел с конечного кольца!» Мужик-правдурб хмыкнул: «Вот и вся недолга. Через четверть часа и мы удостоимся!» И женщина, ругавшая власть, обрадовалась: «Вот и хорошо! Надо и мне свой старый мобильник на такой, со слежением за трамваями, заменить с полочки. А то все ждешь, ждешь, мерзнешь... здесь же посмотрела на экран — все видно: идет или застрял где». Мужик расхохотался, а женщина обиделась: «Чего это я не так сказала?» — «Все, уважаемая, все правильно сказала: пусть трамваи раз в час-два ходят, а может и вовсе на линии в сугробах нечищенных застряли. Зато хреновина эта, извиняюсь, душу теплом согреет: теперь знаешь, что ждать тебе трамвай до морковкиных заговений! И спокойно станет. Это и есть новомодная цифровая экономика по-русски, точнее по-российски...»

Женщина, уловив негатив в отношении к официальному словосочетанию, тотчас насторожилась и молча отвернулась от смутьяна. Их сестра подкож-

ной генетической памятью мигом соображает: какой год на дворе стоит!

...Пропустив трамвай, Николай Андреянович зашагал по тротуару вдоль стены корпуса биофака ко входу, у самого которого он отпрянул от вывалившей толпы студентов-двоечников, до самого последнего учебного дня года тянувших с зачетами, отработками и прочими задолженностями, накопившимися за семестр. Кому удалось их спихнуть — сейчас ржали сивыми меринами и кобылицами, не удостоенные же преподаского ободрения хмурились: парни молча, девицы — с разговорным матерком.

Пропуская счастливцев и неудачников, Николай Андреянович, отошедший на край тротуара, опять же по ассоциации с девическим матом припомнил недельной давности утреннюю радиопередачу — из кухонного динамика, за завтраком, — посвященную актуальной во все времена теме русского мата и его роли в развитии национальной культуры. Почетным гостем передачи был назван доктор новомодных культурологических наук, профессор, член многих советов и обществ и пр. и пр. Судя по хамоватому голосу, человек достаточно молодой. Уже после первых его слов, как то принято сейчас в таких передачах, — обязательного плевка в советское прошлое, что-де «в советское время мат являлся индивидуальным протестом человека против тирании и тоталитаризма...», Николай Андреянович, чтобы не спугнуть утренний аппетит, хотел было выдернуть шнур громкоговорителя из розетки, но чуть попридержал гневливую руку: культурологический профессор и «многочлен» перешел к происхождению мата на Руси. Николай Андреянович от смеха поперхнулся утренней яишенкой с деревенским (с базара) салом, когда услышал от культграмотея, что-де мат исходит от языческой Руси, как словесная символика плодородия... и прочей чуши — не славных язычников, ко-

нечно, но современных профессорских недоумков. А тот же перешел к оригинальному решению болезненного для современной литературы вопроса: как в печатном тексте сохранить матерно-фольклорное богатство русского языка и одновременно соблюсти требование недавно принятого думцами закона о неупотреблении на бумаге нецензурных слов и междометий. Решение было в духе новейших веяний и склонении мышления людей к *цифре*, а именно: негласно, явочным порядком, «одна бабка на рынке говорила», привязать каждое матерное слово к порядковому числу: 1, 2, 3... Оною же цифру и ставить в нужном месте в печатном тексте. «В духе цифровой культуры», — заметил культуртрегер.

...Чтобы не сойти временно с ума, доесть яичницу и запить ее чаем с лимоном, Николай Андреевич выдернул-таки штепсель (как доктор Моргулис в песне Высоцкого) из радиотрансляционной розетки. Аппетит мгновенно восстановился.

Про происхождение же мата он еще в инженерной молодости, будучи в командировке в Челябинске в Конструкторском бюро при знаменитом танковом (официально тракторном) заводе, что с пятью боевыми орденами на фронте административного здания, доподлинно узнал от соседа по гостиничному номеру. Был тот татарин, коих много проживает между Волгой и Уральскими горами и далее в Сибирь, профессором-филологом; за холостяцким ужином под домашние еще бутерброды и бутылку местной, вполне недурственной на вкус и последствие, водки он и прочитал соседу-инженеру лекцию о происхождении русской нецензурщины.

Возник мат на Руси, под названием Улуса Джучиева входившей в состав Золотой орды. Причем, уточнил профессор, только после убийства князя Михаила Тверского в Сарае и восшествия на престол хана Узбека, поверставшего своих подданных, исклю-

чая русских, в магометанство. До этого ордынские ханы-язычники с уважением относились к православию, то есть грабили церкви и монастыри наравне с городами и селами Улуса Джучиева — не выделяя их гневом и милостью. В Сарае же в ханском совете русский епископ заседал на почетном месте — одесную хана. И вообще начальники орды склонялись к принятию православия, потому татарские воины-нукеры, баскаки и их челядь на (русских) «местах» имена Христа, Богородицы, небесных ангелом и архангелов всуе произносить остерегались.

Однако после исламизации орды те же самые нукеры и баскаки совершили в отношении к православию разворот на 180°: к случаю и без случая богохульствовали, что называется «ниже пояса», в отношении священных для православных имен. Причем эти, присовокупляемые к именам, существительные и глаголы, произносимые татарами, понятно дело, на родном языке, являлись для этого языка и вообще для тюркского наречия совершенно цензурными... Филологический профессор для обстоятельности произнес их по-татарски и разъяснил инженеру Николаю, тотчас уловившему фонетическое созвучие с родным матом, смысловое значение; ничего бранного: все бытовое и даже близкое к высоким чувствованиям...

Но русские-то мужики татарской мове не обучены, ориентировались на злобные интонации чем-то недовольных баскаков и рядовых нукеров. Потому соединенные синтаксически со священными для них именами тюркские глаголы и существительные понимали как неодобрительные, богопротивные. И сами, тоже разозлясь, порой употребляли богохульные словосочетания, тут же крестясь и каясь перед Господним оком всевидящим... «Так и возник феномен русского мата, дорогой Николай», — закончил свой ликбез командированный из Казани профессор — на межрегиональную филологическую конференцию — и,

В виртуальном мире навроде того, в котором мы сейчас имеем счастье жить и творить, все делается наоборот от противоположного. Как в математических доказательствах. Особенно ярко это видно в провинции. Ведь теперь в каждой губернии куча департаментов, а то и просто местное министерство, и все они уже полтора десятка лет занимаются местным же законотворчеством. А люди-то разные в творцы губернских законоположений попадают, разными путями. Потом надо учесть, что при каждой смене губернатора обновляется и состав законотворцев, хотя они вроде как по линии думы идут, но... противостояние законодательной и исполнительной властей — это уже далекие 90-е годы. Народ и партия вновь едины! И так получается: чем больше губернаторов сменяется, тем меньше простора для законотворчества. Куда не кинешь взор — уже предшественник целых десять законов на одну тему насочинял!

И вот сидит, дымится-парится молодой чиновник-законник: надо до конца месяца выдать на-гора хоть один закон, а то переведут на нижеоплачиваемую должность. И придумал-таки, сам часто гуляя в выходные по парку. И ввели должность паркового кормителя парковых же птичек, а в отчетных ведомостях для финорганов получили эти птички статус муниципальных уничтожителей насекомых.

В прежние времена за такой закон самого бы его сочинителя и отправили кормить птичек. Но его повысили в должности.

на правах старшего по возрасту и званию, наполнив стаканы на треть, предложил тост за дружбу советских народов, каковой и закусил с чувством бутербродом с лично посоленным, с чесночком, салом; как он похвастался Николаю. В дружеской беседе еще без Андреяновича.

...Войдя в холл корпуса, Николай Андреянович дружелюбно поздоровался с давно знакомыми ему вахтершами, поздравил «с наступающим» и вручил загодя припасенные сувенирные шоколадки-медали. То, что уже третий месяц во всех корпусах на пост заступают две, а не одна, как ранее имело место быть, почтенные возрастом охранницы, в основном из вышедших на пенсию лаборанток и «преподш» без ученых степеней и званий, никого не удивляло: в целях кампании по борьбе с международным терроризмом. Надо полагать, служба безопасности университета также перешла на цифровой стандарт мышления: одна вахтерша — это (усреднено) шестьдесят лет возраста, а две — сто двадцать в сумме и в бдительности.

— Давненько вас не видели, почитай месяц без малого к *нашему* профессору не заходили. Да оно и понятно, Игорь-то Васильевич каждый день с озабоченным видом по разу, по два куда-то все уходит. Видать, чем-то важным весь декабрь занят. И сегодня выходил, только-только возвратился. А сейчас у себя, милости просим!

Поднимаясь на третий этаж, Николай Андреянович все размышлял, прикидывая туда-сюда: чем это всему предпочитающий свой уютный кабинет приятель его озаботился, да еще по несколько раз на день выходящий на мороз и прочую непогодь? Может какие хлопоты с редактируемым им журналом «*Феномены разума. XXI век*»? Или седина в бороде — завел интрижку с той незамужней, привлекательной доцентшей молочно-восковой спелости, ко-

тору в день их празднования сталинской конституции зазывал к себе в кабинет и угощал коньячком под икрыные бутерброды? Ха-ха! Тоже ведь способ противостоять эпидемии цифрофрении на наших суконно-цинковых, бюрократических просторах. Но как знать... не чурающиеся мужского внимания дамочки фертильного возраста иногда озабоченно поглядывают в некие заветные календарики, теперь виртуальные, на экранах гэджиков, с разноцветно обозначенными цифрами...

♦ Хотя в последний рабочий день года корпус почти опустел от студюзов и преподав, но дверь в кабинет профессора Скородумова была, явно по привычке, машинально, хозяином заперта на замок. Как сам Игорь Васильевич всем охотно пояснял, по той причине, что нынешние студенты без начатков воспитания и соображения, не говоря уже об условных «иностранцах» — от горных арыков, кишлаков и аулов бывших союзных республик, без доклада лезут в первую попавшуюся дверь с самыми диковинными просьбами: «А-а где сейчас Александр Маркович?» или совсем ошарашивают заслуженного профессора требованием выдать два куска мела и девятнадцать (не двадцать!) листов чистой бумаги.

Не реагировал по той же причине двойной профессор и на постукивания в дверь, откликаясь только на кодовое: цифру «73» азбукой Морзе (в школьной и институтской молодости являлся радиолюбителем-коротковолновиком), что на международном жаргоне таких спортсменов значило «С наилучшими пожеланиями», а сочетание точек и тире подходило под монотонную мелодию: «Дай-дай закурить, я на речку шла!»

Николай Андреевич воспроизвел речевку костяшкой указательного пальца по двери, был впущен, но тут же, с порога, поразился необычному виду обычно жизнерадостного, собранного, подтянутого,

хотя и с некоторой барской окладистостью, профессора. С волевым выражением лица, сочетаемым с ленинским прищуром глаз; дескать, мы, батенька, другим путем пойдем против заразы цифрофрении...

Сейчас же, вяло пожав руку гостю, разлаписто вернулся к рабочему столу, мешкотно и кривобоко плюхнулся в кресла. Выражение же его лица тотчас вызвало у Николая Андреевича малоприятное воспоминание о визитах в стоматологическую поликлинику пару лет назад, когда он всерьез занялся зубами...

Молча, страдальчески глядя сквозь разоблачающего от уличной одежды приятеля, Игорь Васильевич даже на извлеченную гостем из внутреннего кармана пальто плоскую коньячную бутылку никакого видимого внимания не обратил.

— Что с вами, герр профессор? — не удержался Николай Андреевич, видя, что хозяин не только не делает попытки сервировать «гостевую» тумбу — впритык к рабочему столу, но и имеет внешность полного отрешения от мирской суеты, предновогодней в том числе.

— Знаешь, Андреевич, я сейчас немного отойду. Ты же пока из холодильника достань что надо; тарелки, вилки и стопки тоже знаешь где.

— Да что случилось-то, Васильич? Как будто черти на тебе трое суток горох молотили, а? Неприятности дома или с журналом твоим что приключилось? И почти месяц — со дня сталинской конституции — не звонишь? На-ка, дерябнем по разгонной за уходящий год! Хотя бы футбол мы с тобой не смотрим, а детям-внукам нашим пятерик лишний предпенсионный набросили за здорово живешь... Но все одно, традицию соблюдаем.

...То ли перед Новым годом «армянский» московской фабрикацией развели слегка настоящим коньячным спиртом, а может и акцент гостя на то, что достопамятный год уже уходит в прошлое, но Игорь

Васильевич, порозовев кожей лица, пришел в осмысленное состояние, распрямился в своем кресле и наконец-то заговорил:

— Андреяныч, против лома нет приема, потому перед тобой полностью подавленная жертва цифрофрении. После почти месячной борьбы сегодня признал полное и безоговорочное поражение. Разливай вдогонку — заиграть обиду — по второй! Я же тебя посвящу, так сказать, в этюды о цифрофрении в суконно-цинковых тонах. Почти как у Конан-Дойля; там тона багровыми были.

Как прекрасно знаешь, в наступающем году у моего журнала юбилей: полтора десятка лет изданию стукнет! Правда, в конце года...

— И отпразднуем это богоугодное дело...

— Притормози, Андреяныч, с поздравлениями, а послушай про наболевшее. Когда журнал создавался, зараза эта интернетовская с ее почтой-«мылом» еще не опутали своей сетью весь мир, тем более сознание людей. Потому в переписке с авторами и читателями в основном использовал старинчатую «бумажную» почту. И посеючас использую, тем более, постоянные авторы, зная мое пристрастие в эпистолярной части к рукописанию «именным», настоящим паркером, подаренном мне по случаю своей защиты самым умным в моей практике аспирантом Володькой, и сами стараются подыгрывать: «от руки» мне пишут. Особенно авторы, стремящиеся опубликоваться вне очереди редакционного портфеля... Опять же я номера журналов и свои книги посылаю; мне аналогичное шлют.

Короче говоря, первые год-два пользовался университетской почтовой экспедицией, как когда-то такие службы приема-доставки именовали. Потом мне это претить стало: по принятому еще со стародавних времен порядку все приходящие мне отправления в канцелярии вскрывали, после чего передавали с посылными факультетской секретарше, а от

нее уже я получал. Мало того, что эта цепочка по времени могла и на месяц затянуться, а то и просто письмо или бандероль терялись при неспешной передаче через халатные руки. Главное, личную корреспонденцию, зачастую весьма откровенную в части политкорректности, толерантности и верноподданничества, если равнодушные ко всему на свете канцелярские бабенки пенсионного и близко к нему возраста вряд ли читали, тем более рукописную, то востроглазая факультетская секретарша от скуки рабочего дня уж обязательно сверху вниз и по диагонали по строчкам пробегала. О самом интересном из почерпнутого докладывала декану, а то и просто зачитывала ожидающим приема начальником доцентшам-вестовщицам. Те же все разносили по факультету и многочисленным — с преобладающим женским составом — службам административного главного корпуса.

Словом, Андреяныч, как на такой счет говорили древние римляне, *motiva moralia non sufficientia non obligant, sed motiva sufficientia obligant* — недостаточные моральные мотивы не обязывают, мотивы же достаточные обязывают. Потому к окончанию второго года издания журнала завел я в ближайшем почтовом отделении свой абонентский ящик. Дешево и сердито: за год платишь поменьше тыщонки, заходишь раз в неделю, своим ключиком открываешь ячейку, забираешь накопившуюся почту — и никаких тебе сквалыжных очередей, квитанций и прочего удовольствия общественных мест. Через пару минут уходишь и — гуляй не хочу! Никакой тебе перлюстрации...

— Лихо ты, Васильич, на латыни стрекочешь. Сразу видно заслуженного профессора, хватившего подряд пару стопок. А если по-военному, ближе к делу?

— Ближе некуда. Поболее десяти лет забот с почтой не ведал. Главное, не забыть ближе к концу года там же на почте заполнить в трех экземплярах

бланки продления аренды абонентского ящика и внести оплату. И здесь все без очереди, в десяток минут укладывается. Вот и сейчас, без году неделя, на другой день после отмеченной нами с тобой сталинской конституции зашел за почтой и заодно осведомился насчет бланков — не торопясь у себя заполнить и в следующий визит занести. Что-то меня проинтуичило почти за месяц до окончания сегоднешнего поинтересоваться. ...Вот ты меня, Андреяныч, по своей военно-технической дисциплинированности и краткости изъяснения все торопишь, а как раз во вроде бы малосущественных мелочах и суть произошедшего со мной заключена.

◆ — Избранное мною почтовое отделение крохотное, рассчитанное на обслуживание пары-тройки кварталов пятиэтажек-хрущевок. Из числа тех, где, как говорится, obsлуга своих клиентов в лицо знает. Так оно и было с десяток лет: пожилые почтарки дорабатывали до пенсии, до пополнения потомства внуков; опять же проживают в этих самых окрестных кварталах. Вот и не менялся их состав: год от года все те же лица, добрые и улыбочатые к постоянным клиентам, в число которых и я под разговорным именем «профессор» через год моего абонирования прочно вошел.

Но пару лет назад как-то в одночасье весь личный состав улыбочатых пожилых почтарок подал в отставку, говоря, Андреяныч, твоим военно-уставным наречием. То ли к подоспевшей пенсии урожай внуков случился, а может суеверно напугал их появившийся компьютер для регистрации почтовых операций, за который усадили самую «продвинутую» товарку, некогда учившуюся в радиотехникуме... Кто знает что случилось, какое поветрие вмиг сдуло всю домашность маленького почтового отделения. Я вот точно не знаю — быть крестным новонародившихся внучат почтарок зван не был. Тем более, сейчас в

фаворе никонианское православие, нас с тобой, Андреяныч, как потомков «двуперстников», поостерегутся в кумовья звать. Ладно, к делу все же перейду.

Взамен уволившихся сотрудниц стали присылать молодых девиц, как я сообразил, явно из числа стажеров ихнего, почтового пэтеу, или как там сейчас называется на американо-европейский лад: колледж, лицей, может и похлещет чего. Начали эти малоудачницы в жизни, бюстами и ногами не вышедшие в жены или содержанки успешных молодых дельцов и папиков, соответственно, беспрерывно сменять друг друга. Скорее всего, поумнев за время короткой практики на малоденежной и хлопотной почтовой докуче, девицы, окончив пэтеу, пристраивались продавщицами на рынках и в супермаркетах.

С девицами этими дела прежнего домашнего почтового заведения пришли в полное ничтожество. Понятная бестолковость практиканш все более усиливалась еженедельными новыми инструкциями от главпочтамта о переходе, причем скорейшем, на полную компьютеризацию в обработке всех видов корреспонденции: от простых писем в новомодных удлинённых *a la Europa & America* конвертах до ценных бандеролей и посылок. Как на грех, поувольнялись по причине пенсионного возраста и удивительно низкой зарплаты все почтальонши-разносчицы. Замены им не предвиделось: прокатившаяся — с телевизионными показами и комментариями — серия столичных коррупционных скандалов в почтовом ведомстве, резко сменившаяся похвалами работы оногo, ясно показала: слишком самонадеянно ждать прибавки жалованья рядовым почтаркам (мужиков сюда и на аркане не затащишь — работать за прожиточный минимум).

Прекрасно зная, что более двух-трех месяцев стажировки они в этом бедламе не задержатся, юные пэтеушницы в своей почтовой жизни руководствовались

лись русским фольклором, а именно: умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего! То есть, окончательно запутавшись в противоречивых инструкциях и безоговорочной компьютеризации почтовых дел, к тому же умея на этих самых компьютера только «Одноклассники» почитать, опять же при полном отсутствии наличия разносных почтальонш... и вообще — будь она, безденежная жизнь без надежд на замужество за начинающим миллионером (хотя бы и в рублях) проклята! — пэтеушные девиды скоренько вывели свое почтовое заведение за рамки работающего. Хотя бы верхнее начальство, учитывая их несмышленость и отсутствие старшего, опытного наставника, и разгрузило их до минимума: оставив только едино выдачу отправлений, упразднило «до лучших времен» прием корреспонденции, подписку, выдачу пенсий и оплату «коммуналки». Тем не менее всякого входящего в такое выхолощенное почтовое заведение от одного взгляда охватывала тихая паника: за барьером-прилавком, отделявшем посетителей от служебной части, беспорядочное нагромождение неразобранных посылок, тарных пластиковых ящичков, набитых письмами и бандеролями. То же самое наблюдалось через внутренний проем и в дальней комнате, пышно именуемой «помещением первичной обработки корреспонденции». Благо пэтеушные почтарки в возрасте девичьей гибкости; турнюры, бедра и бюсты только в угловатой наметке; иначе как бы они лавировали между угрожающими свалиться на них «красноярскими столбами» пудовых посылок, висившихся до потолка?

Юные почтарки растерянно огибают эти «столбы», роются в ящичках с письмами и бандеролями, отчаявшись разыскать нужное по идентификационным номерам, что переписаны ими со смартфонов выстроившихся в длинную очередь студентов-иностранцев: ближневосточных арабов, мелкорослых вет-

намок и шриланкиек с Цейлона, высоченных камерунских негров, робких посланцев бывших среднеазиатских советских республик — все из ближних университетских общежитий. Тем сложнее почтаркам из недавних школьных двоечников найти в этих авгиевых конюшнях требуемое, заказанное «импортными» студентами в китайском гиганте интернет-торговли «Али Баба», что все надписи на бандеролях и посылках на английском с добавлением иероглифов.

Пара-тройка окрестных бабок, зашедших по советской еще привычке прикупить поздравительных новогодних открыток, потерянно толкуются в уголку, оглушенные гортанной нерусской речью веселящихся разноцветных ликами ребят...

Но вот очередь перед окошком выдачи дошла до затесавшейся в иноземный ряд русской молодухи, тож завлеченной рекламой и интернетом в сети «Али Бабы». Протягивает она листок бумаги с загодя записанным полудесятком номеров бандеролей с китайским ширпотребом, горделиво окидывая взглядом почтарок и — боковым зрением — азиатских студентов: дескать, и мы не лыком шиты, не на блошином рынке китайскую мягкую рухлядь покупаем, а цивилизованно по «инту» заказываем! Операторша передает бумажку стажерке и переводит затравленный взгляд на следующего клиента.

...Не подумай, Андреяныч, что я в очереди этой долготерпеливой и разноязычной стою и вынужденно ко всему приглядываюсь и прислушиваюсь! Нет, я в сторонке жду, когда столь же молодая, все же решившая после окончания пэтеу здесь остаться, начальница почтового отделения выйдет из служебной комнаты, ибо по части продления аренды ячейки только к ней и можно обратиться. Потому и слушаю легкую перебранку этой самой молодухи с персоналом.

Удалилась стажерка с бумажкой в руке в дальнейшее помещение и удивительно быстро, всего лишь минут

через шесть-восемь, вынесла одну бандероль, на вид упаковки с чем-то мягким и легким. Отдала ее молодой вместе с бумажкой. Далее, Андреяныч, для аутентичности передам ее диалог с операторшей — постарше возрастом и опытом работы:

— А где еще четыре?

— Не знаю, откуда вы эти номера списали.

— Как откуда? С компьютера, конечно. Там же сообщение: все пять бандеролей уже в нашем городе. А значит и на вашей почте.

— Так может по городу до нас еще не дошли?

— Как не дошли? Это сообщение двухнедельной давности. Просто я в отъезде была, поэтому только сегодня пришла.

— Вовремя, женщина, надо приходиться. И почему это решили, что ваши бандероли должны отслеживаться по интернету?

— Когда и куда мне идти — мое дело. А по правилам *вашей* же почты все бандероли и посылки стоимостью больше десяти долларов на всем пути следования отслеживаются.

— Вот что, женщина, видите сколько всего у нас скопилось? Со временем разберем. Получите свои бандероли китайские.

— Так вы извещения по моему адресу доставите?

— А кому доставлять-то? У нас уже давно все почтальонши-разносчицы поувольнялись... от такой зарплаты и жизни. Заходите, интересуйтесь...

Здесь в актуальную беседу вступил усатый мужик лет сорока, стоявший в конце очереди. Поскольку был он слегка выпивши, то уже успел рассказать мне, что пришел получить посылку от брата-мельника из Тамбова с сушеные подлещиками, мол, уважает их под пиво.

— Слышь, барышня? Не отвлекай почтовых тружеников от работы. Намедни получил письмо от московской тетки, брезгует она вашим интернетом,

так эти двести верст «шло» почти месяц! А тут Китай... ты бы лучше и быстрее сама туда смоталась за барахлишком. Если самолетом боишься, то на поезде «Москва — Пекин» неделю туда и столько же обратно — вот и вся недолга! И нехрена будет все по интернету-то отслеживать. Где этот «нет» и где мы? Зимой дороги в городе не чистят, только китайскими опять же химикатами травят. Опять же почтальонши все поувольнялись...

— Я давно, Андреяныч, подозревал, что наши студиозусы из иностранцев азиатских только на зачетах и экзаменах придураются, дескать, плохо по-русски понимаем. Все они прекрасно, особенно в бытовом плане, маракуют. Иначе чего бы им над словами мужика с подлещиками всей очередью гоготать! Но и молодуха явно не дурой оказалась, не выказала обычной в такой ситуации бабской остервенелости, рассмеялась сама над собой, помянула всуе интернет-магазин с почтой впридачу и добавила уходя: «Буду теперь на рынке покупать. Ближе чем в Пекин ездить!»

...В июле этого лета, когда вся жизнь замирает, в том числе в части корреспонденции, я почти три недели не заживал на почту: все одно мой абонентский ящик пуст — как голова школьника и студента в это время от излишка знаний и нравоучительных установок. Когда же отправился перед самым началом августа, то, подойдя к пятиэтажке с угловым входом на почту, даже испугался: неужели отделение связи, к которому так привык, ликвидировали... например, по программе столь модной сейчас «оптимизации», а помещение городские власти сдали в аренду процветающей частной миниклинике, естественно, диагностической, ибо лечение менее доходно, да и площадь бывшего маленького почтового отделения не позволяет койко-места разместить. Мысль же такая потому в голову вспорхнула, что вместо обшарпанной двери из древесно-стружечной плиты и протертого за полвека и

Пришел поутру главный редактор городской газеты «Тишь да гладь» Акакий Акинфович Вахмистров на работу, глянь, а над дверью редакции, рядом с родной вывеской, стоит на стремянке мужик и приколачивает другую, вино-торгового профиля.

— Мил друг,— интересуется Акакий Акинфович,— ты чегой-то своевольничаешь?

— Никак нет, полупочтенный, выполняю приказ своего хозяина, купца Громыхалова. К нему извольте за объяснением.

Пришел Вахмистров в свой кабинет, нашел в телефонном справочнике фамилию купца, позвонил, а тот сходу и огорошил:

— За неуплату вами аренды здание было вчера выставлено на торги от комгоримущества, вот мы-с и откупили под винные погреба и распивочную. Так что, извольте в двадцать четыре часа освободить помещению!

— Что же нам делать, закрывать газету нельзя, одной неустойки подписчикам хватит на долговую тюрьму; помилосердствуйте, Милентий Вахтангович!

— Нд-а-а, что же мне с вами делать, ведь сам грамоте знаю, не враги мы-с просвещению. Вот что, оставляю вам две комнаты, печатай свою газетку, но только чтобы в каждом номере мой поясной портрет был и рубрика тостов. И название газет смени, путь будет «Пьян да умен».

Вздыхнул Вахмистров: чего не сделаешь ради сохранения рупора городской демократии!

даже поболее до арматурных прутьев крылечка с двумя ступеньками передо мной предстала стеклянная евродверь с лаково отсвечивающей «под орех» обвязкой. Заново отлитое крылечко обложено фигурной керамической плиткой и по всем угловым изгибам подковано, словно норовистый конь, профилем из нержавеющей стали. И хотя всего лишь две ступеньки как были, так и остались, но с обеих сторон этого крыльца и порожка установлены перильца. Для ощущения же полного восторга — слева изогнутый, до стены метра четыре, после поворота на крыльцо еще полтора-два, пандус из рифленой стали. Естественно, с обоюдосторонними перилами.

Все же увидев на двери знакомое название, с робостью вступил в храм службы-правопреемницы ямской гоньбы, далее почтовых перекладных троек с императорским гербом, затем сталинского Наркомпочтеля* и брежневского Минсвязи, работавших не по дням, а по часам... А увидев за служебным барьером давешних юных почтарок, одетых в униформу с иголочки: синяя юбка, белая кофточка и красная косынка вокруг прелестной загорелой шейки, вовсе решил, что вернулись времена Псурцева.**

Но здесь же обреченно поник головой, увидев все те же «красноярские столбы» неразобранных посылок, раскиданные по полу и по столам ящики с бандеролями и письмами, а главное — полнейшее отчаяние в подведенных глазках униформированных почтельработниц. Два красочных плаката украсили стены обок входной двери: один — к футбольному чемпионату, другой настойчиво призывал в полной мере обращаться к услугам почтовой связи *on line*. Одни фасады...

* Народный комиссариат почты и телеграфа.

** Во времена Брежнева бессменный министр связи, доведший работу своего ведомство до достижимого совершенства.

◆ — Как уже говорил, Андреяныч, пошел я на почту заполнить бланки и заплатить за абонентский ящик сразу после предыдущей нашей встречи в начале декабря, который вместе с уходящим годом мы с тобой сейчас и провожаем. Что-то меня подтолкнуло не тянуть до конца месяца. В точку попал!

То ли очередная партия пэтеушных стажерок совсем никудышная попалась, ни замуж, ни в универсамовские продавщицы негодная, а скорее всего затянувшийся уже на начало третьей пятилетки кризис во всех делах уравнил в скромной зарплате почтарок с продавщицами, но, как бы там ни было, все они остались трудиться на обновленной фасаде почты. Это меня приятно поразило: стабильный коллектив — залог надежды на возможное наведение порядка.

Поздравил я их, уже хорошо запомнившихся милovidными — а кто из девиц в шестнадцать лет хотя бы на «троечку» не милovidен даже без косметики? — с первым серьезным зимним морозцем. Заулыбались, а здесь и начальница отделения, молодая, но исхитрившаяся сразу после окончания пэтеу выйти замуж, вышла из служебного отсека. Тоже уже запомнив меня, поздоровалась. Сказав нехитрый комплимент о розах-морозах, попросил тройку бланков для продления «абонентки» на следующий год. Лариса, так зовут начальницу, по причине совсем недавнего медового месяца пребывавшая первую половину каждого трудодня в опасливо-блаженной рассеянности (в соцсетях хулиганили: все аптеки торгуют не *настоящей*, а *китайской* противозачаткой из мела и витамина «С»), с минуту изображала розовым личиком мыслительные воспоминания, после чего радостно сообщила, что с этого года абонирование открывается и продлевается только на главпочтамте.

Вернулся я к себе в корпус безмерно огорченный; это ведь полдня потратить: туда-сюда через полгорода ехать и там в бесполой суете искать нужную

службу и прочее. А я ведь сугубо кабинетный человек! Учитывая молодость и медовомесячное блаженство юной начальницы, решил предварительно проверить достоверность ее слов. В лаборантской кафедры — как-то случайно видел его там — взял толстый, неряшливый том городского справочника «Желтые страницы», нашел нужную страницу с телефонами почтамта. Сделав с полдесятка звонков по номерам «методом тыка», выяснил: к кому обращаться по абонентским делам. Позвонил, представился профессором, узнал имя-отчество обладательницы молодежового контральто без курительной хрипотцы, хотя и она придает женскому голосу этакий чувственный окрас, разъяснил свою докуку. Марина Витальевна, хотя и крохотная, но все же начальница, дозволительно усмехнулась — в адрес почтарок — и разъяснила: «Девушки в *вашем* отделении молодые, не совсем верно информировали. Действительно, по новым правилам с окончания этого года и на следующий оформление и оплата абонирования проводится *on line* через главпочтамт, но — для юридических лиц. Физических же лиц, каковым вы, профессор, по вашим словам являетесь, по-прежнему обслуживают почтовые отделения *на местах*. На такой случай мы разослали по ним новую программу компьютерного оформления — для отказа от устаревших заявлений на бумаге. Там же и оплату внесете. Только захватите с собой паспорт и документы, дающие вам право на льготы, с учетом которых за календарный год с вас возьмут пятьсот пятьдесят семь рублей. Если девочки что не поймут — дайте им мой телефон».

Сердечно поблагодарил обладательницу контральто без никотиновой хрипотцы. Заодно игривая память услужливо вывела в мое активное сознание образы прежних знакомых девушек-женщин с таким тембром голоса: получалось, что все они подтянутые, на вид даже слегка суховатые шатенки со стрижкой,

в интимных контактах порывисты... Здесь я свои аналитические рассуждения волевым усилием прервал. Как мало надо человеку для довольства жизнью? Вот разъяснила мне, разложила все по полочкам телефонная Марина Витальевна — и легко на душе, даже этак игриво стало! Завтра, мол, схожу на свою почту и все за десять минут улажу. Тем более, что уже не от руки бланки в трех экземплярах заполнять на неудобной служебной стойке-барьере. А почтарка сама все на «компе» пощелкает по клавиатуре. ...Даже загодя, чтобы не беспокоить тружениц бывшего Наркомпочтеля поиском сдачи, отсчитал и в левый карман пальто уложил эти магические пятьсот пятьдесят семь рублей. Жизнь прекрасна и удивительна, господа присяжные заседатели!

...Радость потому и ценится, что она слишком быстротечна. И в моей душе не долго волнующе играла сладостная музыка горних сфер, уступив — природа не терпит пустоты, говоря словами мудрого Лейбница — место «хрустальным бубнам печали» — по Гарсиа Лорке. Назавтра и началось мое почти месячное хождение по мукам «оцифрованной почты». Долго и муторно-нудно, Адреяныч, подробно рассказывать, до курантов с оливье времени не хватит. Потому до предельной краткости все скомкаю: про прошедшие четыре недели, что я регулярно, словно устроился по совместительству на полставки, ходил на почту. Уже и не говорю — ночью во снах эти хождения дублировало подсознание, приукрашивая до изумительного невероятия вроде бы обыденные, хотя и несуразные, хлопоты ходатая по заранее обреченному на неуспех делу.

Словом, первую неделю, каждодневно поутру, я убеждал еще не отошедшую от нирваны медового месяца начальницу, что программа *on line* по обслуживанию физических лиц (при этом для полной наглядности я по-пионерски указывал большим пальцем

правой руки на самого себя) в части абонентских ящичков существует. Та садилась перед компьютером, нажимала буковки на клавиатуре, потом в полном отчаянии вздыхала полной (где-то ближе к третьему размеру после медового месяца...) грудью и... молчала. Марине Витальевне звонить она робела. Закончилась неделя тем, что я набрал на мобильнике номер обладательницы замечательного контральто, назвал себя и передал гэджик начальнице. Та выслушала, с убитым видом согласилась и опять скорбно замолчала.

Следующая неделя не отличалась от предыдущей: начальница искала в «компе» таинственную программу. Не находила. На третьей седмице вроде как нашлась. Обрадованная и измученная моими (по почтовой части) домогательствами начальница ввела-таки в программу данные моего паспорта и «льготных» документов, распечатала в трех экземплярах и протянула мне со словами: «Оплатите в Сбербанке». Уже ко всему настроженный, внимательно прочитал и пришел в ужас: с меня за год абонирования причиталось 5801 рубль 62 копейки. Даже обрадовавшаяся было начальница (как выяснилось, я являлся единственным физлицом в отделении по части абонирования, един как перст назойливый...) согласилась: это многовато. «Зайдите через пару дней. Будем уточнять». Через два дня на третий распечатка выдала сумму в 271 рубль 00 копеек. Я еще более засомневался. К тому же на отпечатанном договоре не значились реквизиты оплаты, что явно свидетельствовало об оплате наличными здесь же в отделении. Оставив оба вопроса (сумма + место оплаты) снова горестно замолчавшей, как будто увидевшей две полоски на известном тесте (а погулять еще хочется год-другой...), начальнице, я ушел до следующей, четвертой по счету, недели. И до сегодняшнего, предпраздничного дня распечатки выдавали самые странные, то высокие, то явно заниженные, цифры, но никак не желала программа про-

печатать искомое пятьсот пятьдесят семь рублей... без копеек. Единственное, с чем горестно согласилась начальница, что платить мне следует не в банке, а здесь, на месте. Но она не знала: по какой документной форме оформить мою оплату и как совместить компьютеризацию почтовой услуги с бумажной квитанцией... без четко обозначенной этой самой формы?

Вчера она же обещала клятвенно, оставив иные дела на потом, окончательно *«разобраться с вами в этом году»*. Сегодня же с утра, хмуро поздоровавшись, объявила, что компьютер еще вчера *«заключило»*. — «Приходите в следующем году; мы с третьего января начинаем работать».

Стиснув зубы, я невидяще оглядел примолкших почтарок и бледной тенью выскользнул через приотворенную евродверь.

◆ — Да-а, Васильич, дела-а... Я тоже порой думаю: а может проще следует жить, как все люди, смотреть по «ящичку» футбол, вечером — Вову Соловьева и Малахова, купить задешево подержанную б/у-4 «иномарку» калужской отверточной сборки, бросить цыбульки смолить, избегать застолий в «Наливайке» и, извиняюсь, вот в этом кабинете...

— Заодно на манную вегетарианскую кашу переиди и заставь себя поверить в благо экономических реформ и неуклонный рост материального благосостояния! Эк тебя, Андреяныч, с двух-то стопок шибануло в благонамеренность!

— Нет, утрирую, конечно. Просто досадно за тебя стало: архизаслуженный профессор как жертва цифрофрениии... Разливай на правах хозяина. Заиграем, как говорится, обиду... Вот хорошо-то пошла!

— Закусывай, Андреяныч, бутербродами с икоркой. И рыбку красную вниманием не обдели. Не экономь, не у себя ведь на кухне, ха-ха-ха!

— Ну и хорошо, герр профессор. Вижу, с юморком тебе и ровное, предновогоднее настроение вер-

вернулось. Тем более, история обратного хода не имеет, а на пути ее в будущее постоянно все усовершенствуется...

— Несомненно, Андреяныч, совершенствуется, но только в сторону *расчеловечивания* — термин нашего выдающегося философа-социолога Зиновьева. Бывший же человек разумный все больше погружается в виртуальную реальность, в *on line* пресловутую. Это наше поколение еще осознает цифрофрению болезненным, все более и более вспухающим, наростом. Своего рода наше донкихотство, этакая безнадега, фантастическая ностальгия по недавнему еще прошлому. Почему фантастическая? — Да по той простой причине, что это прошлое, которое все продолжает по инерции нам казаться «протянутым» в настоящее, уже пройдено историей, то бишь социальной эволюцией, поэтому все наше с тобой и вообще со счетным числом людей сопротивление той же цифрофрении есть сражение с ветряными мельницами. Мы цепляемся за обломки того, что отброшено ходом истории, чего вернуть нельзя. И не только вернуть, но даже в личной повседневной жизни невозможно для себя же самого отстоять. Как на подводной лодке, идущей на глубине погружения, нет способа отъединиться от коллектива, от команды... если только в галюне? Но это на считанные минуты. Там с газеткой не посидишь!

— Выходит, уважаемый профессор, всякий отторгающий себя от оцифровыванья и виртуального бытия следует учению Толстого: начни с себя самосовершенствование? Из окон твоей квартиры, Васильич, виден памятник Льву Николаевичу. Не он ли «магнетически» навевает всякие антитолерантные, явно неполиткорректные мысли о болезненной сущности оцифровывания человеичника наших дней? Ха-ха, смеюсь, конечно.

— А можно и без смеха. Значит — навевает.

На то и ставят памятники. Каждой эпохе — свои монументы. Вот сейчас, в наше время активной цифрорфрении и всякой *толерастии*, повадились по городам и весям с холерически-эпидемическим усердием где ни попадя раскидывать пародии на скульптуру, герои которой — от черепашек-ниндзя до уродцев, якобы обозначающих литературных героев книг. Судя по всему, штампуют их по компьютерным программам в пресловутом «3-D».

...Нет, Андреяныч, толстовство есть то же самое донкихотство. Кстати говоря, всеобщий отрицатель современной ему цивилизации и, как сейчас принято говорить, успехов науки и технологий, Лев Николаевич редко ошибался в части прогнозов — от их исторического корня. Не помню название одного из его «нигилистических» очерков, но совершенно справедливо и провидчески, на примере изобретения Иоганна Геннсфляйша Гутенберга, показал: всякое усреднение в обиходе людей по части доступности чего-либо неизбежно ведет к опрощению этого «чего-либо». Сказал же просто, что книгопечатание явило миру и цивилизации самое мощное средство усреднения человечества в невежестве! Это я своими словами, по памяти, передаю. Но ведь так и есть, дорогой мой. Неофитов и дилетантов дает ознакомительно-поверхностное восприятие запечатленной в книгах мудрости. И выдающийся наш поэт, современник Льва Николаевича, еще раньше в точку попал: «Мысль изреченная есть ложь».

А оцифровывание человекника в наши дни, создающее гидру «компьютерного мышления», при абсолютном уравнивании умственных проявлений еще и ставит таковым самую низкую планку...

— Как у твоих почтарок?

— К счастью, Андреяныч, они не мои: ни в каком качестве. Разумеется, не с Толстого началось предвидение превращения человечества в усреднен-

ный по цифровому мышлению человек. Все идет уже от первых, ранних греческих философов — эпических теокосмогонистов и атомистов. Кстати говоря, Томас Мор в своей «Утопии», сам того не ведая, а может гениально предвидя за четыреста лет до нас — не зря состоял в должностях председателя палаты общин и лорда-канцлера! — описывая принятые у утопийцев развлекательные и поучительные игры, отмечал особо: азартные навроде костей им неизвестны, а в массовом употреблении родственное принятым у нас <то есть в Англии, в Европе> шахматам *сражение чисел*. Суть такой игры состоит в объединении усилий пороков, пронумерованных *цифрами*, борющихся с таким же образом *оцифрованными* добродетелями. В этой игре весьма доходчиво показывается спор пороков в своей «компании» и, напротив, единство и согласие в достижении выигрыша пронумерованных добродетелей...

— Ха-ха-ха, надо же! Ну и лорд, ну и канцлер, сукин, извиняюсь пред предшественником научного социализма, сын! Прямо как у Ильфа — Петрова в «Золотом тельне» ребусник старик Синицкий сочиняет для газеты алгеброид, в котором сложными арифметическими операциями доказывается преимущество советской власти по отношению ко всем другим властям. Наверное, по такому же подобию сражения чисел и мыслится новомодная «цифровая экономика»: преимущество рубля над всеми иными валютами. Но это пусть Владимир Соловьев или кто иной из пиар-телеведущих трудовому народу разъясняет. По магистральной же теме нашего разговора дозволю, герр профессор, поинтересоваться: почему во всех западных странах, промышленных восточных тож, глобалистские штучки навроде оцифровывания всего и вся, различных вольнолюбивых толерастий как-то ровно и гладко, без надрывов и сбоев протекают, а у нас все по Чернобырдину: «Хотели как лучше, по-

лучилось как всегда!» То есть, хотя и доцент, но не совсем дурак, в общих чертах все понимаю, но ты умеешь в строгую логику понятий и фактов привести...

— Логика, Андреяныч, здесь сверхпроста, не выходит за рамки Евклидовой и Аристотелевой... Впрочем, на заданный тобою вопрос уже ответил почти столетие тому назад такой авторитетный человек как Лев Давидович Троцкий!

— Васильич, с какого перепугу ты в троцкисты записался?

— Я по моему характеру отродясь никуда не «записывался» и не «примыкал». Просто на днях дома искал одну книжку, точнее философские сочинения Ламетри, а как ты прекрасно знаешь, это все одно, что отыскать иголку в стоге сена, на моих-то стеллажах в три ряда... Ламетри так и не нашел, после новогодних каникул проще взять в университетской библиотеке, зато попался томик Троцкого — купил еще в самом начале девяностых, да как-то запомнил про него в бурных перипетиях тех «лихих» лет. А сейчас с неподдельным интересом знакомлюсь. То есть надо отличать Троцкого, как «иудушку» по ленинскому определению и автора теории перманентной революции, и Льва Давидовича — образованного гуманитария, знатока искусства и литературы, высококлассного публициста, причем не только политического. А в части ответа на твой вопрос — его фраза, тотчас запавшая в память: *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику».*

То есть не следует стыдиться, «догонять и перегонять» — начиная с Петра Первого мы все силмся, отказавшись от самобытной, полуазиатской автаркии, поспеть за Европой, которая в движении социальной эволюции, увы — и это есть сугубая реальность истории, — обогнала нас если не на тысячелетие, то уж на три-четыре века точно. Я не про науку и технику го-

ворю, здесь дело поправимое: Советский Союз с «ледоколом» Сталиным — Троцкий бы не сдюжил! — за считанные десятилетия, включая Великую Отечественную, догнал и в чем-то перегнал Запад. И абсолютно перегнал уже на столетия в эксперименте Истории по созданию социально ориентированного общества-государства! Но у нас не было традиции эллинского и римского мира, а главное — не присутствовал феномен Возрождения, который, с одной стороны, явился знаком «предбуржуазья», но с другой — аккумулировал в себе все предбывшее из истории цивилизации и культуры, начиная с их европейского корня — Средиземноморья. И этот-то «аккумулятор» дал мощный заряд энергии небывалого взлета общей культуры, искусства, философии, естествознания... словом, всего того, что составляет непреложный духовный и мыслительный остов эволюции социума и отдельного человека — дал на весь период взлета, стабилизации, трансформации в глобализм европейской буржуазной общественно-экономической формации. Догоняющей же России История на весь период возникновения и развития этой формации «щедро» отпустила точное число лет: от 1861 по 1917 год. Понятно, что нынешнее *status quo* нашей страны никакого отношения к «капитализму» не имеет: после исторического эксперимента социально ориентированного СССР бывшую 1/6 части земной суши мгновенно поглотил омут глобализации. А это уже иная ипостась: глобализм суть высшая стадия империализма и тягостный переход к уже *всемирному* социуму. Здесь провидчески правым оказался как раз Карл Маркс! Другое дело, что этот «всемирный коммунизм» заставил бы современного нам человека ужаснуться: полное социальное и иное равенство роботов, винтиков виртуальной в своей основе глобалистской машины-молоха. И это равенство прежде всего в полном подавлении индивидуального мышления —

роботу оно не требуется. Словом, «фюрер за нас думает», то есть виртуальный Великий Глобализатор! Кстати, «золотых унитазов», которые наши основоположники коммунистического учения прямо взяли из упомянутой «Утопии», там тоже не будет: все золото, исчерпав исторически роль денежного базиса, пойдет на микросхемы-процессоры суперкомпьютеров...

— Осади, осади, Васильич! Не вскакивай, выпивши, на любимого конька! Поводья растеряешь, понесет тебя! Ты ведь сейчас не передовицу для очередного номера своих «Феноменов разума» выговариваешь. А в отношении слов твоего нового друга Льва Давидовича о «сокращенном европейском учебнике» и только что произнесенного комментария понимаю так: потому у нас все «по-черномырдински», с ног на голову и наоборот, бюрократически суконно-цинково, задом наперед... словом, открывай словарь Даля или трехтомник Афанасьева и все нелестные для русского характера пословицы-эпитеты оттуда черпай без устали! — именно потому, что в европейской традиции имеется основательный базис, позволяющий ровно, последовательно, не перескакивая через века и десятилетия, даже через считанные годы, двигаться в неумолимом эволюционном прогрессе, а у нас — вынужденное торопыжество. Это как две пушки: безоткатная с ровной скоростью снаряд за снарядом выстреливает, а которая с откатом торопится угнаться за такой подружкой, но принцип действия у нее такой, что очередной выстрел должен дожидаться возврата ствола на исходник! Вот отсюда — я уже не о пушке говорю — и анекдоты, являющиеся былью, о современном нашем оцифровывании. Постоянно нас попридерживает реверс-ностальгическое цеплянье за «прекрасное прошлое»... которое и было таковым, но ход Истории все человечество метлой глобализации подгоняет.

— Сразу, Андреяныч, видно матерого оружей-

ного и ракетного конструктора! Пример же с откатной пушкой просто великолепен: несколько слов — и все ясно-понятно... не хуже, извиняй великодушно, чем у Троицкого. Отсюда и загадка для народа: что такое «цифровая экономика» и зачем она потребна; объемы нефти и газа и так счетчики на трубопроводах выщелкивают исправно: они не китайские, но солидных американских и европейских фирм. Я же эту загадку на своей шкуре в почтовом отделении только что апробировал, потому сам себе глупых вопросов не задаю. Давай, мой друг, отойдем от дел наших скорбных хотя бы на часок-другой. Наполняй! За уходящий год! Ничего о нем доброго в голову не приходит, но — прожит и то хорошо. Будь здоров!

* * *

*От автора. Не то чтобы являюсь кондовым реалистом, но при написании своих вольнолюбивых сочинений на заданную тему постоянно держу в голове то ли свой афоризм, а может и прочитанное <неакцентированно> некогда в умной книжке: ни одна фантазия не создаст такого монстра, которого порой нам ненавязчиво подкидывает самая обыденная жизнь. Это не своеобразное *tentatio Dei* (искушение Бога, лат.), дескать, «мир наш полон радостных чудес, зеленеет лес...» и так далее из давней оптимистичной песенки.*

...Тем более, «в реализме вера не от чуда рождается, — писал Достоевский, — а чудо от веры». И такие чудо-монстры, как гласит наука психология, создаваемые фантазиями досужих людей — скучающих по замужеству перзрелых барышень или собственно литераторов фантастического жанра, — зиждутся исключительно на субъектах и объектах реальной жизни, но только в трансформированном виде: гипер- или гипомасштабированных. То есть выше себя не прыгнешь (даже спортсмены по части прыжков в высоту, например, легендарный советский Брумель, и то делают

это с использованием шеста...), не дано человеческому разуму придумать нечто, не имеющегося в объектах или законах материальной основы. Это с огорчением признают даже субъективные философы-идеалисты, тот же Шопенгауэр, наиболее далекие от диалектики и материализма.

Сказанное только что — не каскад красноречия, обычно охватывающего сочинителей на указанную, см. выше, тему ближе к завершению своего *орис'а*. Нет, это только пояснение к личной авторской манере: самые невероятные и занимательные сюжеты брать все из той же архиреальной жизни. Самое интересное, давно за собой замеченное: если «вставишь» в сюжет, тем более в фабулу, откровенную фантазию, то и чувствуешь себя во время написания *орис'а* и долго-долго после его опубликования несколько неуютно. Все мерещится: отыскался-таки читатель, а может и целых два, моего сочинения, оторвался от телека с футболом и сериалами, от зарабатывания деньжонок на замену автомобиля более престижным в их дворе, и на пропитание если останется что, взял в руки журнальчик или книжку, нимало дивясь, что есть еще досужие сочинители, главное — сам не разучился читать что-либо помимо рекламы <на авто> и двух-трехстрочных *e-mail'ов*, и осилил, хотя с трудом, мудроватый рассказик. И все мне мнится: вот читает, морща от непривычных умственных усилий лоб, некто *Н.* или *М.*, потягивает пиво, хрустит чипсами и в душе ехидничает, дескать, и я, кабы имел свободное время, не хуже бы нафантазировал... нет, сочинитель безгонорарный, ты мне, труженику ООО «Русский банан», правду-матку жизненную выдай на гора!

...Вот в таком опасении избегаю беспочвенных фантазий разыгравшегося вдохновения, но беру исключительно эту самую, востребованную <виртуальным> читателем правду-матку. Так и эпизод с перипетиями моего героя профессора *Игоря Васильевича* не с потолка взял, но услышал под самое окончание минувшего <футбольно-пенсионного> года от своего знакомого, по роду своего увлечения коллекционированием... впрочем, не важно чего, не популяризовавшего в наше

«предпринимательское» время свой домашний адрес, а потому абонирующего почтовый ящик. Посочувствовал ему, пожелал в наступающем году все же одолеть почтовую цифрофрению. Уже в новом году опять же случайно встретил коллекционера в преддверии весны. «Ну как,— спрашиваю его,— одолел тружеников Наркомпочтеля?» — «Куда там,— обреченно махнул рукой,— уже и начальница почтового отделения забеременела, впрочем, от законного мужа, и неоновую вывеску над евродверью этого заведения соорудили, а со мною воз и ныне там. Все программа компьютерная продолжает выдавать несуразные цифры. С Мариной Витальевной с почтамта заочно почти что подружались, подолгу телефонные беседы ведем. Она меня жалеет, все сокрушается: терпите, мол, Борис Семенович, либо мы цифру победим, либо, по нашему обычаю, завершится горячка кампании, вернемся к бумажным бланкам. Вся-то недолга! Голос у Витальевны очень уж чувственный... эх, мне бы лет двадцать скинуть! На майские праздники слетаю в Израиль, навещу в Ашдоде дочь, внучат потетешкаю. Заодно на тамошнюю почту наведаюсь, поинтересуюсь ихними делами с поголовным переходом на цифру. Может что подскажу Марине Витальевне». — «А как же сейчас свои письма, бандероли и посылки получаете, дражайший Борис Семенович?» — «Да чего проще! Я намекнул свежесбеременной начальнице почты, что племянница моя — опытная врачиха-акушерка в областном роддоме, а та алаверды «в долг» разрешила пользоваться абонентской ячейкой. «До окончательного решения вопроса», — как она сказала».

Господа-товарищи! До чего же весело во все времена жить на Руси!

Литератор Дементий Анатольевич Омшанников, как человек алчно лавролюбивый, в период сумятицы 90-х годов ловко сумел выхлопотать квартиру в новопостроенном престижном доме, выправил себе чин полковника интендантских войск в запасе, полный набор отчеканенных в эти годы юбилейных медалей, купил по переписке за 500 USD почетный знак «Гражданин мира», которые фабрикуют на Сандвичевых островах веселые ребята из Одессы, словом, много достиг. А когда подняли в городе плату за квартиру, то замахнулся Дементий Анатольевич на звание тож гражданина, но не мира, а почетного гражданина города, которым квартплата отменяется. Обратился он за представлением в местный союз писателей, к которому приписан, но там его грубо послали подальше: сами, мол, еще не все почетные. Стал он похаживать по разным инстанциям, доказывая, что раз он уже гражданин мира, то, следуя правилам Аристотелевой логики, по закону импликации он автоматически должен быть признан и гражданином города. Везде его почтительно выслушивают, но разводят руками: дескать, нет на то инструкции сверху. Бюрократы! Только в милиции отнеслись по-деловому, сказали: еще раз придешь к нам, так мы повесим на тебя все нераскрытые дела за год и сделаем почетным гражданином Магадана. Лестно, конечно, но далековато.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЕВИК НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Из жизни коллекционеров

Фото из Википедии ©

*Гостинодворцы китайский товар
раскладывали и ожидали оживления
промышленности.*

М. Е. Салтыков-Щедрин «Сказки»

◆ В школьные годы Николай Андреевич, не отставая от сверстников, умеренно коллекционировал старые монеты и ассигнации, марки, значки, спичечные этикетки, пистолетные и иные гильзы, а если попадались, то и заряженные патроны, а став с шестого класса юным радиолюбителем, — резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности, радиолампы и только входящие в обиход полупроводниковые диоды и триоды, уже зовущиеся по-нашему *транзисторами*. Хотя, хрен редьки не слаще, последнее английское слово и переводится как полупроводник... Отец его Андреев, боевой морской волк, хорошо державший в голове годы борьбы с иностранщиной в русской речи, и привел ему пример этих двух горьких на вкус овощей, разъясняя, впрочем, тоже по-ловицей: «Назови хоть горшком, только в печь не ставь!» Поскольку же, как потомок скупых на слова староверов, на отвлеченные от обыденных и служебных дел интересы говорил только введя в поджарый свой организм пару-тройку стопок «злодейки с зеле-

ной наклейкой», что являлось крайне проблематичным в полностью «сухих» владениях Северного флота, к коим принадлежал ихний город Полярный, то и беседы со школьником-сыном случались редкими. Значит, следуя науке психологии, тем крепче и на всю последующую жизнь запоминались Николаю меткие и к месту определения отца.

Вот с таким почти трехмесячным перерывом — на Новый год, святое дело, мать выдала Андреяну заветную значенную бутылку горькой, а в самом конце марта месяца приехал с недельку погостить у родителей старший из пяти сыновей, уже живший своей семьей в не очень далеком, но уже с вольной продажей спиртного Оленегорске — наш шестиклассник накрепко затвердил два философских определения отца, на короткое время разговорившегося на отвлеченные темы. При употреблении иностранных слов вместо русских: ...умеренно (при детях же!) нецензурно, но в том наклонении, что, исключая ученые греческие и латинские слова, а также англо-голландскую военно-морскую терминологию, иностранщина в речи есть вернейший признак и показатель высокой степени природного тупоумия и близости к нашим предкам-обезьянам с их подражательными ужимками.

Прервавшись на тост за здоровье всех пятерых собравшихся сыновей (пили только двое старших, преступивших уже давненько порог совершеннолетия) и благополучное завершение прошлогоднего Карибского кризиса, Андреян закончил про иностранщину: «...Еще естественным представляется название вин: «Шато дэ икэм», «Абрау-Дюрсо»... опять же грузинский коньяк «Грэми». Словом, все не по-русски звучащие названия и иных предметов, завезенных из стран их изготовления. Но вот когда женщина, она же баба, щеголяет иностранными словами, обычно не к месту, то это как седло на корове!»

А в новогоднее разговенье отец разъяснил Николке самую суть коллекционирования: «Это с какого боку-припеку посмотреть. Вроде как и Плюшкин, которого ты по школе знаешь, а с другой стороны к частной собственности, которую в год моего рождения у нас ликвидировали, наблюдается склонность. Собирай лучше марки и монеты; будешь хорошо знать географию и историю, соответственно, — и, промолчав с полминуты, добавил, — впрочем, жадности в твоём характере не имеется, то есть, когда придет время за девками приударить, на том твоё коллекционирование и завершится».

Дальше Андреян перешел на личности, то есть в очередной раз вспомнил Виссариона* с Седловатого маяка, страстного коллекционера, выцыганившего-таки у него за неполную литровку казенного спирта золотую английскую гинею, что в войну подарил Андреяну британский лейтенант-переводчик Джеймс Лэнг на память о совместной службе на острове Торосе, что севернее Седловатого... мористее, как в тех местах говорят.

Из всех своих собирательств, исключая, конечно, радиолюбительство, которому он отдавал все свободное время, Николка наиболее серьезно относился к монетам и бумажным деньгам, ревнители которых на языке коллекционеров именуются нумизматами и бонистами, соответственно. По сравнению со всеми другими предметами собирательства это полагалось им наиболее солидным в глазах одноклассников и вообще знакомой ребятни. Одобрял и отец, отдав-

* Реальное лицо: Виссарион Попов. Один из строителей уникального звуко-светового маяка на острове Седловатом — на выходе из Кольского залива. Он же известный в стране в 60—70-е годы филателист, издавший обстоятельную книгу о почтовых марках, посвященных Северу. Автор смутно помнит его по раннедетским годам, когда семья проживала на Седловатом.

ший «на зубок» несколько царских и иностранных монет, собственно и положивших начало любительской коллекции. Из отцовых монет особо приглянулись ему серебряный полтинник РСФСР двадцать второго года и алюминиевый франк сорок второго года республики Виши маршала-предателя Петена с изображением гильотины, к казни на которой он и был приговорен судом после освобождения Франции, но де Голль человеколюбиво заменил ее на пожизненное заключение... Заинтересовавшись, Николка отыскал в районной библиотеке — тогда еще Полярный, а не Североморск являлся райцентром — пару-тройку книг по военной истории, прочитал их и впоследствии даже учительницу поражал своими познаниями в части Франции нашего века. «Вот видишь, — одобрял отец, — пятерки как с куста хватаешь, а всего лишь из-за одной монетки! Не перекладывай курса, следуй и дальше этим любознательным путем».

Как ни странно, но в сугубо военно-морском городе Полярном, в котором весь народ временно-пришлый, без местных корней, Николка собрал увесистую пачку ассигнаций, в основном, царские «синенькие», «зелененькие», «сашеньки» и «катеньки» разных годов печати, совершенно диковинные кредитки послереволюционных лет: «керенки», донские, советские времен Гражданской войны, колчаковские и вплоть до уездного махновского тисканья — все в номиналах от сотен до десятков и тоже сотен тысяч рублей. С такими же цифрами ассигнации — и откуда они здесь взялись? — Веймарской республики, то есть Германии начала двадцатых годов, и даже оккупационные немецкие марки как Первой, так и Второй мировых войн. На недоуменный вопрос сына о «хождении» среди пацантвы нашего чисто военного, заполярного и вообще основанного на диком месте всего шестьдесят лет назад города таких денег

Андреян и указал как раз на стопроцентно пришлое со всей страны население города: «Гм-м, впору ино-му особисту в штабе флота задуматься: что за мореманы у нас служат по своему происхождению, если с собой и на край света память о Колчаке, Махно, Керенском и белоказаках захватывают?» Николка усмехнулся на шутку отцову, но зато он прекрасно знал о происхождении кубинских купюр, причем исключительно в двадцать песо, размером под американский доллар, как знающие взрослые говорили, на которой во всю длину ассигнации живописно представлена высадка со шхуны «Гранма» на кубинский берег прибывшей команды Фиделя: все, кроме Че Гевары, с бородами, на плечах тащат американские пулеметы «кольты», сами перепоясаны патронными лентами — под наших революционных братишек явно косят...

◆ Двадцатипесовых кредиток у ребят столько водилось, что их использовали чем-то навроде междусобойной валюты. Старшеклассники — по бытовавшим в школе рассказам — и вовсе, собравшись на чье-либо квартире с отсутствующими домочадцами, играли в кинга, банкуя пачками революционных денег. При этом для шику хозяин квартиры, рослый одиннадцатиклассник*, обряжался в отцов мундир капитана первого ранга, на стол ставил бутылку рома того же происхождения, что и кредитки, и все игроки дымили настоящими «гаванами», что с прошлого года продавались по тридцать пять копеек штука во всех табачных отделах и киосках страны... В Америке же их контрабандная цена за одну сигару взлетела до пятидесяти-ста долларов. Дави их, империалистов!

...Происхождение же такой инвалюты связано с

* Имеется в виду «хрущевская» одиннадцатилетка, упраздненная в 1966 году. Никита Кукурузник ее собезьянничал после поездки в США. Нынешние одиннадцать классов — оттуда же вывезены...

прошлогодним Карибским кризисом, когда весь Северный флот двинулся курсом на Остров свободы. В Полярном опустела Екатерининская гавань, обычно под завязку набитая подлодками, их плавбазами, торпедными и противолодочными катерами и другими «плавсредствами».

Размещенным на кубинских рейдах и пристанях военморам из Полярного и Североморска, как то принято на чужой, хотя и дружественной территории, флотские финансисты выдали половину месячного оклада в местной, свежеепечатанной двадцатипесовой валюте, на которую, кстати говоря, на блокаде Кубе купить было нечего... Как уже взрослому Николаю, молодому специалисту-инженеру, в его житье в Тулуповске рассказывал его старший коллега и приятель, служивший в тот кризис на Кубе сержантом на радиолокационной станции ПВО, даже не перевоспитанные еще Фиделем мулатки-проститутки манкировали деньгами с героической панорамой высадки с «Гранмы», а в полном отсутствии в стране парфюмерии брали за услуги с советских военных *компаньерос*, солдат и матросов, одеколоном «Тройной» из расчета: один непочатый флакон за визит.

Случилось так, что очередную зарплату в песо выдали чуть ли не в день, когда Никита и Кеннеди ударили — по телефону спецсвязи — по рукам и кризис упразднили. Команды же советских кораблей срочно собрали по бортам и отправили восвояси в Полярный и Североморск. Поскольку в школе учились в основном дети флотских офицеров, то вся неконвертируемая валюта и оказалась в руках однокашников Николки. Благо другого похода на Кубу не предвиделось... И у него завелось несколько двадцатипесовых, выигранных в пристенную стуколку.

Но вот монеты, в отличие от бумажных денег, Николка добывал, причем исключительно царские

серебряные и медные, в родной отцовской деревне Дворцы на берегу реки Угры, куда семья каждое лето приезжала на двухмесячный заполярный отпуск. Уже в день прибытия в избу младшей из сестер Андреевна Настасьи, овдовевшей в войну, от ее ребят Славки и Тольки о появлении Николки-коллекционера с Севера узнавали пацаны самих Дворцов, окрестных деревень Новоскаково, Ярлыково, Баскаково — все в воспоминании татарского времени — и самого райцентра села Льва Толстого, что все в округе именовали по старинке Тихоном; село было монастырское, Тихонова пустынь с недалеким отсюда освященным столетие назад целебно-спасительным источником, что доставляло хлопот районному начальству в двенадцатые церковные праздники. Хотя бы в самом монастыре давно размещались газетная типография, потребкооперация и ремесленное училище для подростков-инвалидов, а жители окрестных деревень происходили от двуперстников, старообрядцев-поповцев. Опять же про хрен и редьку...

И в первый же «киношный» день в ветхом новоскаковском клубе перед сеансом Николку окружала окрестная ребятня с монетами — от оббитого в игру расшибаловку малоценного увесистого пятака времен между первой и последующими революциями до уже заслуживающей внимания меди восемнадцатого и начала девятнадцатого века, уже не говоря о хорошо сохранившихся — в сундучной записке у бабок и прабабок, явно копившихся на черный день — рублевиках, полтинах и четвертаках с портретами царей от Александра Второго до тезки Николки с номером два. Попадались и более ранние, но без царевых парсун.*

* Из каких-то неясных соображений Александр Первый не разрешал размещать на монетах свой портрет и указание на его цареву должность; также поступал и его брат Николай Павлович... И Павел Первый парсуну не афишировал.

По деревенским меркам того времени Николка расплачивался щедро. Сугубой малышне, запыхавшейся от бега и зажимающей в ручонках медяки, впрочем, порой и ценные, первых романовских царей, он с достоинством вручал новенькие — только что хрущевская реформа-деноминация прошла — пятикопеечники. Столько стоил билет на фильм в клубе. Ребятам посolidнее возрастом, своим ровесникам, за серебряную мелочь, пятак, гривенники и двугривенные, выдавал за каждую монетку, не считаясь с годами выпуска, по двенадцать копеек, на которые тут же в сельмаге, расположенном углом к клубу, покупался большой пакет сладкой воздушной кукурузы — слово «чипсы» тогда не употреблялось, — рецепт изготовления которой Никита Хрущев привез вместе с «кукурузной идеей» из недавнего путешествия в Америку.

За серебряные рубли, полтины и четвертаки, как царевы, так и советские двадцатых годов, Николка платил по номиналу: «рупь за рупь», полтина за полтину. Только за явно ценный екатерининский рублевик с портретом глубоко декольтированной императрицы парень из Льва Толстого, постарше Николки, поопытней в жизни, сторговался за два «рыжих», которые тут же со своим дружкой потратил в сельмаге на бутылку — 0,7 ординарного портвешка, а на сдачу — два пакета той же кукурузы. На закуску.

Андреян, разглядывая дневную добычу сына, одобрял снисходительно увлечение сына: «Главное, не увлекайся этим особенно, проявляй интерес к истории тех времен, когда эти монеты в ходу были. Как говорили в старину: мешай дело с бездельем — с ума не сойдешь!»

Вот с этим самым екатерининским-то рублём с бюстастой царицей в дальнейшей, студенческой жизни Николая (уже не Николки!) история обернулась самым неожиданным для него боком. Улита едет,

когда-то будет, но время для человека убыстряется со вступлением в активную фазу жизни, которая для Николки началась с триединого события: окончание школы, переезда семьи (хватит, повоевали, потрудились на благо страны в арктическом Заполярье, пора поближе к исходным родным местам возвращаться...) в среднерусский Тулуповск и поступления его в местный политехнический институт. Чем-то он приглянулся председателю приемной комиссии, потому с первого сентября и был определен на все пять лет учебы старостой *своей* группы.

Памятуя об отцовской рекомендации совмещать дело и безделицу, как основе психического здоровья, Николай на первом курсе был мастаком пошутковать порой. Так для хохмы повадился носить за лацканом пиджака серебряный Георгиевский крест, что (без колодки, но с крепящим колечком) в тех же Дворцах выменял на почти не тронутую ржавчиной, как то бывает в песчаной почве, немецкую каску, обнаруженную при рытье нового погребка во дворе Настасьиной избы. ...Надо заметить, что хотя уже два года как Никиту Сергеевича отодвинули от верхней власти за «волонтаризм и пробелелизм» (народ последнее слово произносил как *пробабелизм...*), но им самочинно дополненное словами «плюс химизация народного хозяйства» (это как сейчас *цифрoизация*) ленинское определение социализма, как советской власти и электрификации всей страны, еще отражалось во всем укладе жизни, в том числе в вузовских программах. Потому в обоих семестрах первого курса всех технических специальностей химия полагалась, наряду с математикой и физикой, одной из главенствующих дисциплин. И два экзамена по химии не одну честолюбивую мечту первокурсника сломали.

Николай по химии, равно и по другим предметам, *шел* хорошо, даже ближе к *отлично*. Зубрить по-девичоночь брезговал. Память и соображение от

природы имел отменные. Тем более — староста! А в те годы народоправия должность эта являлась не номинальной, не на побегушках, но полагался свой голос, наряду с куратором группы, на деканских совещаниях. В частности, только от старосты зависело давать или не давать на текущий семестр стипендию сомнительному по успехам в учебе сокурснику! Но когда молодежавый и уже осанистый по-профессорски, с вдохновенной копной вьющихся волос, убранных в пристойную академическую стрижку-прическу, доцент Борис Соломонович, зорко отметив серебряный крест, который Николай, отогнув лацкан пиджака, демонстрировал во время лекции приглянувшейся ему еще с сентябрьского, «ознакомительного» колхоза Леночке Самохваловой, мягким баритоном пригласил того в преподавательскую и начал внеучебный разговор о коллекционировании, то Николай, подумав о двух экзаменах по химии, дрогнул и сдался «без аннексий и контрибуций». На милость победителя.

К следующей встрече в преподавательской, из которой Борис Соломонович — мягким намеком, что-де учебный-то процесс идет! — выпроводил подчиненных ему ассистенток и лаборанток, Николай принес все свои монеты, уложенные в коробку из-под отцовского трубачного табака «Золотое руно». Отцепил из-за лацкана и серебряный крест.

...Как раз крест и екатерининский рублевик особо заинтересовали потомственного (в третьем поколении собираем русские монеты и награды, доверительно сказал Борис Соломонович) коллекционера. Как истинный педагог и профессиональный собиратель исторических древностей, велеречивый доцент не просто легко и без сопротивления выменял у своего студента крест и рублевик на монеты из принесенного им «обменного фонда» (Николаю было все равно какие, лишь бы посуху уйти...), но и хорошо поставленным лекционным голосом рассказал про

предметы, уходящие от Николая: «...Оба они, екатерининский рубль и Георгиевский офицерский крест, не подлинники. Но настоящие серебряные. И их *серьезная* коллекционная ценность от того не уменьшается. Даже наоборот, ибо выделаны они во время изготовления оригиналов. То есть это не фальшивка, не *новодел*, а значимый артефакт истории! Они у *серьезных* коллекционеров идут по специальной графе и зачастую украшают основное собрание артефактов. Взять вот крест — он офицерский, а это высшая воинская награда. Оригинал то ли потерян на поле боя, а может и запропастился в большом доме помещика, отставного ротмистра или полковника. Но ведь императорский указ в шкатулке лежит, вот и заказал он добротную копию у столичного или губернского ювелира.— Есть чем украсить сюртук на балу у предводителя дворянства!

Еще проще дело с *бывшим твоим* екатерининским рублем. Видишь вроде как крохотные полоски на аверсе и реверсе? Это значит, что монету не штамповали на Санкт-Петербургском монетном дворе, а выливали в примитивную глиняную или из иного жаростойкого материала форму, копирующую монету оригинальную. Так самодеятельные добытчики серебра «огосударствляли» свой незаконный промысел...»

Пожелав Николаю успеха в учебе и коллекционировании, Борис Соломонович внеслужебно поручкался с ним. На обоих экзаменах наш студент проявил отличные знания.

...История, следуя диалектике Гегеля, движется по спирали. Много лет спустя, Николай <уже> Андреевич, озаботившись поступлением сына в медицинский институт, где химия, наряду с биологией, суть главные вступительные препоны, а сын закончил школу с «гуманитарным уклоном», вспомнив о Борисе Соломоновиче, навел справки и узнал, что тот жив-здоров и вообще известен как главный в го-

Вызвали философа по долгу службы профессора Платона Сократовича Терпсихорова (в третьем поколении философствует, отсюда и погоняла такие...) к ректору. А там же и проректора по науке и учебной работе. Насторожился Терпсихоров.

— Уважаемый Платон Сократович! Конечно, вы ученый аж в Москве известный и педагог, что называется, от бога. Но... тут вот дельце щепетильное. Словом, есть жалобы на вас от родителей студентов, причем людей очень солидных: директор банка, председатель комитета из облдумы, полковник милиции, владелец сети супермаркетов «Ашехан» и кое-кто помельче.

— В чем суть претензий, Вадим Трофимович?

— Как бы это сказать поконкретнее... Словом, будто вы свои лекции основываете на устаревшей доктрине марксизма и даже Иосифа Виссарионовича цитируете. Как-то это не гармонирует с современными, прогрессивными веяниями.

— Понятно. Жалобщиков этих хорошо знаю. Все у нас когда-то учились, в те еще времена. Все у меня получали неуды за тупость и лень. Вот и мстят.

— Да-а, дорогой Платон Сократович. Какой-то вы нонконформист. В советское время позволяли себе намеки на догматизм самого передового учения; помните, как я, тогда парторг института, ставил вам на вид? А сейчас хвалите это самое, бывшее передовое...

— В точку попали, Вадим Трофимович! Это и есть действие закона отрицания отрицания, что и доказывает абсолютную истинность философии диалектического материализма.

Махнул ректор рукой безнадежно и отпустил с миром.

роде репетитор по этой дисциплине. Созвонился, поговорил на коллекционные темы, рассказал о своей докуче. Борис Соломонович обрадовался памяти о временах своей молодости, охотно взялся и довел сына Николая Андреяновича до поступления. Делай добро и оно всегда к тебе добром возвратится.

...С азбуки нам уже поздно начинать, или плохого князя и телята лижут, тем паче в наши век все подорожало, подешевела только совесть и все иные моральные качества современного человека, но все это многостраничное воспоминание в один миг обозначилось в голове доцента военно-технического факультета — по кафедре ракетостроения — Тулуповского университета Николая Андреяновича, в перерыве между лекциями «с окном» слетавшего на ближний Южный рынок с мотивированной целью: купить двухкилограммовый шмат соленого воронежского сала. С заполярной жизни уважал он этот продукт. Тем более, закадычный его друг, заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов с биофизического факультета их же «универа», как два пальца об асфальт, растолковал ему, что свиное сало, но только без мясной прослойки, есть самый безхолестериновый продукт, поскольку оно, сало, не имеет кровеносных сосудов, с которыми эта вредность попадает в человеческий организм.

Дождаясь в преподавательской начала «чрезоконной» лекции с темой о флаттере, то есть дрожании (это как восторженно озвученный СМИ о новопостроенном волжском мосте, что вздыбился и заколебался при сильном ветре) несущих плоскостей крылатых ракет, Николай Андреянович все вертел в руках всученную ему в сдачу за сало пятикопеечную украинскую монету с рюриковым стилизованным трезубцем на реверсе и с цифрой «5» на аверсе — очень схожую с нашим пятирублевым. Прекрасно он помнил, что в девяностые и двухтысячные годы,

когда на всех российских рынках добродушные хохлушки продавали нарасхват копченое сало и колбасу, они же всучивали в сдачу эти самые 5 *копійок* вместо схожих российских пятирублевиков покупателям из мужиков. Женщинам давать избегали, те слишком востроглазы.

Но сейчас-то, размышлял Николай Андреянович, когда с братанами-хохлами по указанию Великого глобализатора мы смотрим друг на друга только через пушечные прицелы, откуда на рынке эти *копійоки*? И сало на рынке токмо воронежское, хохлушек в помине нет... Но пришел к успокаивающему исследователя выводу: столько в свое время дружественной товароторговли пустили в оборот похожих на нашу пятирублевую монету *пятикопійок*, что уже наши покупатели вчиняют их отечественным торговкам, а те — в обрат. Словом, кругооборот воды в природе.

Прозвенел звонок, Николай Андреянович пошел рассказывать студентам, равнодушным ко всему кроме общечеловеческих ценностей, то есть долларов и евро, про явление флаттера у крылатых ракет и его сложное математическое описание.

♦ В то же самое время, пока Николай Андреянович, вертя в пальцах рук малороссийскую самостийную монету, бегло вспоминал свое детско-юношеское коллекционное увлечение (монеты и боны он давно раздал детям и внукам), его друг профессор Скородумов беседовал со своим деканом, только что вернувшимся из китайской командировки. Увлекающийся по своей доброй натуре декан делился впечатлениями от посещения Поднебесной:

— Жизнь кипит, почти на глазах на пустом месте целые города из небоскребов вырастают...

— Да-да, и мы помним из советского прошлого: «За ночь ровно на этаж подрастает город наш...».

— Что же поделаешь, дорогой профессор!.. Хо-

тя нет, и у нас сейчас строительство на большом подъеме. Только деньги готовь или в долговую ипотеку влезай. У них же как-то все по-другому, наверное, еще по-советски, по социалистическим принципам. У нас в СМИ об этом молчок, а китайцы, которых я спрашивал, ловко уходят от прямого ответа. Но главное, Игорь Васильевич, ведь не только небоскребы строят, но весь их миллиард с солидным лишком постоянно делом занят! Мастерской мира, равно как Англия в позапрошлом веке, Поднебесная стала; луноход ихний уже невидимую нам сторону Луны бороздит, атомный подводный флот скоро с американским сравняется. Это вам не фунт изюму... по-ихнему не кило арахиса! Все при деле... Энтузиазм стахановский!

— Оно и будешь всю жизнь при деле — на отсутствующую пенсию рассчитывать не приходится. Да оно и у нас сейчас так... серединка на половинку. Насчет мастерской мира все верно. Особенно в наших пенатах: уже гвозди с шурупами исключительно китайской штамповки. И в едалове тож подвижки в их сторону. Искусственный рис из отходов пластмассы вроде как у нас еще не продается, но вот на гречку, национальный русский продукт, покушаются. Я сам по утрам уважаю рассыпчатую кашу из нее, под котлетку, конечно, домашнюю. Но вот наемни супруга, по-женски польстившись на дешевизну, приобрела пару пачек, сварила на пробу, ем — чувствую явно не то, какой-то дикорастущий китайский гаолян... или чумиза?

Уже простодушный наш народ, безо всякого юмора и сатиры, житейски, не задумываясь, у продавщиц спрашивает, приценившись к чему-либо: «Это настоящий или китайский?». Я так размышляю, пусть трудолюбивые китайцы, нынешние наши вроде как союзники, хотя бы и показали свои зубы предупреждающе еще на Даманском, на меня не

обижаются... размышляю, сопоставляя и анализируя действительность. В отличие от Британской мастерской мира девятнадцатого века, плюс Германской последней его трети и начала двадцатого столетия, нынешний Китай завалил весь этот мир ширпотребом. Выделяя в особливую статью электронику, то есть массово тиражируемую европейскую, американскую, отчасти японскую технику на ими же поставляемом оборудовании (как у Маркса: вывоз производства в страны с дешевой рабочей силой), все остальное имитирует западно-восточные оригиналы и производится в трех категориях. Особенно в части одежды-обувки. Для стран «золотого миллиарда» все это фабрикуется из добротного материала на поставленном с Запада и из Японии с Южной Кореей оборудовании. Заводы этого товара с многотысячными трудовыми коллективами располагаются в уездных городах.

Не прошедшие строгий контроль по материалу или качеству изготовления предметы ширпотреба организованно перевозят в соседний заштатный городок или большое село, где в цехах попроще, чем на «материнской» фабрике, на простеньком оборудовании всю эту некондицию доводят более-менее до ума. Этот второй сорт отправляют в Азию, Африку, в Восточную Европу, включая наши бывшие «союзные социалистические». Самый же бросовый «некондишен» с фабрик и мастерских развозят по многочисленным окрестным деревням, где тамошний народ простейшим инструментом и приспособой клепают товар для российских купцов из-за речки Амура, которые и развозят его по всем блошиным рынкам бывшей 1/6 части земной суши...

— Эх ты, Игорь Васильич, все живописал! Сам сочинил или в газете какой либерально-оппозиционной подглядел? То, что китайцы всему полезное применение найдут, это еще Чехов, который Антон

Павлович, хорошо сказал: «Нет такого предмета, из которого китаец не приготовил бы обед...»

— Да-да, все верно. Но он, Чехов, там же и про евреев упомянул... но это не по теме нашего разговора. Так чем честь заслужил предстать перед вами?

— Не ерничай, Игорь Васильич, я по делу с тобой поговорить хочу. Поездку в Китай в группе исследователей в области биофизики, точнее биофизических методов в практической медицине и биологии человека, как нетрудно сообразить, мне «устроили» мои хорошие московские знакомые из научных кругов. Цель полагалась двойкой. Во-первых, сам догадываешься, после недавнего отлучения от Академии ее исследовательских институтов «академистам» самим приходится искать места и способы приложения их разработок, идей и прочая. Во-вторых, здесь все в струю попадает, то есть в недавно озвученную на высоком уровне программу усиления интеграции в экономических связях с Китаем, уже в СМИ получившую наименование нового Шелкового пути...

— Знаем, в сторону телевизора иногда смотрим: мы им газ, нефть, электроэнергию и дальневосточный лес, а они нам шмотье, гэджикки для недорослей и баб, а ... впрочем и все остальное, начиная от кровельных гвоздей, благо у нас уже ничего не клепают, только энергоносители и эрзац-жратву! Отменно они только что подзаработали на переходе нашего телевидения «от слов к цифре»...

— Эк тебя то вправо заносит, то, напротив, либеральничать начинаешь. Ты уж определись!

— Про либералов это не ко мне. Либералы как раз ратуют гнать сырье только на разлюбезный им Запад: *це есть Еуропа*, как сейчас хохлы на ту же тему размовляются. Еще китайцам позарез нужен транзит по нашей территории: на Запад все везти.

— Ну, извини, дорогой заслуженный профессор. Я к тому подбираюсь, что не так все просто и грубо

однозначно. Полагаются в этом Шелковом пути научные отрасли и наукоемкие технологии. Совместное самолетостроение, например. И нам надо подключаться к этим делам. Сколько у тебя, да и по моей части перспективных разработок! Я там у них только намекнул, сразу меня к окну подводят: видишь, мол, свежестроенный десятиэтажный домище? Хоть сейчас заселяйте своими, например, вахтовым методом; аппаратуру, какую пожелаете, из Штатов и Европы мигом доставим. Нам активные мозги, идеи перспективные, но только с реальным сроком внедрения в практику, вот как нужны! И никакой у вас принятой волокиты, бюрократии, «откатов» тем более — у нас чиновников за взятки расстреливают... не на повышение переводят. А? Каково, Васильич?

— На чем возу едешь, того и песенку пой.

— Это к чему выдержки из фольклора?

— А к тому, что музыку-то они, как работодатели, заказывать будут: может верхнее «си», а то и самое нижнее «до». Да еще с бемолями и диземами. Это я применительно к моей сфере интересов. Здесь практическое приложение, технологии, говоря уже въевшимся американским клише, равно может быть отнесено и к богоугодной медицине, но еще более к понятному какому, возлюбленному человечеством с пещерных времен, роду занятий. Притом особенно из всех этих занятий неразглашаемому. Вспомните, мой дорогой шеф, как в девяностые годы, когда, кроме новорусских дельцов и шестерок-бандитов, народ, в том числе и научный, вовсе потерял врожденную бдительность, время от времени сажали на приличные сроки, причем с общественной оглаской, московских и сибирских профессоров с приговором «за выдачу гостайны». И уже не с оглаской, но в своих научных кругах, где все друг друга знают, всплывала подоплека: якобы совместные с китайцами исследования по «технологиям двойного назначения». Даже

переданный «друзьям и братьям навеки» конспект лекций, что матерый профессор читает своим студиям уже полвека, мог послужить путевкой в узилище... Табачок-то врозь.

Мне лагерную феню осваивать поздновато, так что прошу не уговаривать меня сесть на верблюда нового Шелкового пути. Без меня как-нибудь. При всей моей советско-коммунистической убежденности и солидарности с социалистическим курсом нынешней Поднебесной. Хотя бы тамошние вожди и руководители уже поменяли сталинско-маоцзедуновские кители со стоячим воротником на европейские пиджаки и галстуки, а число их долларовых миллиардеров приближается к нашему братковскому. Да и не привычный нам социализм у них, а госкапитализм. Главное, «облико морале» совершенно различными традициям следует: у нас еще осязаемые отголоски проповеди Христа, да еще усиленные «Моральным кодексом» семидесятых годов; у них — конфуцианская обезличенно-прагматическая установка. Потому-то китайская подделка-фальшивка «под бренды» полагается ими нормой, а в нашем отечестве сейчас, конечно, сплошное воровство, спекуляция, надувательство и взяточничество, но хотя бы официально осуждаемое, главное — не принимаемое пока еще большинством «простого народа» (по антитезе, значит, есть и сложный?), как говорили в советское время. Сейчас же его именуют, как сплевывают через губу, — обывателями...

— Разошелся ты, Игорь Васильевич. Уже понял: Шелковый путь тебе не по пути, ха-ха-ха, извиняюсь за тавтологию. Хорошо тебе — за умеренную, правда, оплату — в свободном плавании находиться. А от меня все по восходящей начальнической лестнице планов громадье требуют. Дескать, спущена сверху директива Шелковый путь торить — будь добр-стать телодвижения проявлять! Тут уже и

стихами заговоришь. Главное, был бы толк-то? Это только в старину поговорка сбывалась: за богом молитва, а за царем служба не пропадет!

Под конец рабочего дня Скородумову позвонил Николай Андреевич; просто и без затей поинтересовался текущими докуками. Не забыл упомянуть о всученном ему на рынке самостийном пятаке со стилизованным рюриковым трезубцем. Опять же безо всякого умысла сказал... надо же о чем-то с приятелем говорить для вежливости, если прошедший день оказался серым и скучным. На безрыбье и рак рыба, то есть и незалежная монета суть деньга. Как-то в голове Игоря Васильевича, очевидно тоже от скучности завершившегося трудодня, нейроны и синапсы вдруг замкнули три совершенно разнородные предмета: Шелковый путь, детско-юношеское увлечение друга Андреевича коллекционированием и скорый день рождения давнего приятеля. Замкнуло — и зачем-то застряло в голове.

◆ До дня рождения Николая Андреевича, хотя и не «датского», не круглого... даже не полукруглого, друзья встречались дважды: оба раза, как повелось, в маленьком, но уютно обставленном кабинетике профессора Скородумова в корпусе биофака. Даже не то что повелось, но, как определил записной щегольский латинист Игорь Васильевич, *necessitatio practica* — необходимость заставила: в университетский корпус военно-технического факультета, где состоял доцентом кафедры ракетостроения Николай Андреевич, у мирного по роду занятий Скородумова допуска не имелось.

В первую из этих встреч, назначенную принимающей стороной и вовсе по малозначащему поводу — профессор, страстный библиофил, похвастался своим новым приобретением, староизданной книжкой модного во второй половине девятнадцатого века публичного философа Бокля о роли женщин в нау-

ке,— Игорь Васильевич, вспомнив о давешнем украинском пятаке, перевел разговор на известное ему увлечение собеседника в детско-юношеские годы коллекционированием монет.

— Было дело,— усмехнулся Николай Андреевич,— тогда все ребята что-то собирали. И я не отставал. Все в прошлом нашем славном, увы, быстротечном. Раздал я свою любительскую, скромную коллекцию детям; теперь вот, если что в руки попадет, внуков-дошколят приобычаю. Для будущих успехов в истории и географии, хотя бы сейчас и переведенных в бездушную *егэфско-тестовую* систему...

— А дозволю полюбопытствовать: откель и что это самое... в руки попадает?

— Да все современные иностранные, преимущественно курортных царств-государств навроде Таиланда, Лаоса, Египта, Турции... Сам знаешь, бабы, те же наши доцентши-преподши, с конца девяностых годов повадились летать на эти импортные курорты. Как понимаешь, не из-за каких-то там достоинств такого отдыха, но исключительно по принципу тусовки, как мы с тобой это называем: мол, Верка по два раза в год *лётает*, а я чем хуже? И давай своего мужика теревить. Тому бы весь свой отпуск и дарованные партией и правительством десятидневные «рождественские каникулы» провести от трудов праведных в умеренном запое, на худой конец в диванной лежке перед телевизором (а у «ходовков» свой интерес...), а тут его в Турцию тащат. Что он там не видел? Турок что ли? Так сходи на ближайший к дому рынок — какого угодно фасону физиономий узришь!

Словом, Васильич, как *слётает* на «боингах» — советские еще «илы» и «тушки» давно уже поизносились, а новых не клепают — наши факультетские бабенки, чьи мужики с деньгой, в Азию-Африку, а то и вовсе на Кубу и доминиканскую часть Гаити,

так меня в презент и одаривают монеткой-другой... Как говорится, полетели за море гусыни, а прилетели — тоже не лебедушки!

— Это из каких-таких соображений они презентуют? У ихней сестры все по умыслу делается!

— Забыл, герр профессор, о природной их слабости: любви к детям, и своим и чужим. И подавать-то мне инвалютой стали после того, как обмолвился о приучении внуков к нумизматике. Доцентши это дело одобрили: пусть сначала для игры денежки собирают, а подрастут — будут на жизнь уже настоящие бизнес-деньги копить. Вот их будущие жены и тещи-то довольны будут!

— Логично,— отметил Игорь Васильевич, хотя бы в наличии у женщин логического мышления сильно сомневался. Даже специальную философско-психологическую монографию на эту тему написал и в столичном издательстве опубликовал в начале двухтысячных годов, когда гендерной толерантностью еще не задолбали...

— А скажи, Андреяныч, когда в руки монетки эти берешь, не бьется сердчишко страстью бывшего коллекционера?

— Ну как же, воспоминания детства-юности и все такое. Нахлынет теплом, хоть на миг да отвлечешься от суконно-цинковой нашей действительности, когда божиться не велят, а лгать заказывают. Но — всему свое время; той первозданной радости и волнения сердечного от обретения новой монетки уже не вернешь. Как ты это на излюбленной своей латыни говоришь о быке и Юпитере?

— *Quod licet bovi, non licet Jovi*, Андреяныч, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру. Это ты верно заметил. «По закате солнца денег не считать», — бабуся моя говорила.

Все он подводил приятеля к какой-то цели, неосознанно для себя:

— А что, Андреяныч, собирая в отцово́й деревне и окрест ее царские рублевики и полтины, серебряную и медную мелочь, небось постоянно держал в голове, еще мальчишечье́й вихрастой, такую цацку заиметь, чтобы и ноги от восторга подкосились, а?

— Конечно, и мечты имелись. Я ведь не бездумно, как тот же Плюшкин, о коем мне отец напоминал к случаю, скупал или выменивал монеты, а читал на эту тему, о денежных системах, о редкостях, все, что на глаза и в руки попадалось.

— Наверное и про константиновский рублевик слышал?

Николай Андреянович, в этот миг багодушеествовавший и подносивший к губам чашку с чаем (в эту встречу пился только чай; хозяин кабинета иронизировал, дескать, зарекся и закаялся пить — от воскресенья до поднесенья...), остолбенело выпрямил, как ефрейтор в парадном строю, голову, надав при этом подбородком по чашке, часть содержимого которой горячей струей плеснула ему же на правое колено.

— Ты чего, Андреяныч? Не в то горло пошло? Оно и понятно, чай не коньяк, организм противится, — рассмеялся Скородумов, увидев, что вреда здоровью друга нет. — Так почто встрепенулся-то?

Николай Андреянович, оставив на стол досадливую чашку и вытирая-промокая брюки на колене услужливо протянутой хозяином бумажной салфеткой, исподлобья взглянул на недоумевающего Игоря Васильевича, промолвил глухо, как обычно говорит тот, чью затаенную мечту походя зацепили неосторожным словом:

— Откуда про константиновский рубль знаешь?

— Здрас-сьте не запылившись! Что я по-твоему полный ботаник, как нынешнее подрастающее поколение выражается? Хотя и служу профессором и на биофаке, но интерес свой тычинками-пестиками... ну-у

Срочно собрался совет директоров ПАКБ (патриотического акционерного коммерческого банка) «Наше дело правое». Слово взял председатель:

— Господа-товарищи! Из администрации области получено предписание: провести учение на случай теракта. Итак, ваши действия, Акинфий Ионович и Серафим Демьянович? Изобразите в лицах и действиях.

Мигом бросился Серафим Демьянович к общаку банка и начал набивать купюрами карманы, а Акинфий Ионович мигом ухватил его за фалды фрака, оттаскивает от денег.

— Ну-у, что вы такое делаете?! Это же несерьезно, по-детски как-то — озорничать развел руками председатель ПАКБ, — никакой жизненности. Террористу не деньги нужны, а заложники. И вряд ли он во фраке на дело пойдет.

— Вы нас не поняли, Дормидонт Казимирович, это Серафим Демьянович изображал служителя банка, бросившегося спасать общак, а Акинфий Ионович в роли террориста препятствовал этому.

Совсем озорчился председатель, махнул рукой, дескать, как друзья вы не садитесь, в музыканты не годитесь... Отпустил он коллег, а сам на всякий случай пересчитал деньги в общеке. Увы, двух пачек по 10 000 USD не хватало. «Молодцы, ребята!» — восхитился он, позвонил в охрану, задержать и обыскать двух директоров, а затем набрал номер племянника: «Ну что, Егорка, твоя выдумка сработала. Видно, делу учат в Гугенхеймовской школе бизнеса. Так что с понедельника вступай в должность в ПАКБ.

...Через год племянник кинул дядю по полной, с доставкой в СИЗО. О времена, о нравы!

и коньяком дагестанским, почти неподдельным, как тебе хорошо известно, далеко не ограничиваю. И много чего другого в жизни повидал, услышал. А если интересует конкретика, то отвечу: когда в Ленинградском университете — после нашего с тобою политеха тулуповского — математику изучал, что же мне в Эрмитаж зазорно было сходить? Там в нумизматическом отделе и видел этот рублевик. Да еще экскурсоводша про него рассказывала. Мол, эту редчайшую монету Эрмитажу, то есть музею в своей собственной *квартире*, подарил царь Александр-Освободитель. А ты тут чай, хорошо на свои же брюки, расплескиваешь от возмущения, что не сам-один только знаешь об этой монете. Да-а, типичная, как говорят профессиональные психологи, фрустрация, то есть фактор перенесения объективации, коллекционера! Ладно, обиды не таи, извиняюсь, что прямо в твою хрустальную мечту попал. Неужто со школьных лет про него знаешь? Расскажи, словом, не во гневе твоей милости, не в зазоре твоей чести, как кто-то из классиков изрек.

Николай Андреевич, вытерев коленку, справился с совершенно невольным порывом, сам рассмеялся живучести психологии хотя и давно бывшего, но все же коллекционера. Допив нерасплесканный из чашки чай, неторопливо поведал о жемчужине русской нумизматики:

— Узнал я о нем, о рублевике Константина, несостоявшегося российского императора и самодержца, как ты верно угадал, еще в школьные лета. И как ты — в Ленинграде. Правда, под окончание этих чудесных, как в песне, школьных времен. А точнее — в последний год правления Хрущева, когда я перешел в десятый класс. Но Никиту Сергеевича подвинули с поста, вернее, со всех его должностей, осенью. Летом же наша семья в последний раз ездила в отпуск в отцовские Дворцы, ибо год уже

моего окончания школы, хрущевской же одиннадцатилетки, был прощанием с Севером и переездом всего семейства в Тулуповск — на Большую землю, как говорят в Заполярье.

Для приобщения своих детей к «цивилизации» Андреян чередовал маршруты поездок, то есть выбирал поезда, следующие или через Москву, или через Ленинград. Там и этак брал билеты на продолжение пути с расчетом побольше часов пробыть в столицах, поездить на экскурсионных автобусах. В этот год дорога лежала через Ленинград. На правах почти что взрослого десятиклассника, оставив родителей и братьев меньших на Московском вокзале, часов пять, благо стоял прекраснопогодный июнь месяц, гулял по Северной столице, ориентиром держась Невского проспекта, Васильевского острова и Петропавловской крепости. Пришвартованной к набережной «Авроры» тож. В исторической части Ленинграда не заблукнешь.

Понятно дело, не обходил книжные магазины, особо выискивая, как радиолобитель, популярные брошюры по этому славному делу. А на книжном летнем развале около магазина академической литературы на Васильевском острове, около университета, в котором ты, друг мой, попозже годами математику постигать станешь, обнаружил свежеезданную тоненькую книжицу в мягком переплете под названием «По следам одной редкой монеты». Издана здесь же, в Ленинграде. Она и по сей час у меня сохранилась, а из уважения к ней и к ее автору, еще учась в политехе самолично и любовно переплел — одно время увлекался этим мастерством. По глазам твоим и мимике вижу — догадался, что книга эта о константиновском рубле.

— Давай, давай, Андреяныч, заинтересовал. Потом и книжку эту мне для саморазвития на пару дней занеси.

— ...До поезда еще уйма времени, потому на Стрелке Васильевского, заметив летнее кафе-мороженое, сел за выносной столик и начал читать. Не хуже чем детектив! — За полтора часа внимательнейшим образом прочитал. Трижды к прилавку подходил и брал посудину со вкуснейшим развесным мороженым — как будто вчера помню: одно с черносмородиновым вареньем, другое с малиновым джемом, а третье с ванильной шоколадной крошкой. У нас в Полярном, увы, мороженое не делали. Не до того на Северном флоте в разгар «холодной» войны после хрущевской кузькиной мамы с ООН-овской трибуны было... Не до того, Федя, не до того!

История же с рублевином Константина достойна пера Конан-Дойля и Эдгара По. Но только не современных детективщиков: не по Сеньке шапка. Их уровень — менты, их друзья бандюганы, проститутки и олигархеры уездного масштаба. Словом, по Салтыкову-Щедрину: не задевать персон чином выше коллежского асессора. А в истории с константиновским рублем действующие лица суть цари, великие князья, министры. И ареал действия — от Петербурга до Нью-Йорка. Тем более все оттенки чувствований и прочей психологии: от подхалимного угодничества (знает лиса чье сало съела) министра финансов, подольстившего Константину, на самом деле вовсе не собиравшемуся отказываться от уютного места заместителя в Царстве Польском и занимать хлопотную должность Царя Всероссийского, приказавшего отпечатать полдюжину пробных рублевинов с профилем Константина, до интересов великих князей нумизматов, опереточной серьезности высокопоставленных инициаторов подделок и мышиною возни европейских и заокеанских спекулянтов. И все это накладывается на восстание декабристов с междуцарствием в пару недель между братьями Александром и Николаем и братальником же Константином, кото-

рому сгоряча после смерти Александра присягнула царская семья и вся Россия... Окончание же с похождениями рублевиков — революционные события семнадцатого года, расстрелы великих князей, эмиграция... Впрочем, какое окончание, если время от времени «потерявшиеся» рубли хоть и редко, но всплывают на самых солидных аукционах! А может и всеми забытые лежат по пыльным углам.

...Во все время страстного, увлеченного монолога Николая Андреевича профессор Скородумов несколько удивленно всматривался в восторженное лицо друга, как бы что-то оценивая про себя. Такое выражение оценки-настороженности бывает у подростков при игре в чет-нечет, она же орел-решка, коль скоро речь идет о нумизматике. Но еще более внимательный, явно не гармонирующий с детективной темой, взгляд Игоря Васильевича можно было отождествить с опытным врачом, стетоскопом прослушивающим сердцебиение у пациента: как оно, сердце-то, выдержит интенсивную терапию? Или лучше побережь, обойтись щадящим, таблеточным? Да-а, сочувствовал профессор, опасно быть коллекционером!

...Расставаясь на уличной развилке, от которой обоим рукой подать до своих домов, профессор взял с друга слово, что в следующий вторник, день его рождения, будь-стать прибудет к нему в два часа пополудни: «Неудобно, конечно, зазывать именинника к себе, но к тебе в корпус, сам понимаешь, суровый вохровец не впустит. В компенсацию за неудобство — фуршет за мной!»

♦ Оба приятеля до причисления к лику вузовских работников («Пора на пенсию, в Сенат!») трудились в военно-промышленном комплексе. И познакомились, сдружились в знаменитом тулуповском Конструкторском бюро (ныне покойного) академика Гусаква — оружейника с мировым именем. Потому были людьми дисциплинированными и обязательными.

То есть аккурат в следующий вторник в начале третьего часа Игорь Васильевич поздравлял приятеля в своем уютном кабинете с очередной прибавкой, увы, не оклада или пенсии, но в возрасте.

— Мы с тобой, Андреяныч, не барышни на выданье, годами не пристало нам считаться, тем более огорчаться. Тем более, они не деньги, что легко занимаются, но натужно отдаются, наоборот, «мои года — мое богатство», как поет, вроде бы до сих пор, грузинский певец. Это тот хрен, что после «пятидневной войны» за Цхинвали публично отказался от советского еще ордена. Давай, присаживайся к моему скромному достархану с почти неподдельным «дагестанским»! Поговорим неторопко пару часиков — извиняюсь, мне к четверем в главный корпус: позвонили с утра, велели прибыть; «диссерный» совет по кибернетике, в который вхожу, срочно проректор по науке повелел собрать: будет нас упрекать, что за последние три года всего одна кандидатская защита. А совет-то при чем, если оболтусов в аспирантуру на аркане не затащишь. Окончили «универ» — и в хакеры деньгу зашибать! «Ботаников» и наивных радетелей науки уже не осталось. Тем более никто не помышляет о будущем доцентстве и профессорстве. Как Маяковский скандировал про добычу радия, что в грамм добыча, в годы труды. А добыча-то, то есть должностные оклады, поменее чем у дворников-гастарбайтеров, а из русских — магазинных охранников-бездельников и кассирш. Ну-у, господь с ними со всеми от гастарбайтеров до проректоров, а вот тебе, как ракетчику, мой именинный презент: прижизненное издание сборника работ Жуковского по воздухоплаванию. Почти год, как приобрел в «Буккниге», держал для тебя, утаивая!

Приняв восторженные слова благодарности Николая Андреяновича, не хуже профессора Скородурова любителя и коллекционера печатных первоис-

точников, хозяин разлил по первой, заздравной, добавив скороговоркой как-то безотносительно, что подарок его скромн по нынешним утилитарным, вещественно осязаемым временам, но до заката дня еще далеко, а судьба порой неожиданно преподносит *всевозможные сюрпризы*. И совсем пропустил именинник, занятый бутербродами с красной икрой, кумжей и грудинкой натурального копчения, мимо ушей некие отстраненные от события дня рассуждения Игоря Васильевича, как будто самого себя убеждающего, на тему антистрессовых свойств умеренно выпитого коньяка. Тем более, под хорошую, калорийную закуску.

— Какой, какой-токой стресс? — заинтересовался было Николай Андреич, но приятель, сообразившись неуместностью сказанного, тотчас перевел разговор на другую тему, только заметив, что стресс есть палка о двух концах: от огорчения и от сугубой радости.

— ...Так канадский немец Ганс Селье, создатель науки о стрессе и дистрессе, объясняет, — пояснил по-профессорски Игорь Васильевич, — говоришь, внучки твои детсадовские тебе ко дню рождения картинку нарисовали цветную: «Дед Коля — машинист паровоза»? Ну да, у тебя ведь супруга учительница рисования, знает, как направить неумелую еще детскую руку с карандашом или фломастером...

Без десяти четыре пошабашили, вышли на улицу, в пару минут дошагали до соседствующего главного корпуса, на углу обменялись парой слов на росстанях:

— Ну, именинник, ты ведь по проспекту пойдешь?

— Конечно, знаешь же, что напрямки по проулкам сейчас сложно из-за стройки-«вставки» пробираться.

— Давай, иди. И мне пора пред светлые про-

ректорские очи с нарочитым (сам все понимает — труба дело с аспирантами) гневом.

И добавил шутливо:

— Много не пей дома, ведь завтра трудодень! — Тем не менее для приличия топтался на углу корпуса, вроде задерживая друга. Наконец, еще раз пожав руку приятелю, развернулся и неторопливо пошел к входу в главный корпус, но боковое зрение все же отследило удаляющегося Николая Андреяновича. Даже увидел, что того остановил (закурить или мелочи попросил?) некий бомжеватый мужичонка. Действительно, в четыре часа проректор собрал для административной вздрючки совет.

Придя после проректорского разноса домой, профессор Скородумов имел вид рассеянный. Явно не «стандартный» административный разнос являлся причиной этого. Ближе часам к восьми вечера все сдерживал откуда-то появившееся желание позвонить Николаю Андреяновичу, например, под предлогом «поздравить еще раз, но уже в семейном кругу именинника». Некие колебания в части интуиции его останавливали. Выручила, как то часто и бывает в практической жизни, жена:

— А вроде бы у *твоего* Николая Андреяновича сегодня день рождения? Почему не напомнил, ведь, небось, днем и отметили с ним это дело? Ну, ладно, *наберу* Ирину Станиславовну, давно не перезванивались, не виделись, поздравлю с именинником.

Почему-то заволновавшийся (ох, сам всегда не рад своей интуиции!) Игорь Васильевич спешно ретировался в санузел, в каковом издавна, еще далеко от драконовских антитабачных узаконений, привык устраивать перекуры. Супруга с мобильником в руке оценила воспитанность и деликатность мужа. Он всегда старался оказаться за закрытой дверью во время ее телефонных разговоров. Правда, она догадывалась, что такая деликатность в мыслях супру-

га инвертируется в как-то услышанную от него раздражительную фразу: «Бабский треп и сюсюканье по телефону даже в чем-то ненавистнее вечерних телевизионных политдебатов... и вообще дебатов в любое время суток». Она, снисходя к мужскому чудачеству, не обижалась. Как только за дверью «совмещенки» наступила тишина, он тотчас вышел и поинтересовался ходом празднования.

— Ой, даже по телефону слышно: веселье как на юбилее! Андреяныч твой *в ударе* полным, с приведенными внуками пляшет и хороводы водит, революционные песни поет. Ирина изумляется: чего дед разошелся, как будто премию в размере оклада получил...

Вся интуитивистская настороженность профессора исчезла. Сказав что-то непонятное жене про какого-то Ганса Селье, учению которого настоящий русский мужик, да еще заполярник по рождению, не подвластен, Игорь Васильевич совершенно успокоился, заблагодарствовал, с поощрения супруги выкупал за здоровье друга пару стопок коньяка из записки, прилег на любимый диван и продолжил начатое позавчера чтение антинигилистического романа Алексея Феофилактовича Писемского «Взбаламученное море». Даже не просил жену убавить громкость люто ненавидимой им телепередачи «Тимофеев уикэнд», — от имени Тимофей...

◆ Все же врожденно-воспитанная интуиция не подвела нашего заслуженного профессора. Она его и самого иной раз пугала. Настолько беспокоила, что даже написал и издал лет десять назад двухсотстраничную книжку, в которой, проанализировав все известные теории по психологии мышления, с использованием самой сложной конструктивной логики, информационных теорий и специальных разделов высшей математики («Это как ребусник Сеницкий — от Ильфа и Петрова — в своем алгеброиде путем очень сложного умножения и деления доказывает

преимущество советской власти перед всеми иными властями», — сам над собой иронизировал Скородумов) доказал, что интуиция суть «пересечение» в подсознании человека архаичного инстинкта и современного интеллекта. Как всегда, теория его оказалась пионерской, не имеющей прототипных гипотез и иных научных фантазий. Понятно дело, как обычно, это сочинение профессора, да еще с естественнонаучным доказательством, против которого не возражишь, вызвала глухое ворчание в академических кругах. Тем более, в заключении к книге Игорь Васильевич совсем непolitкорректно назвал теории нобелевских лауреатов прошлого сугубо по части инстинкта, а их авторов, Анри Бергсона с его «творческой эволюцией», Фрейда с доминантой сексуальности и, что более всего возмутило «академистов», *нашего* Павлова с его уклоном в рефлексологию, профессор Скородумов легковесно нарек «певцами инстинктивного в мышлении и поведении человека». Такое столичными «авторитетами» не прощается... ибо сами не смеют по своему реноме. Но Игорю Васильевичу было глубоко плевать на мнение «авторитетов» (не бандитских, конечно, но научных).

Главное, сочинив и издав книгу, профессор досконально разобрался в своей, пугающей его порой, интуиции.

Итак, интуиция последних дней в отношении друга Николая Андреевича не подвела. На следующий, послеименинный день уже в десять утра, едва Игорь Васильевич успел по приходу на службу (все *работают*, но только профессора и артисты гостеатров *служат!*) заварить чай, который и прихлебывал весь трудовой день, как случился звонок от Николая Андреевича. Черт-те что было в голосе доцента-ракетчика! Профессор даже восхитился таким серо-буро-малиновым сочетанием: хлестаковская говорливость, восторг студента, которому препод по

ошибке вписал в ведомость сто баллов, немислимо для серьезного человека перебивались на пониженной, шипящей от тайности октаве с некоей загадочностью. Через все сумбурное сообщение чувствовалась растерянность короля Лира и нескрываемый страх обрушившегося счастья, которое легко может перейти и в свою антитезу...

Ничего не поняв, а точнее списав главенствующий в голосе усталый восторг на вчерашние дневные и вечерние стопки коньяка, что активизирует сердечно-сосудистую систему, а также песни, хороводы и пляски с внучатами, Игорь Васильевич с прямотой римлянина рекомендовал изъясняться в правилах логики и синтаксиса. Фонетики тож. В ответ Николай Андреянович просил уделить ему часок времени (без продолжения вчерашнего фуршета) — у него на сегодня занятия только утренние.

В начале первого часа явился и сам вчерашний новорожденный. Выражение его лица и даже всей несколько коренастой фигуры вполне гармонировали с давешним телефонным аудиоотображением. Так псевдонаучно сформулировал профессор Скородумов, заинтригованный происходящим с другом.

Деловито, не спрашивая хозяина, вошедший, не успев еще поздороваться, дважды повернул вставленный в замок двери ключ, торопливо пожал руку профессора, опасливым шепотом с хрипотцой (все же вчерашний «дагестанский» сказался) спросил для проформы:

— У тебя в кабинете, Васильич, прослушки нет?

— Ты что, Андреяныч, телесериалов насмотрелся? Какая прослушка в нашем богоугодном заведении с марочной диетой? Я вот полгода не добьюсь у нашего электрика у себя в кабинете пару ламп на потолке — видишь как неоновые подмигивают? — сменить... нет, говорит ни единой на складе, кризис в мире и особенно в университетских финансах, а

ты — прослушка! Ладно, не огорчай меня бытовыми невзгодами, что случилось?»

Николай Андреевич, все же загородив своей плотной фигурой в неснятом нарочито пальто максимально возможную часть стен кабинета с подозрительными розетками, противопожарными датчиками на потолке и переходными коробками электропроводки, нагнувшись над столом, вынул из застегнутого на пуговичку внутреннего кармана пиджака какую-то подсобную, вроде как из-под наручных часов, старую обтерханную коробочку, раскрыл ее и, значительно — пан или пропал! Надеюсь, ты, Брут, не продашься красным комиссарам! — посмотрев глаза в глаза Игорю Васильевичу, с легким стуком и молча положил на край столешницы три рублевые монеты с профилями Петра Первого, Первого же Павла и... незнакомого Скородумову персонажа с округлой головой, слегка курносый небольшим носом, несколько вздернутым подбородком, зыбкого и с узкими бакенбардами. И только прочитав надпись по кругу «*Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. И САМ. ВСЕРОС. 1825*», очень серьезно посмотрел на тож встревоженного происходящим показом Николая Андреевича, несколько секунд промолчал, после предложил гостю снять пальто и присесть. Сам же немного поколдовал возле холодильника и «обеденного» шкафчика, поставил на стол перед Николаем Андреевичем стопку с остатками вчерашнего «дагестанского» и на маленькой тарелке бутерброд с сыром, настоятельно порекомендовал:

— Выпей на вчерашнее, сними напряжение и рассказывай.

Николай Андреевич подчинился авторитету старшего по званию и степени. После стопки лицо его порозовело, а речь «пришла к логике и синтаксису», как рекомендовал ему еще в телефонном разговоре Игорь Васильевич.

Директор департамента культуры и массовых развлечений Замухрайской губернии, бывший учитель физкультуры водопроводного техникума Турникетов в среду, как в бывший «партийный день», пополудни выслушивал доклады штатных доносчиков, а уже наутро вызвал ничтожнейшего чиновника-порученца Трудодеева:

— Ма-а-алчать! — С самого начала распекания взял Турникетов тон запугивания, — мне тут сообщили, что изволишь где-то подрабатывать, а?

— Так точно, Амвросий Поликарпович, жалованья не хватает, семья большая, деток учить-поднимать надо, а новороситеты нынче все платные. Супруга хворая, родители престарелые и жертвы позднего сталинизма...

— Хва-атит! Оклад содержания у тебя, Трудодеев, соответствует табелю о рангах. Ты что — сомневаешься в правильности социально-экономического курса страны? Ладно, работал бы по ночам там... дворником или секретарем на телефоне, а то вот что выдумал — карикатурами в газете занимаешься? Значит ты эти саржи с критикой нашего департамента малюешь?

— Никак нет, Амвросий Поликарпович, вас неправильно информировали. Я не карикатурой, а вовсе корректурой подрабатываю.

— Ка-а-кая разница! Карикатуры там всякие, корректуры! Все одно литература, а нам в департаменте литераторы не нужны, нам нужны исполнители.

Трудодеев уволился из газеты и устроился истопником.

◆ — Если, Васильич, сверхъестественного в мире не существует, то его бы следовало придумать...

— Ты прямо как Вольтер про бога говоришь! Может к делу, раз оно такое серьезное случилось?

— И я о том же. Вчера мы с тобой расстались у главного корпуса, не успел десятка шагов отмерить, как меня мужик вида б/у-4 притормозил...

— Заметил я. На пиво недостающий червонец просил?

— В том-то и дело — нет! На вид забудьга лет сорока, но по неухоженности и на полтинник с гаком потянет. Одет в помоечное тряпье, грязен, неумыт, тощий и сгорбленный, ростом метр-сорок с кепкой. Хотя запашком сивушным не тянет, но состояние явно похмельное. Нет, точно лет сорок ему, потому и отцом меня окликнул, дескать, помоги, отец, трубы горят, два дня с брательником квасили. Купи монеты серебряные, дешево отдаю — и протягивает в грязнейшей ручище вот эти самые три рублевика. И я, наверное, не хуже его, с горящими-то трубами: как увидел константиновский рубль, со школьных лет по той ленинградской книжке с цветными фотографиями, о которой ранее тебе рассказывал, знаемый — аверс, реверс, гурт,— так и ног под собой не ощутил. Все, мол, Андреяныч, хотя и умеренно, но допился! Глюки наяву пошли, пора завязывать! Но усилием воли вернул себя в чувство, перебивающимся от волнения и внутреннего нервного озноба голосом спрашиваю где взял. А у самого в голове одно предположение страшнее другого: ограбил музей или квартиру солидного нумизмата? Тут же себе «тпр-ру», какие такие в Тулуповске музеи и коллекционеры с константиновским рублевиком, что даже в советской Большой энциклопедии, на что уж серьезнейшем издании, именовался *уникумом*? А Эрмитаж и Исторический музей в Москве, где имеются эти уникалы, да еще вроде как музей в Ва-

шингтоне, явно бомжеватому собеседнику не под силу подломить...

Мужичонка же ссылается на бабкин сундук, что в его частном домишке-развалюхе в пригороде в подсобном сарае под всяким дровяным и железным хламом чуть не век простоял... только сейчас с братьями руки добрались. Главное, упирает мужик, бери задешево, отец, брат Петька совсем плох, помрет, не дай бог, без опохмелки. Бери кругом по четыреста рублей за штуку... домой мне нужно, братуха еле дышит, стакан-другой ему для поправления организма требуется.

Отсчитал ему тысячу двести, спросил — есть ли еще, или в бабкином сундуке только три этих наших? «Нет, — говорит, — еще другие имеются. Тебе сколько нужно?» Здесь я совсем перепугался, еще в какую воровскую передрагу влипнешь. Дал ему отмашку прощальную и заторопился, не оглядываясь, на проспект, где полуднее и затеряться от нехорошего взгляда в спину просто.

Пока домой шел, все мысли в голове путались: завязывались и развязывались. А что если правда заваленный хозяйственным мусором сундук бабкин или прабабкин, подгородней мелкой торговли-мещанки, что всю жизнь упрятывала в заветную укладку — детишкам и внучатам жизнь после ее кончины подсластить — серебряные рублевики? Ведь это как доллары в Америке все действительны, бумажные и монетные, сейчас — любого года выпуска, как их за океаном печатать и штамповать начали, так и при царях до самой революции: имеешь законное желание честно заработанный или украденный в базарной толчее серебряный целковик в кабаке пропить — так целовальник или половой халдей, не моргнув, с любой царской парсуной рублевик примут. Вот и складывала, совершенно правильно не доверяя ассигнациям — живет-то ведь как на вулкане! — бабка

или прабабка, увесистые серебряшки в сундучок... Да еще что по красивее выбирала!

Кстати вспомнив все из той же ленинградской книжки легенду, что-де один русский коллекционер якобы константиновский рубль вместе с другими бумажными, золотыми и серебряными деньгами получил, сорвав банк в карточной игре где-то за границей Российской империи, вроде как в Баден-Бадене. Или в каком другом курортном городке...

И почему бы этой тулуповской подгородней мещанке или третьегильдийной купчихе не попасться константиновскому рублевику — одному из тех двух-трех, что миновали музейные стенды? Тем более в суматошные годы революций и Гражданской войны?

Нет, Васильич, даже отметая ничтожнейшую вероятность попадания в бабкин сундук рубля-оригинала, все же наличествует, согласно все той же книжке, некоторое число новоделов-подделок, но ведь и они имеют высокую коллекционную ценность? Помнишь, не так давно рассказывал тебе о бывшем у меня фальшивом екатерининском рубле?..

— Почему эти монеты блестящие, словно только из-под штампа Санкт-Петербургского монетного двора... если, конечно, не новоделы?

— А-а-а, так это я их вчера, когда гости разошлись и в квартире все угомнилось, тайком, запершись в ванной, почистил их. Слишком уж грязноваты на вид были. Тем более, серебро со временем покрывается окислом-патиной.

— Откуда же умеешь серебро чистить?

— Забыл, Васильич, в школьные годы любителем-коллекционером являлся, свои монеты, что из отцовской деревни, чистил. Дело нехитрое: соды обычной на влажную тряпицу и несколько минут потереть — вот и засверкают!

— Да-да, вспомнил из литературной классики:

помещицы горничные столовое серебро содой чистили... а вот медный самовар в это же время лакей шлифовал до красного блеска толченым кирпичом. Ладно, серьезно к делу надо подходить, надо для начала проверить на серебро. Здесь сразу получим ответ: дальше что-то предпринимать или будешь с внуками этими рублевиками в ностальгическую расшибаловку играть.

— А как проверить? Помню, в моем коллекционном детстве как-то не сомневался в подлинности, но краем уха слышал: надо йода капнуть — высохнет, темно-коричневое пятно останется; вот еще обычной аптечной серной мазью пробовать — должно проявиться пятно черное.

— Андреяныч! В двадцать первом веке живешь... и кафедра химии в соседнем корпусе...

— Так как так?! Раскрыть константиновский?

— Зачем константиновский. Вижу — все три монеты из одного металла, как когда-то певали: «...Из одного куют металла». Поэтому «обналичим» только самый дешевый, если иметь в виду оригиналы, — павловский рубль 1796-го года.*

— У тебя знакомые профессора-доценты с химии?

— Зачем же их беспокоить и себя хоть чем-то выдавать. Мигом по универу разнесут: такие-то такие нумизматической спекуляцией занялись! Тебе это нужно? Мне — нет. Сейчас я своему аспиранту позвоню. Парень ловкий, мне его подкинули с кафедры информационной защиты, что также в соседнем корпусе.

Игорь Васильевич набрал номер:

— Приветствую будущего супершпиона-шифро-

* Заметим, что наши ученые мужи все же плохими коллекционерами были, ибо «павлик» 1796-го года по редкости и стоимости мало чем уступает «костик»...

вальщика! Ты на кафедре?.. Хорошо. Знакомые у химиков имеются?.. Замечательно, не надо мне объяснять в каких половых связях состоишь с этой аспиранткой, главное, чтобы голова и руки у нее из нужного места росли. Звякни ей — если на месте, а не дома, то перезвони мне сразу.

Через пару минут Скородумов откликнулся на звонок:

— На месте? Слушай, Вова, дуй незамедлительно ко мне — диспозицию здесь объясню... Клюквенной?.. А-а, в своем аспирантском столе про запас хранишь. Ладно, захвати. Я здесь с приятелем скучаю.

Порекомендовав остальные две монеты спрятать в давешнюю коробочку, рублевик с курносым (от него тот же профиль и у его сына Константина) Павлом Игорь Васильевич вручил примчавшемуся через десять минут Вове в обмен за пол-литровую бутылку уже известного ранее Николаю Андреяновичу настоянного на клюкве самогона — гордости аспирантского деда. Профессор кратко пояснил что требуется. Аспирант Вова отсалютовал, уверив, что в течение часа обернется: подруга Люда как раз по части неорганической химии упражняется на кафедре.

...Не успели профессор с доцентом распробовать до половины бутылку «клюквенной» по новому рецепту деда-умельца, для спокойствия душевного как бы забыв о предмете сегодняшней экстренной встречи, вернулся Вова и положил на стол монету и распечатку со стандартной программы анализа: в объекте исследования содержалось: $Ag - 0,00 \%$; $Sn - 89 \%$; $Zn - 11 \%$. После ретирования аспиранта («Больше заданий на сегодня нет, Игорь Васильевич? А то мне с Людой расплачиваться натурой надо...») профессор Скородумов соболезнующее поздравил перспективного игрока в расшибаловку и предложил «заиграть обиду» распитием «клюквенной» до донца, каковой приговор и был исполнен.

Николай же Андреянович, по характеру сочетание сангвника и флегматика, вновь обрел нарушенное было спокойствие души.

◆ Хотя и редко, но профессор Скородумов в дружеских посиделках с Николаем Андреяновичем нет-нет да подначит: «Симилёровым рублик-то Костин оказался!»

— Оловянным, безо всякого симилёра.

— Э-э, брат, давненько шашек в руки ты не брал, в смысле не перечитывал классику! В девятнадцатом веке не только дворяне по-французски *парлеву*, но отдельные слова и в разговорном языке использовались. Так и симилёровый от французского *simile l'or*; это по созвучию сам можешь перевести: первое слово одного корня с «симуляцией», а «лёр» — золото. То есть подделка под золото: из сплава меди и цинка. А со временем и на все остальные мошенничества и эрзацы этот термин перенесли, на то же серебро. О последнем ты, Андреяныч, как счастливый обладатель лжеконстантиновского рублевика, уже прекрасно знаешь: в основе поддельного сплава олово, как по цвету, твердости и особенно по удельному весу почти брат-близнец полудрагоценному серебру...

— Обижает, Васильич. Русскую классику хорошо знаю, не только по школьной программе перечитывал. А вот симилёра этого не встречал — иначе бы запомнил.

— Значит рассеянно порой читал. Вот тебе навскидку из «Бесов» Федора Михайловича: эпизод, когда душегуб-живорез Федька Каторжный рассказывает Ставрогину, что ограбил наемни церковь, сторожа-подельника прикончил, а скупщик краденного копейки сущие заплатил за «подбородник», то есть серебряный оклад с иконы Николая Угодника, дескать, «симилёровый он у тебя». Вообще говоря, хотя слово французское, но саму медно-цинковую, плюс чуток малый олова, подделку под золото узна-

ли в своих индокитайских колониях, где такой сплав по-малайски называется томпаком. Тоже в русском языке употребительное.

Я, Андреяныч, чего думаю про твои рубли? — Слишком уж точно подобран вес сплава и «заявленный» на реверсе и гурте монеты с указанием пробы. Я все эти золотники, доли* и пробу пересчитал в граммы — точняк под истинный вес натурального, что указан в твоей книжке про константиновский рубль. Получается, с одной стороны, дешевейшая подделка, с другой — точная выдержка веса с подбором большой внешней схожести с серебром указанной на монете пробы, искусственная патина старения... Главное, несомненная штамповка, даже надпись на гурте — видно, что точный «слепок» с оригинальной музейной монеты! 3-D-печать, как обезьянничают «с американского» наши СМИ, хотя бы есть совершенно аутентичный русский перевод: объемный.

И все это в части серьезных коллекционных монет, подделку каких даже нумизмат средней руки тотчас определит! Нет, Андреяныч, что-то здесь не то: не в коня корм... опять же забуддыга из подгородней деревни с брательником, у которого «трубы горят». Не то, друг мой, не то. Загадка сия велика и многозначительна. Времена сейчас опасливые и настороженные, так что пока остерегись одаривать внуков оловянными целковыми. Пусть подрастут; может иные ветры подуют. Еще посмеемся над простотой разгадки.

...Но разгадка пришла уже через три месяца после описываемых событий, треволений и несбывшихся надежд Николая Андреяновича, кстати где-то узнавшего случайно, что на Нью-Йоркском аукционе

* Русские меры для малых весов: золотник — 4,266 грамма (1/96 фунта); доля — 44,43 миллиграмма (1/96 золотника); меры с 12-ричным основанием: $96 = 12 \times 8$.

лет пятнадцать тому назад «гуляющий» по рукам константиновский рубль оценили в полмиллиона долларов. Не то что за себя обидно ему стало, не заполучил такую сумму деньжищ, но за отечество: такой уникум и за смешные деньги! Все-то Запад принижает, относящееся к России.

День исчезновения тайны явления оловянного клона редчайшей русской монеты пришелся на ласковую погоду окончания мая месяца. Николай Андреевич подходил уже к своему дому, как пересекся на углу соседнего с недавним своим знакомцем Егором. Был он помоложе нашего доцента, потому по отчеству рекомендовал не называть. Где-то с полгода назад Егор, содержащий в соседнем доме крохотную по клиентуре автошколу, помещавшуюся в квартире с пристроенной лестницей входа с улицы, где и сам владелец проживал с лохматой собачкой Жучкой (жена-стерва при разводе обобрала как липку, еле сохранил деньги на эту вот квартиру), остановил визуально знакомого соседа. Был Егор в легком восторженном подпитии, душа требовала собеседника.

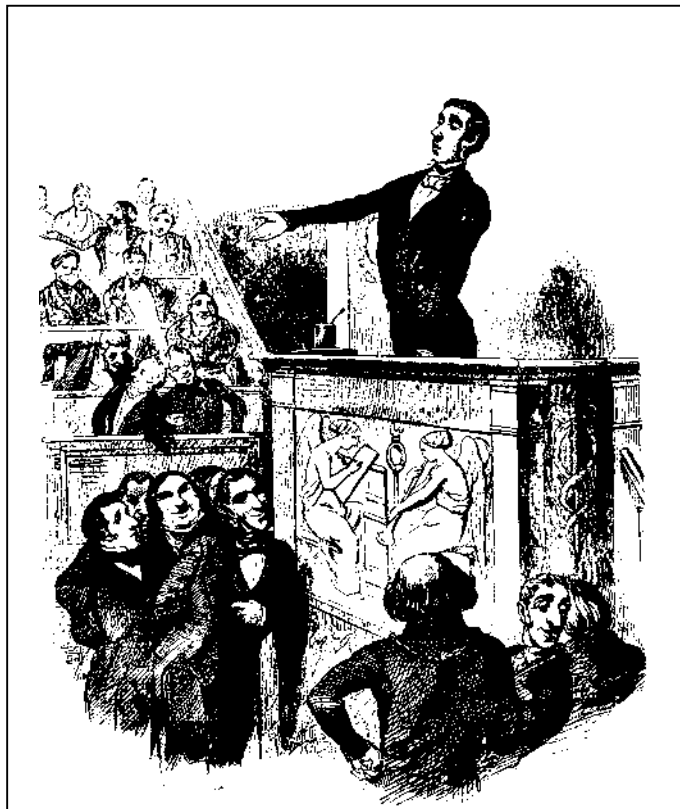
Поинтересовавшись краткой автобиографией и нынешним *status quo* Николая Андреевича, узнав о его заполярном происхождении и исторической родине городе Полярном, Егор пришел в неописуемый восторг: «Да мы же с тобой земляки! Я срочную морфлотовскую в Полярном же служил катерником, а после дембеля шесть лет, женившись на этой нынешней стерве, жил в Мурманске, работал на судоремонтном заводе. Это надо же где нам с тобой встретиться?!» И так далее, долго вспоминали северные места. Более всего Егор сейчас опасался скуки холостой жизни и малых доходов от своей автошколы. «Конкуренция здесь велика. Надо бы мне хорошую, серьезную бабу найти, а то прикладываться часто начал по вечерам. Опять же назавтра весь день кататься на машине: сам ведь себе и хозяин, и инструктор.

Сложно сейчас женщину-то найти. Хотя форму далеко не потерял, но как узнают, что автошколу содержишь, так им и мерещится начинают какие-то миллионы радужных бумажек!» И только запросившаяся домой Жучка развела двух бывалых североморцев.

И в позднемайский день «снятия печати» с тайны, как в апокалиптических откровениях Св. Иоанна, встретил Николай Андреевич знакомого Егора на том же углу и в таком же статусе: несколько выпивши, с Жучкой на поводке.— Явно серьезной женщины пока не обнаружилось.

— Что это, Егор, вечер почти, ты сам-двое с собачкой гуляешь, а по твоей «служебной» лестнице в твою квартиру какие-то бомжи входят как себе в дом?

— Понима-аешь, сосед, дела у меня с автошколой не ахти как идут. Сейчас всего четыре клиента, вернее четыре протипомы, которым их папки дешевые машинки купили. Вот и начал сдавать по вечерам, когда занятий у меня нет, в аренду «классную» комнату. Хм-м, интересный купец, молодой совсем парнишка, нынешний арендатор; говорит, для разгона в бизнесе откопал себе крохотную и необычную нишу: торговлю вразнос по своей сети китайскими поддельными коллекционными монетами. Я поначалу хотел отказать в аренде, мол, дело подсудное — фальшивомонетство! Но он, посмеиваясь, разъяснил. Китай сейчас в мире монополист в этом промысле. С помощью современных технологий штампуют настоящие подделки для «обувания» малоразборчивых нумизматов; то есть точные по весу, форме и так далее из настоящего золота, серебра, меди и так далее, как у оригиналов, фальшивки фабрикует малыми сериями, а то и под индивидуальный заказ — для таких же жуликов, только уже по торговой рознице. А чтобы уже готовые формы под изготовление еще доходы приносили — уже массово гонят дешевку, те же серебрянники из оловянных спла-

— Господа! С чувством невыразимого удовлетворения доложу вам: я открыл тайну зарождения жизни на Земле. Для прочтения ее следует среди миллиардов уток, гнездящихся на нашей планете, по неведомым признакам отыскать одну, дождаться пока она снесет яйцо, разбить его и вынуть иголку. Этой иголкой пошить мне фрак и отправить в Стокгольм за получением известной вам премии из рук короля. И тогда в научном докладе на вручении премии я открою истину.

вов. Они и вовсе ни под какую статью во всем мире не попадают: сувениры значит. Доходы, конечно, невеликие, но — с миру по нитке той же курочке по зернышку на прокорм. Плачу оптом где-то от ста до ста пятидесяти рублей за «серебренник», сетевикам своим отдаю по двести пятьдесят — триста, а они, уже сами с продажи свою долю получают. Рекомендую не более пятисот брать. — Чтобы даже близко к коллекционной стоимости не приближалось, а то при судебском усердии и к фальшивым делам могут привлечь! Сувениры они и есть сувениры. Распространителей из мужиков неказистых, лет сорока-пятидесяти набираю по объявлениям или на рынках отыскиваю. Учю их — под кого косить, как одеваться, в каких местах города промыслять, как наметанным взглядом потенциальных клиентов вычислять.

...Придя домой, облегченный от всех уже тайн и мировых загадок (не говоря о жизни на Марсе...), Николай Андреевич после ужина с доброй улыбкой смотрел на позапрошлогодний подарок профессора Скородумова — как выпускнику Северного флота, — висевший на стене жестяной китайский сувенирный кортик (цена 500 рублей в подарочной коробке), издали очень смахивающий на настоящий. И размышлял: «А ведь для своих-то военморов они из настоящей стали их делают!»

ЗАВЕРШАЮЩАЯ НОВЕЛЛА:

**НОСТАЛЬГИЯ ПО
НЕОЦИФРОВАННЫМ
ВРЕМЕНАМ**

ОТГОЛОСКИ ЛЕНД-ЛИЗА

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.*

«Прощайте, скалистые горы»
(сл. Н. Букина, муз. Е. Жарковского)

◆ Старинные знакомцы еще по инженерной работе в прославленном ракетно-пушечном Конструкторском бюро академика Гусакова, а ныне «ученые мужи» Тулуповского университета Николай Андреевич, доцент с военно-инженерного факультета, и заслуженный профессор-биофизик Игорь Васильевич Скородумов еще с утра созвонились встретиться по полудни на «нейтральной» территории. А иначе нельзя: Игоря Васильевича суровые охранники «пентагона» с режимной пропускной системой не пропустят к приятелю. Обратный визит Николая Андреевича на биофак осложнен еще более: заслуженность и многоостепененность профессора, вкуче с вольнолюбивым характером и сатирическим складом ума, нажили ему массу завистников и доносчиков, каковые качества суть врожденные у профессиональных «преподов». Вот вошел Николай Андреевич к приятелю, тот дверь кабинета на ключ... и не успел гостевую бутылочку коньяка из заветного шкафчика достать, а преподши уже по всем инстанциям называют: дескать, Скородумов опять нарушает «корпоративную этику университета»!

...К дьяволу их всех, лучше в рюмочной «Наливай-ка!» — со столиками, дерматиновыми полукреслицами и даже Тонечкой-официанткой. И еще: рюмочная ближе к середине пути между биофаком и «пентагоном», расположенными в крайних пунктах огромного университетского городка, — своего рода

демаркационная линия. Поди как удобно и равноправно по пешему ходу для встречи!

— За что по первой, Васильич?

— Понятно за совсем недавнее столетие комсомола. Будем здоровы!

Нащупывая тему сегодняшней беседы, отметили затянувшуюся до третьей декады ноября холодную осень, затем по русской привычке перешли к высокой политике, в частности, к новейшим веяниям и практике усиления строгостей в части табака, алкоголя и пенсий... Здесь спохватились, припомнив, что в доме повешенного о веревке не говорят, хотя оба успели еще по прежнему «тарифу» оформить свой пенсион, и наконец-то уловили тему. Николай Андреевич краем уха расслышал, как за соседним столиком молодые доценты с располагавшейся почти напротив «Наливайки» в довоенном еще постройки учебном корпусе кафедры автомобилей и автомобильного хозяйства, что-то свое отмечающие, так и сыпят названиями импортных марок. Явно по старинному нашему принципу: на работе о бабах, после работы — о ней самой. Слова «додж» и «студебеккер» по запутанным законам психологии мышления человека вызвали у Николая Андреевича, крайне далекого от увлечения автомобилями и частнособственнического инстинкта, странную ассоциативную связь:

— А знаешь, Васильич, ведь в следующем, уже не столь далеком, году некрутая, но знаменательная историческая дата: столетие начала практики ленд-лиза в мировых войнах. И в обеих она напрямую коснулась России, а потом СССР...

— С Великой Отечественной все понятно. Из школьной истории помним, да от отцов наших — ветеранов войны при их жизни слышали: свиная тушенка «второй фронт», кстати говоря, аргентинская, а не американская, грузовики «доджи», орудийные тягачи «студебеккеры», обилие вертких открытых

джипов «виллис», ну-у, английские самолеты «аэрокобра». Но насчет Первой мировой, она же Империалистическая, как-то не на слуху особо...

— Во-во, именно не на слуху. Что ж поделаешь, и у нашего советского, замечательного в основе, образования имелись досадные изъяны. Особенно в историческом плане, ибо история есть идеологическая дисциплина. Как сейчас Европа, особенно бывшие наши «братушки» по соцлагерю, начисто стирает у своих сограждан память о разгроме Советским Союзом Третьего рейха с его союзниками и сателлитами — в основном, теми же «братушками», но тогда еще не нашими, а гитлеровскими, так и в СССР гнобили «империалистическую», только и поминая ее как движитель предреволюционной ситуации.

— Но в общем-то правильно ее советская история оценивала. У России с кайзеровской Германией, тем более с Австро-Венгрией, накануне первой мировой бойни никаких взаимных притязаний не имелось. *Drang nach Osten* у немчуры еще умный Бисмарк, создатель империи, пресек, завещав никогда не воевать с русскими. В ту же Россию излишек германского населения еще со времен царицы Екатерины мирно перетекал квалифицированными, трудолюбивыми новыми подданными. К обоюдному интересу России и Германии. Опять же империя кайзера Вильгельма Второго сумела отхватить свою запоздалую долю африканских колоний; они также требовали обустройства и достаточного числа немецкого населения. То есть правильно, не в бровь, но в глаз, в советских учебниках истории без обиняков писали: Антанта «втемную», говоря современным приклатненным языком, использовала Россию в качестве пушечного мяса, в смертельной схватке сойдясь с молодым германским империалистическим хищником. Такому вовлечению России в мировую бойню, совершенно ей ненужную, способствовали первооче-

редно факторы: абсолютная глупость царя и его окружения, опыт всемирной интригантки-«англичанки» и капкан, в который Россию защелкнули долгами французскому Ротшильду, спровоцировав русско-японскую войну. Извини, дружище, что прописные истины напоминю...

— Напротив, герр профессор, кратко и аргументировано для зачина. Ведь и СССР во Вторую мировую втащила та же «англичанка» с подчиненной ей Антантой, но в другом обличье: вместо упавшей на колени перед фюрером Франции — мощная Америка. Сталин до последней минуты противился такому втягиванию. Понимая, что мудрого Вождя никаким боком не взять на жертвенные вилы, «англичанка» пошла другим путем: подтолкнула в чем-то тоже умного, но в сущности неврастеника фюрера к войне... и заодно к своей могиле.

— Так как с ленд-лизом в Первую мировую, а, Андреяныч? Давай ближе к теме, водка-то стынет!

◆ — Я так полагаю, дорогой мой профессор, что поставки в Россию Антантой в первую войну, а во вторую американцами, отчасти Англией с ее доминионами, стратегических материалов и продовольствия, того же «второго фронта» и сахара, было не неким доброхотством, как наши либералы всех времен верещат, но весьма умеренной платой за столкновение Российской империи, а потом Советского Союза лбами с немчурой. Не некая «совестливость», которая у империалистов по определению напрочь отсутствует, но сугубо свой интерес: ваши солдаты гибнут в итоге за наши, Антанты, потом США и Англии, интересы. В соответствующих документах о поставках на юридическом языке это и не скрывалось. Как-то в начале двухтысячных попалась мне в руки свежееизданная — в русском переводе — книга «Ленд-лиз — оружие победы» пера Эдварда Стеттиниуса, что являлся во Вторую мировую начальни-

ком американского Управления по соблюдению закона о ленд-лизе. Так сказать, «от первого лица». В качестве же приложения — собственно текст так называемого «Большого договора о ленд-лизе» между США и СССР, в котором прямо значится: все поставки имеют целью способствовать безопасности Соединенных Штатов. И никакой лирики и прочих благоглупостей!

В Первую же мировую, насколько знаю, сам термин «ленд-лиз» еще не употреблялся, но суть поставок России все та же: отвлекайте на себя Австро-Венгрию, а на северо-западном участке Восточного фронта и собственно тевтонов, а мы вам из британской метрополии и доминионов, из Америки караванами через Архангельск оружие, боеприпасы, мотоциклы для подразделений «самокатчиков», паровозы и рельсы, стальной прокат. В ту войну, когда кроме западных частей Польши и Прибалтики, собственно на русскую землю нога врага не ступала, продовольствия хватало своего. Впрочем, и всего остального. Вот и в нашем городе стахановскими темпами за год с небольшим построили завод по массовому изготовлению пулеметов «максим», коими и обеспечивали «без дефицита» русскую, а потом и Красную армию до самой Великой Отечественной. Смех и грех: за время «империалистической» для армии русские обувные фабрики поставили... 80 миллионов пар добротных кожаных солдатских сапог! Но до «позиций» даже четверти от них не дошло: новобранцы на остановках эшелонов меняли их на самогон (в стране сухой закон!) и табак. Матерясь, интенданты вновь обували разутых ребятушек-солдатушек, а на следующей станции все повторялось. В итоге к окончанию войны все мужское население России щеголяло в неносимой солдатской обуви.

...Но все же поставки шли, причем взаимные. Из России не только сырье вывозили. Те же противоба-

зы Зелинского для солдат Антанты поставляла Россия, очень быстро прореагировавшая на немецкий иприт и фосген: опять же за кратчайший срок построили целую сотню (!?) заводов производства химоружия; запасов хватило впоследствии не только Тухачевскому для потравы тамбовских мужиков, но и для вооружения Красной армии... И еще Николка-царь, мол, у нас мужиков много, да бабы еще нарожают, удумал для «поднятия боевого духа» союзников послать им в подмогу две дивизии: одну во Францию, другую на Балканы, на тамошний фронт против австрияков и турок в помощь грекам. Здесь, Васильич, и я по родственной линии оказался причастен: дед мой Андрей Третьяков по материнской линии, из архангельских крестьян, призвался в «французскую» дивизию, угодившую под самую верденскую мясорубку. Контуженного и травленного газами доставили в Архангельск с караваном судов тогдашнего «ленд-лиза». Всего неполный год и прожил, не дождался рождения моей матери...

— И что, разве только через Архангельск эти взаимные поставки шли?

— Да нет, генералы в императорском генштабе, в отличии от царя с его камарильей и «всемируководящей» царицы-немки Александры Федоровны, отличались сообразительностью, помнили: Белое море замерзающее, поэтому к шестнадцатому году за восемь месяцев проложили через карельскую тайгу и кольские Хибинские горы железную дорогу от Петрограда до одновременно с этим обустроенного города-порта Романов-на-Мурмане, ныне Мурманска. Из коих мест с незамерзающими по причине Гольфстрима Баренцевым морем, как тебе известно, твой покорный слуга родом и заполярным военно-морским воспитанием.

— Как менее чем за год? Это же почти полторы тысячи километров, да по тайге, по горам, а между

Петрозаводском и столицей империи — сплошь озерный край! Географию школьную хорошо помню.

— Я же говорю: наш славный Стаханов не первым в русской истории одиннадцать норм за смену выдавал... Что бы не говорили — впрочем, при разных властях разное — об отсталой России, ее якобы полной неготовности к войне, но ведь кроме, мягко говоря, недалекovidного царя с немкой-царицей, туповатыми великими князьями, всякой придворной распутищиной имелся работающий генштаб и очень расторопное управление тыла! Причем, если Брусилову, в определенном смысле повторившему суворовский переход через Альпы — здесь Карпаты, — так и не дали развить успех прорыва и занять Венгерскую равнину, как и Суворову союзники-австрияки воспрепятствовали с барабанным боем проследовать на Париж, то интендантство и управление тыла все порученное ему в войну выполнило в самые ограниченные сроки...

◆ — Перебью, Андреяныч. В памяти из школьной истории: вроде как строительство мурманской дороги связано с единственным за всю «империалистическую» восстанием в российской Средней Азии?

— Память тебя, Васильич, не обманывает. Поскольку «чугунку» к Кольскому заливу требовалось проложить в кратчайшие сроки, то работы велись не последовательно «верста за верстой», а сразу по всей означенной геодезистами трассе. Требовалась целая трудармия, а собственно в России свободных рук не оставалось: кто в окопах, а другие за плугом, у станков и так далее. Тогда-то впервые появился военный стройбат, тем более, что этих-то рук имелось предостаточно на национальных окраинах. По законам империи призыву на любую воинскую службу не подлежали подданные мусульманского вероисповедания, не очень-то давно вошедшие в состав России. Только татары и башкиры, уже за четыре

сотни лет живущие вместе с русскими, такой привилегии не имели: вспомни «Поединок» Куприна. Поэтому-то желавших воевать из кавказских мусульман брали в армию только добровольцами — вошедшая в историю «Дикая дивизия» под командованием великого князя Михаила, брата царя...

— А вот это я прекрасно знаю: в отличии от тебя, Андреяныч, я в детстве застал своего деда, солдата-окопника на румынском фронте... в смысле, что Румыния в войну на стороне Антанты вступила, да тотчас под натиском мадьярских гусар покатила к Бухаресту. Пришлось русским дивизиям их фронт держать. Вот дед и рассказывал: влетает в окопы взводный поручик и командует: «Все оземь, пригнись! Сейчас казаки и «дикари» в прорыв пойдут!» Прилегли мы, Игореха, смотрим со дна окопа в небушко, а тут через нас орда перескакивает: донцы с генеральскими лампасами на шароварах, с пиками, с матом почище матросского, а за ними «дикари»: кто в черкесках, кто в халатах полосатых — с визгом, гортанными воплями, шашками кривыми машут. А мы вослед им, промчавшимся, выглядываем из окопов: на что уж мадьярские конники мужики стойкие, но и они перед ордой хвостами лошадиными замаха-ли. Извиняюсь, Андреяныч, перебил тебя, продолжай, пожалуйста.

— Словом, велели из Петрограда туркестанскому воинскому начальству забрить в стройбат и отправить на «мурманку» за два десятка тысяч киргизкайсаков и других племен среднеазиатских, кто наиболее приспособлен к землекопным и строительным работам. Отсюда и тот единственный за всю войну бунт. Самое паскудное, историки склоняются к тому, что восстание-то инспирировала... все та же «англичанка»? Значит, одной рукой помощь России, а другой — извечное ей противодействие в Средней Азии, как преддверию к «жемчужине британской

короны». Помнила крепко «англичанка», как император Павел ее напугал, двинув на Индию сорок тысяч казаков с песней: «Индя, Индя, голубая Индя, будешь нашей Индя!» — за что и принял в дворцовом перевороте, организованном Англией исподволь, свою преждевременную кончину Павел Петрович...

...Восстание быстро подавили, а мурманскую дорогу в отведенный срок построили. В планах значилась и ветка ее до моей исторической родины Полярного, тогда Александровска, основанного в последний год девятнадцатого века в качестве главной базы Флотилии Ледовитого океана с флагманом — героическим «Варягом», выкупленным царем у японцев, но революция имела много других забот.

Таким вот был первый ленд-лиз, Васильич: северный, мурманско-архангельский. Сравнительно безопасный: немцы тогда не имели баз в норвежских фиордах и гигантского подводного флота* Третьего рейха, не говоря уже об авиации.

— Про второй, уже с этим именем, ленд-лиз, Андреяныч, можно и не говорить. Ведь мы с тобой на свет этот появились, застав еще Иосифа Виссарионовича. Так что даже в сознательной жизни, не говоря о детстве — отрочестве — юности, были окружены сплошь ветеранами войны, которые восполняли в своих воспоминаниях, так сказать, «политкорректность» и идеологический, впрочем, верный, «уклон» нашего школьного и иного образования. Как помнишь, официально признанной полагалась цифра в четыре процента, как вклад ленд-лизовских поставок в общее военно-промышленное, сельскохозяйственное и всякое иное производство Советского Союза за годы Великой Отечественной.

* За годы Второй мировой войны с германских стапелей была спущена тысяча (!) подлодок, а к окончанию ее в Европе и вовсе каждые сутки вступала в строй новая *U-bote*, по оценке военных специалистов — лучшая подлодка того времени...

Но и это вовсе не умаляет вклад союзников, учитывая грандиозность затрат, поддержание и неуклонный рост нашего потенциала к окончанию войны. В архилиберальные и оголтело антисоветские «лихие девяностые», подмахивая, выражаясь по-солженицынски, Западу, наши «историки»-пиарщики эти четыре процента раздули аж за сто! Хотя и математик по одному из своих образований, но как-то не в силах сообразить. И общий их вывод в подметных «исторических сочинениях»: без ленд-лиза Советский Союз даже не то чтобы выиграл войну, но фюрер лично промаршировал по Красной площади в строгом соответствии с почасовым расписанием в плане Барбароссы... Даже, сукины дети, поленились даты заучить: в первый, самый трудный год войны ленд-лиз только начал набирать обороты, так что страна обходилась сугубо собственными ресурсами.

Нынешние же военные историки, приноровившись к иным указаниям власти, тотчас внесли поправку в свои размышления о ленд-лизе, не менее четырех процентов вклада и не более восьми-десяти. Кстати, упомянутый тобою Стеттиниус с чисто американских позиций какой цифры придерживается?

— Да почти такой же, умеренной.

— Ну и ладненько, как говорится, вашим и нашим. Но если в Первую мировую взаимные поставки велись только морским путем через Архангельск, а с шестнадцатого года и через Мурманск, то в Великую Отечественную, как сам прекрасно знаешь, по трем путям: двум морским, северным и тихоокеанским, и сухопутным — из Персидского залива железной дорогой через Иран, оккупированный еще в сороковом году советскими и британскими войсками. Последний, как полагаю, самый безопасный. Поэтому все габаритные грузы, те же паровозы, «доджи», «студебеккеры» и «виллисы», напрямую катились по персидской пустыне до рокадной железной дороги,

что на советской территории; кстати, построенной из уже готовых плетей рельсов со шпалами, снятыми с первого сталинского БАМ'а... А далее по Турксибу и через Каспий по назначению.

— Васильич, но самым оптимальным, говоря языком *твоей* математики, путем был тихоокеанский. Не зря же, как утверждают нынешние, внезапно помневшие, военные историки, именно через него половина всех поставок была осуществлена. Вторую же половину поделили равно Север и Иран...

— Одного не возьму в толк: а Япония с ее «вооруженным нейтралитетом», а ихние тогда Курилы, закупорившие вход в Охотское море? Ладно истребители по воздуху из аляскинского Анкориджа на Чукотку перегоняли. Через Петропавловск Камчатку «переваливали» на другой берег и уже в наше Охотское море... Как говорится, на перекладных и половина всего огромного по объему ленд-лиза? Что-то здесь не так.

— Так тихоокеанский путь начался во все увеличивающемся масштабе после Пира-Харбора, с сорок второго года, когда уже не в советском генштабе утро начиналось в ожидании сообщения о нападении самураев на СССР, но япошки своим синтоистским божкам в душе молились, чтобы русский сосед воевал бы себе с Германией, а о них до поры до времени забыл, прекрасно понимая: Япония не та страна, чтобы вести войну на два фронта, да еще Китай с мощью генералиссимуса Чан Кай Ши и северной армией Мао Цзе Дуна... Потому и терпели прямые рейсы ленд-лизовских «либерти», правда, под советским флагом, по линии Сиэтл — Владивосток. Деваться-то некуда!

Но самым коротким, в то же время сверхопасным, был северный путь. И здесь мне есть что рассказать...

— Конечно, расскажешь. Я уже предвкушаю почти что от «очевидца» услышать!

Возвратился с партхозак... тьфу-тьфу, с кварталных департаментских слушаний главный редактор независимой губернской газеты «Что посеешь» Бронекопытов и срочно вызвал к себе начальников отделов.

— Итак, господа, сегодня директор департамента озвучил последнюю установку отту-

да,— Бронекопытов многозначительно указал пальцем в потолок.

— Это какую же, Амвросий Бенционович? О толерантности или пропаганде озеленения города?

— Нет, Лгуньков. Дело намного серьезнее. И Лука Феофилович эту установку сообщил в свойственной ему афористичной форме: «Самое гибельное зло — изобличение зла!»

— Это как же понимать, Амвросий Бенционович, в смысле конкретики и оргвыводов?

— А так и понимать, Поплюйкин; кстати, это особенно твоего фельетонного отдела касается. Хватит тебе злопыхательством заниматься: то городской голова виноват в том, что водопровод советской постройки не на тысячу лет рассчитан, то купец первой гильдии Жиромясов не угодил тебе тем, что заводской клуб перестроил под публичный дом... все равно завод этот китайцам на металлолом продали в прошлом году. Все! Намотайте себе на ус, а Поплюйкин на бороду, и идите работать по новому.

...В следующем номере был помещен фельетон Поплюйкина о плохой работе дворовых общественных котов и кошек по отлову помоечных мышей и крыс.

— Напрасно иронизируешь, Васильич. Я как раз и есть очевидец... только не самого ленд-лиза, но его прямых *отголосков*.

◆ Заканчивалась последняя дошкольная, вольная весна Николки, маленького жителя маячного островка Седловатый*, что приткнулся к левому берегу Кольского залива почти на выходе его в Баренцево море, между губами Оленья и Сайда. Тож левобережными. На северной оконечности Седловатого высилось огромное, как иной цех завода, что Николка наблюдал из окна вагона, когда семья летом ездила в отпуск в «среднюю полосу», как это называли взрослые, здание маяка: с башней ревущей в зимние туманы «сирены», с колокольной могучего «рубинового» прожектора, всю долгую полярную ночь в неторопком вращении высвечивающем залив, оба его берега, идущие военные, торговые и рыболовные корабли и суда. В перерывах между пробирающим до коленной дрожи утробным рычанием «сирены» сквозь кирпичные стены машинного зала доносилась стрекотня дизельных установок, каждая высотой с два Николки и многометровой длины.

...В разгар прошлого лета, в день, когда Николка пригрелся на солнце у стены замершего почти на три месяца маяка, даже щурясь от отсвечиваемых водной гладью лучей, проходивший мимо по своим делам старший брат Толька остановился, одобрительно оглядел младшего, щегольски одетого в серый американский, клетчатый «комплект», то есть в один тон костюм, матерчатые ботинки и кепи — из ленд-лизских поставок десяти-с-лишнем-летней давности, тоже прищурился, глядя на широкий выхода залива в море, спросил Николку:

* О жизни дошкольника Николки см. книгу: Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

— Знаешь, что такое Северный полюс? — И, не дожидаясь ответа от разомлевшего на июньском солнце братишки, кратко и толково объяснил. — Понял, да? А сейчас вообрази: от места, где мы с тобой стоим, до самой точки этого полюса — через гирло, то есть выход, залива в Баренцево море, через него и льды океана — нет *ни единого* пятна земли!

Посвистывая на известный Николке мотив «ха-бара я-а-а, бродяга я-а-а», Толька направился к общему маячному жилому дому (их же семья занимала в нижней части острова отдельную избу; как многодетная, о семи душах вместе с родителями). Слова брата-семиклассника, то есть мыслящего здраво, почти наравне со взрослыми мужиками, столь крепко засели в голове Николки, что и посейчас, хотя почти год прошел, лишь только стаял снег на северном мыске острова — вниз под сопку со зданием маяка, — частенько подходил к самой воде, благо берег низменный и почти горизонтально уходил в тихую погоду под набегавшую морскую рябь, останавливался на самом краю, даже чуть замачивая подошвы ботинок, и до рези в глазах всматривался в даль, в линию горизонта, где залив переходил в море.

В эти минуты, порой затягивающиеся до получаса-часа, его совершенно не интересовал неизменный серый эсминец, что дежурил на входе в Кольский залив, утюжа эту, воображаемую Николкой, линию горизонта справа налево, разворот, слева направо. И военные корабли, гражданские суда, входящие в залив и покидающие его, не задевали интереса Николки. Он все пытался представить себе ту невидимую, туго натянутую нить, что поверх морской воды и льдов Северного океана, плавно изгибаясь над ними, связывает по кратчайшему пути его, Николку, и таинственный Северный полюс. И не единого пятка земли, даже единой вершочки выступающей из воды скалы нет на пути этой нити! Уже дома, для под-

тверждения своих давешних слов, Толька раскрыл нужную страницу школьного географического атласа и карандашом, но без нажима, прочертил эту нить-линию от Седловатого, которого, разумеется, на карте не было, брат условно обозначил его точкой на самом выходе из Кольского залива, каковой и сам в атласе значился тонюсенькой линией,— до отмеченного точкой схождения меридианов Северного полюса. «Вот смотри,— пояснял Толька,— прямой путь от нас до полюса проходит как раз между Землей Франца-Иосифа справа и Шпицбергенем слева. Он норвегам принадлежит, но на деле там шишку держит наш трест «Арктикуголь», что даже свои деньги, бумажные и монеты, выпускает...» Далее старший брат отвлекся на личное: со школой как завяжу, паспорт получу и буду на Шпицберген вербоваться. Рубль там на-а-много длиннее нашего. Опять же там собираются опыт объявления коммунизма проводить*. Это Николке малоинтересным показалось.

...Уже через пять-десять минут Николкиного всматривания вдоль невидимой тугой линии по курсу «Седловатый — Северный полюс» душу его охватывал восторженный трепет, да такой ощутимый, что щеки пылали, а ноги пониже колен становились как бы ватными, нечувствительными. Хотелось запеть, да так хотелось, что Николка до твердости сжимал губы и приклеивал язык к небу рта. Не потому что петь не умел, но Толька обучал его только хулиган-

* И провели в 70-х годах; почему-то остается малоизвестным фактом, а именно: был реализован коммунистический принцип «каждому по потребности». То есть в городе Баренцбурге — столице «Арктикугля» — в магазинах плату не требовали (вот не уточнил как с выпивкой и табаком дело было...). Знаю из «первых уст». Главное было, увидев въезжающих в город халявщиков-норвежцев, вовремя закрыть магазины «на учет»...

ским школьным песенкам. Стеснялся Николка в сторону героического Северного полюса непотребщину всякую произносить.

◆ Вот и сейчас, в окончании своей последней вольной весны Николка стоял у северной стены маячного здания, смотрел по линии «Седловатый — Северный полюс», но мысли все накатывали с грустинкой. Вот съездят летом в отпуск в родную отцову деревню на целых два месяца, вернутся, а через пару недель попутным гидроотдельским катером «аркашкой» мать отвезет его с Толькой в Полярный в школьный интернат, куда собирают учеников со всех бесшкольных мест севера Кольского полуострова: маяков, удаленных баз подводного флота, военных аэродромов, зенитных батарей, небольших рыбопромысловых поселков, становищ по-здешнему, еще от новгородских времен. ...И на весь учебный год, до следующего лета, если не повезет на каникулы до дома добраться. И дело не в катере, который гидроотдел или иное флотское ведомство безоговорочно выделит. Здесь как высадить маленьких пассажиров? Хорошо живущим на базах и в крохотных гарнизонах, становищах рыбацких — они все в гúбах расположены, защищены от бушующих волн, а все каникулы, как назло, от осенних до весенних и зимних новогодних посредине, приходится на обозленные шторма, вязкие и непроглядные туманы, суточные снежные заряды и ветра, ветра... Истинно еще новгородцы об этих местах говорили: от Колы до ада три версты. И на что опытный мореман командир катера РК <номер такой-то> — отсюда и «аркашкой» называют — в честно заслуженном звании главстаршины, но и он, завидев на траверзе крутобокий островок Седловатый, взятый со всех сторон в осаду ревущими, стонущими волнами шторма высокой балльности, посылает подручного салагу в пассажирский отсек объявить, что на Седловатый вы-

садки не будет. «Побьем катер ни про что...» — ворчит в досаде: сам понимает, какво это ребятам из интерната пройти мимо их дома, наблюдая как с каждой швартовкой катера в тихих губах все меньше и меньше их однокашников остается в отсеке, а в итоге вернуться в Полярный...

— Чего, Николка, размечтался?

Это отец вышел из маячного здания, где в преддверии полярного лета с незаходящим солнцем и полного отсутствия туманов затеяли регламентные работы с многосложным оборудованием свето-звукового маяка, гордости гидроотела Северного флота — перед всеми другими флотами и флотилиями СССР, где нет ничего подобного*. Вышел же Андреян покурить свою трубку на свежем воздухе. Но сначала протер испачканные при переборке одного из дизелей руки просоляренной ветошью.

— О школе? Об интернате? — Андреян раскурил трубку. И Николка сразу повеселел: технический запах из раскрытых дверей маячного здания тотчас вытеснился медовым ароматом «золотого руна», любимого и почти неизменного табака отца.— Брось! Год проучишься и попривыкнешь. Опять же защитник у тебя рядом — Толька. А там видно будет, младшие подрастают, тебя догоняют, будем иметь в виду переезд ближе к Полярному: на маяк Большого Оленьего острова или опять на Палагубский — там и вовеки на воскресенье домой рукой подать...

Но взбодренного медовым запахом Николку уже иное сейчас занимало:

— Пап, а зачем политотдельский катер с самого утра к нам причаливал? И матрос с него Федорова

* И сейчас маяк Седловатого в действии, но только в автоматическом режиме, с питанием от силовых радионизотопных установок. Причина отсутствия обслуживающего маяк персонала — нет желающих работать и жить в «подобных» условиях...

требовал, потом с ним на палубе какой-то офицер разговаривал?

— А я думал еще спишь. Ишь, разглядел! Это не какой-то, а подполковник Шулейка, замполит гидроотдела, мой крестник, тудыть его, еще по войне, что все в партию вступать звал и продержал за отказы в звании старшины второй статьи, едрен его... Объезжает сегодня все окрестные «точки», призывает к бдительности: завтра прямо перед нами, как в театре, между Зеленым и Торосом — отец ткнул рукой с дымящейся трубкой в сторону островов на норд-весте, где Кольский залив имел впадину в материк перед полуостровами Средним и Рыбачим — спектакль нам покажут: будут топить лендлизовские американские фанерные торпедные катера. Завтра с утра все сам и посмотришь. Ладно, мне пора к дизелю.

◆ О ленд-лизе Николка, впрочем, не зная даже приблизительно перевод этих слов на русский язык, слышал от отца достаточно. Особенно во время отпускных поездок семьи в родную деревню Андреяна, где тот отдыхал от десятимесячного «сухого закона», принятого на маяках и вообще во «владениях» Северного флота*, рассказывая в сельской чайной — с подачей водки — об особенностях службы в войну и нынешней мирной жизни в Заполярье. Взятый отцом с собой Николка пил без ограничения лимонад и прислушивался к рассказам Андреяна, в «сухой» маячной жизни сугубого молчуна, в свободное от маячных вахт и мужицких домашних дел время — охотник и читатель толстых книг.

Рассказать же Андреяну было чего: почти всю войну, исключая два раза по месяцу в госпитале Полярного и полгода в сорок пятом службы в Мурманске, провел он старшиной команды поста службы

* Отменили лишь в 1966 году.

наблюдения и связи, СНИС'а по-флотски, на острове Торосе — на входе в Кольский залив из Баренцева моря. В том же помещении поста располагалась и команда из числа союзников, в которой состояли англичане, американцы, даже канадец и новозеландский матрос. Кто-то из них всегда стоял с биноклем на наблюдательном мостике рядом с Андреем или кем-то из его команды, когда по заливу проходили суда «либерти» ленд-лизских караванов. Уже через полгода совместной службы обе команды научились сносно общаться на языке, несколько похожем на английский...

Был случай: в сильнейший позднеапрельский туман командующий Северным флотом адмирал Головкин позвонил из Полярного на пост и самолично приказал Андрею — «как хочешь и сумеешь, но разыщи мне английский крейсер «Эдинбург», который вроде как у *твоего* Тороса замер в тумане», а тот взял да и простоял весь недлинный световой день на мостике с биноклем и в случайном «разрыве» тумана, густого как овсяный кисель, уловил-таки профиль крейсера.* В открытую никто не говорил, конечно, но слухи на флоте не хуже как в деревне разлетаются: ведь вокруг только свои люди! Словом, всем было известно, что на «Эдинбурге» от мурманского причала вывозят в Англию большую партию золота — расплата за вроде как «бесплатный» во время военных действий ленд-лиз...

«Эдинбург» с золотом все же не дошел до своего Скапа-Флоу**, немцы потопили — за пределами

* Подробно история с «Эдинбургом» изложена в нашем рассказе «Серебряная ложка»; его легко найти (по поисковику) в Интернете — рассказ опубликован в нескольких литературных журналах.

** Главная база (Англия) Флота метрополии — *Home Fleet*; во Вторую мировую войну этим флотом командовали адмиралы Товей, Фрейзер, Хамильтон.

зоны ответственности советского флота, но Андреян успел получить за его обнаружение в Кольском заливе «За боевые заслуги», а сдружившийся с ним Джеймс Лэнг, переводчик из команды союзников на Торосе, и вовсе по своей линии, согласовав с кем следует, послал в Лондон представление Андреяна на орден Георга. Но какие ордена за крейсер, который потопили? По другой, «слуховой» версии орден Георга все же «пришел», но «затерялся в штабах».

«Главное ведь не награда, но твое, Джеймс, дружеское внимание», — успокаивал Андреян огорченного союзника.

...Когда же внимательно слушающие Андреяна (кто козыряет «длинной» заполярной сторублевкой, тому внимают!) в чайной деревенские мужики, сами вволю повоевавшие в пехоте, переводили разговор с личных заслуг и обид североморца на сами поставки ленд-лизовские, то Андреян почему-то, вскользь упомянув о разгрузке в мурманском порту американских танков, английских зениток, тяжелых пулеметов «кольт», прорве ящиков с «вторым фронтом», перекачке по шлангам из танкеров в железнодорожные цистерны тысяч кубов канадского льняного масла*, переходил на наиболее поразившее его воображение во время службы в Мурманске: «хеопсовы пирамиды», по его словам, сеток с какао-бобами. И далее пояснял, что этот груз на судах конвоев ленд-лиза исполнял двоякую роль. Во-первых, как сырье (Андреян до войны учился в молочном техникуме, потому говорил со знанием дела) для шоколадной промышленности, а шоколад, как сами воевавшие знают, — наипервейший сухпак, особенно для летунов и танкистов. Во-вторых же и в главных, полагая, что бобы эти англичанам с их колониями в Африке ни-

* В те времена на основе льняного масла изготавливали олифу высокостойкой краски для военной техники.

чего не стоили,— все суда «либерти» шли увешанные по бортам и надстройкам, на палубах тож навалено, сетками с ними. Попадет авиабомба в судно, снаряд из пушки немецкого рейдера или эсминца — гроздь сеток рассыпется от взрыва, а судно-то цело! Только от торпед подлодок такая «броня» не защитит... А на мурманских причалах после прихода очередного каравана и вырастают «хеопсовы пирамиды». Груз не самый стратегический, потому и вывозят на Большую землю, если в составе железнодорожном образуется пара-тройка товарных вагонов. «Не баловали нас на фронте шоколадом-то,— возразит иной мужик рассказу Андреяна,— куда же он девался, если такая прорва бобов союзниками доставлялась?» На что Андреян отвечал: да, мол, все наши кондитерские фабрики не в состоянии были перевести эти «хеопсовы пирамиды» в разряд шоколада. Опять же кроме какао требуется сахар и сухое молоко, что в войну тоже на деревьях не росло! Кроме шоколада часть бобов шла на порошок-какао, а остальное?

Здесь в серьезный разговор мужиков влезла буфетчица чайной Агафья, из дальней, как все в одной деревне, родни Андреяна: «Ну ты-то в войну на своем Севере обетовался, а вы, мужики, разве от баб своих не слышали: чем тогда промерзшие дрова в печках растапливали? Вот этими самыми бобами. Они сухие, как порох горят! Как немца в сорок втором отогнали, в сельмаг наш окромя карточного продукта начали и бобы эти завозить: бери сколько хочешь за копейки! Что с ними делать? — Никто объяснить не берется. Пробовали эти кухтыли в порошок долбить и в поило свиньям и коровам сыпать — так морды те воротят! Вот и приловчились зимой на растопку-то.

...Много чего малец Николка со слов отца и других маячников знал о ленд-лизе, не ведая о сем названии по-русски.

◆ Спозаранку на следующий день Николка, боясь опоздать к началу «спектакля», добежал до маяка — и был первым из зрителей: мужики все на регламентных работах в здании маяка, женщины по домам с малышкой и кухонной готовкой. Ребята школьного возраста в Полярном, в интернате. Только через неделю начнутся летние каникулы, привезет их на Седловатый гидроотдельский катер-«аркашка». Жалеть будут, что такое пропустили!

Меж тем у левого берега залива, между островами Зеленым и Торосом уже стояли вроде как не попад расставленные ленд-лизовские фанерные торпедные катера. Почему фанерные, а не стальные, как наши послевоенной постройки? — И это со слов отца Николка прекрасно знал: в боевых действиях такой корабль полагается «смертником», от силы две-три атаки переживет. Его задача — на тихом ходу, маскируясь выступами береговых мысов, подкрасться как можно ближе к вражескому кораблю, затем на курьерской скорости выйти на цель и выпустить в нее обе торпеды, что по бортам на палубе в пусковых установках-трубах находятся. Затем лихой разворот и... помогай морской бог! — успеть скрыться от снарядов пушек торпедированного, особенно если не попал, немецкого корабля. Единственная защита — это скорость и закрывающий — для противника — катер высокий бурун из-под винта. А от авиации — крупнокалиберный зенитный пулемет поверх рубки. Все одно стальной корпус слабо поможет в неравной схватке, поэтому практичные американцы и клепали сотнями торпедные ленд-лизовские катера из толстой, многослойной фанеры с пропиткой.

...Утренний прилив закончился, поэтому приговоренные катера без единой живой души на их бортах стояли на воде недвижимы, без сноса в какую-либо, северную или южную, сторону. Тем более, погода безветренная, поверхность залива зеркальная.

Уже когда действие началось и мужики вышли для любопытства из здания маяка, Федоров, как он сам оговорился, «выдал военную тайну», в свою очередь, услышанную им от потерявшего от счастья (накануне пришел приказ о производстве в «черношинельные», политотдельские полковники!) бдительность Шулейки: катера всю ночь, уже почти светлую заполярную, выводили буксирами на расстрельный рейд со снятыми на полярнинском военно-судоремонтном заводе СРЗ-6 двигателями.— В хозяйстве все пригодится! Сталин приучил с пользой для страны на всем экономить. Еще начальник маяка Федоров пояснил — уже безо всякой тайны, — по-маршальски плавно обведя рукой правый берег и выход в море Кольского залива, что сегодня «до окончания стрельб по плавучим мишеням» (явно со слов Шулейки!) гражданское судоходство приостановлено, то есть из Мурманска отплытие придерживается, а извне, с моря, суда приостановлены, в дрейфе лежат. Как понял Николка из разговора маячников, сделано это не из-за какой-либо секретности, наоборот (опять же Шулейка Федорову сказал), американские и английские наблюдатели специально привезены... мол, без дураков, всерьез топить станем, но чтобы невзначай не повредить проходящее торговое или рыболовное судно.

Сложнее Николка, которому только-только исполнилось семь лет, было понять все из тех же разговоров маячных мужиков под отдаленный грохот «морского боя»: по какой причине топят хотя и фанерные, но ведь доселе бывшие на ходу, торпедные катера? Это значит, что такое же число катеров, уже стальных, нужно будет дополнительно построить для советского флота? Получалось же из услышанного Николкой, что по ленд-лизинговскому договору между нашей страной и союзниками, прежде всего американцами, какая-то часть поставок военного времени

оплачивалась нами — отсюда и английский крейсер «Эдинбург» с советским золотом, оружие же всех видов — от стрелкового до самолетов и кораблей, — если оно приведено в полную негодность, уничтожено во время войны — как говорится, за счет союзников. Но все, что из поставленного союзниками, причем не только вооружения, осталось в целостности, или еще не использовано, после окончания войны — для Советского Союза этот срок продлевался до капитуляции самураев, — подлежало оплате, хотя и неполной. Понятно, платить по счетам — не в долг брать, дело неохотное. Вот и рачительный хозяин страны Сталин, а за ним хотя и нарочито дураковатый, но по-хохлацки прижимистый Никита расплачиваться с американцами не торопились.* К середине пятидесятых годов, в самый разгар «холодной войны», наши власти сделали очень мудрый шаг. Поскольку поставленная в войну союзниками техника уже устарела, а советский военпром, разогнанный до курьерской скорости Сталиным, выдавал на гора все новые и новые образцы «изделий», то необходимость в ленд-лизинговом оружии отпала. И решено было ее уничтожить. Дескать, господа натовцы, и вашим и нашим: для вас — всегда радующее сердце <якобы> снижение боевого оснащения Советской армии, для нас — не платить на основании: а за что платить-то? За металлолом? Так самовывозом и забирайте его себе!

...Примерно в таком смысле, «переведенном» в точные словоопределения значительно позже уже старшим школьником Николаем, и понял герой на-

* Насколько автору помнится из шумливой прессы «лихих девяностых», окончательный долг СССР за ленд-лизинговые поставки был все же выплачен в те достославные годы, когда Россию новые ее властители продавали оптом и в розницу; как же священный долг Старшему Брату не возвернуть?! Нда-а, было такое в ранней истории России...

шего повествования причину расстрела на рейде фанерных американских «торпедников».

◆ Как то свойственно для неустойчивой погоды тех мест на черте весны и лета, на другой день штиль на море сменился коротким по времени, но ощутимым штормом. А здесь и катер гидроотдельский доставил из Полярного седловатовских школьников. Николке завидовали, как очевидцу-наблюдателю образцово-показательного потопления американских катеров, о котором в городе только слышали от одноклассников из семей флотских офицеров. Зато все более или менее пологие берега Седловатого, особенно в отлив, заваленные в шторм деревянными останками разбитых в щепу катеров, одинаково доступны для героя дня Николки и отсутствовавших в оный день на острове ребят-школьников. Впрочем, ничего интересного для их интереса не попадалось. Только Витьке Федорову (на то и сын начальника маяка!) повезло: завладел обломком приборной панели с непонятного назначения стрелочным прибором-индикатором.

...Уже овладевая начатками грамотности в первом классе полярнинской школы, Николка слушал в интернате бахвальство Вовки с маяка мыса Лодейного, что севернее острова Тороса, якобы нашедшего после того шторма на отмели оранжевой окраски спасательный жилет с латунной биркой *U.S.Navy*, то есть «Флот Соединенных Штатов». Мало Николка ему поверил: вряд ли такую полезную в флотском хозяйстве вещь могли просмотреть «раскулачивавшие» катера перед выводом на потопление интенданты! Но с другой стороны... откуда второкласснику с Лодейного маяка знать как выглядят американские спасжилеты и начертание букв английской надписи? Темное дело, решил Николка и далее оставил все ненужные размышления на этот счет.

В ночь за потоплением ленд-лизовских торпед-

ных катеров Николке приснился яркий — по облику самых мелких деталей шутейного сражения — сон, который далее несколько раз повторялся. Понятно, во сне том дневные впечатления приукрасились всякими додумками, на которые горазд мозг спящего человека, впечатлительного пацаненка тем более, но в общем-то все соответствовало картине происшедшего, на просмотре которой Николка и маятники Седловатого, как в зрительном зале, сидели в первом ряду.

Не только в снах, но и наяву воображение повторяло в голове Николки то погибельное для безлюдных американских катеров нарочитое сражение. Случалось это в часы мучительной тоски по родному дому, по крохотному островку Седловатому школьника-интернатовца. Пока к окончанию Николкой шестого класса семья-таки перебралась в Полярный.

Видение же наяву означивалось следующим образом. Узнав от интернатовских однокашников, что весь вид на выход из Кольского залива — чему в городе мешал остров Екатерининский, наглухо закрывавший для взора север, — можно получить только взобравшись на самую высокую сопку, слева отделяющую собственно Полярный с Екатерининской гаванью от губы Пала, на берегу которой располагался СРЗ-6 с его доками, цехами, кранами. Сложно, а по мнению взрослых и совершенно опасно для младшего школьника, было Николке взобраться бездорожно, но зато по затвердевшему в феврале от нескончаемых ветров с морской солоноватой влажностью снежному насту на стопятидесятиметровой высоты сопку. С вершины же ее в тихую погоду, в свете уже поднимающегося после темени полярной ночи над горизонтом, хотя и невысоко, кирпично-красного солнца и открывался этот волнующий душу Николки вид.

Как с любой высоты все лежащие внизу «под ногами» смотрится плоским и с увеличением дальности

сти взора уходящим как бы ввысь, так и перед Николкой за Екатерининским островом, как закопченное зеркало, иссиня-темная водная гладь поднималась все выше и выше, пока он переводил глаза от укутанного в сплошной снег Екатерининского, за ним и впритык острова Большой Олений, на маяк которого их семья вскоре переедет, далее на выход из губы Оленьей... а вот и Седловатый! — Как маленький крутобокий пирожок, щедро присыпанный сахарной пудрой, что одиноко лежит на столе, покрытом темно-синей клеенкой. И клеенка есть такая, и выпеченные матерью пирожки с пудрой... Но все это дома, на Седловатом, где мать, отец с бородой лопатой, пропахшей медовым табаком «золотое руно», двое младших братьев, еще не удостоенных звания школьников... Слезы навернулись на глаза — верно мать говорит: тоска хоть плачь.

Комки к горлу подступают. Чтобы в пугающем одиночестве на вершине заснеженной сопки не разревется, Николка уже заученно оторвался от вида Седловатого и перевел взор выше, севернее, мористее, как это называла мать на своем поморском архангельском наречии, на водную пустошь между островами Зеленым и Торосом. Снова сделав над собою усилие, отгонял тоску по дому, представил себя в первом ряду всплывшей наяву картины сражения вооруженных кораблей с обреченными, безоружными. Уже в который, почти что бесчисленный, раз прокручивал Николка в себе и для себя, для своей тоскующей по дому души, эту великолепную картину, уже ставшую для него как-то раз просмотренной кинокартиной, накрепко и нацело запавшей в память.

...Обреченные и разоруженные, лишенные матросских команд катера расставлены не как попало. Многие штабные каперанги* и командиры эскадр в

* Капитан первого ранга (флотск.)

Полярном* долго совещались и составляли диспозиции военных учений с поражением реальных, хотя бы и не сопротивляющихся, целей — для оттачивания мастерства нанесения ударов в приближенной к боевой обстановке.

Видал Николка своими глазами в тот последний предшкольный год, а затем в повторах во сне и в грезах наяву на вершине заснеженной сопки, как кильватерным строем, а затем рассыпавшимся флангом, на полной курьерской скорости с трехметровыми бурунами за кормой собратья обреченных — советской постройки стальные торпедные катера, маневрируя, уклоняясь от условного ответного огня, подбегали к целям, выплевывали уже настоящие, боевые торпеды, затем резко, с критическим наклоном бортов, разворачивались и уходили прочь. Опять же от условного ответного огня. В это время от удачного попадания в высоченном водяном столбе разлетались в щепу фанерные ленд-лизские «торпедники»... хотя бы со времени войны нам верно служившие. Бей своего, чтобы чужой боялся! Стоявшие поодаль, ближе и дальнему правому берегу Кольского залива, эсминцы и крейсер вели пушечный огонь. И... то ли это в самом деле имело место быть, а может и сон Николке приукрасил и расширил действия, но мнилось ему наяву, как в середине залива выскочили из водных недр две торпеды и пошли на цели — значит, подводные лодки задействованы.

В небе со стороны аэродрома дальней бомбардировочной морской авиации (потом получит имя Сафонова) показались и самолеты. Но для них акватория сражения явно маловата, то есть просто, не бомбя, отрабатывали маневры захода на морские цели.

В считанные пару часов все завершилось. Спо-

* В описываемое время Полярный еще являлся главной базой и центром Северного флота.

койные в тот день, зеркально отсвечивающие воды залива, успокоившись от взрывов, покрылись тысячами мелких, не тонущих обломков.

Уже проживая последний год на маяке Большого Оленьего, готовясь с этого лета стать жителем Полярного, шестиклассник Николай в весенние каникулы с двустолковой-«ижевкой» шестнадцатого калибра прохаживался по берегу широкой, но мелководной, с выступающими камнями, островной бухты. Без особой охотничьей цели бродил, ибо зимняя птица, те же гаги, уже улетела, а крупные береговые кулики еще не появились. Снег по берегам бухты пожелтел и прожух. Солнце явно намекало на близкую весну. Первыми это почувяли обитатели бухты: метр-полтора глубины по краям пропускали солнечные лучи до усыпанного ракушками и галькой дна. Вот и краб из своей норы выполз на свет... Надо сказать, что если на Черном море бычки свежего приготовления считаются почти что деликатесом, а на Дальнем Востоке японцы за большие деньги объедаются камчатским крабом, то на кольском Севере их ближайшие родичи (не японцев, но бычков и крабов) полагаются самыми презренными ничтожествами из водоплавающих. Если на крючок рыбака-удильщика попадет бычок, петух по-тамошнему, то летит с проклятьями обратно в воду. И северный краб потщедуще камчатского, промыслового значения не имеет, и никому даже в голову из живущих на островах и материковых берегах не придет мысль о съедобности этого ракообразного! Истинно, в каждом монастыре свой устав.

И этот предвесенний краб только потому уловил на себе взгляд серьезного шестиклассника Николая, что полз он по береговому дну не по песку и гальке, но по полуметровому неровному обломку доски, явно когда-то окрашенной и полаченной, а с другого конца различался прикрепленный овальный шильдик,

говоря по-флотски, из непокрытого коррозией белого металла — что-то навряде тех инвентарных номеров, что шурупам приворачивают на боковые стенки казенной мебели. Как у них в школе и интернате. Заинтересованный Николай не поленился, вспугнув робкого краба, подручной палкой, выступавшей из подтаявшего у самой воды снега, подвести обломок доски к берегу, ухватить его и вытащить. Явно доска с боковыми пазами была от какого-то приборного кожуха. Оттерев же шильдик полкой своего ватника, Николай действительно разобрал на нем номер и надпись: *U.S.Navy*. Усмехнулся рассудительно среднестарший школьник, вспомнив виденное много лет назад с северной оконечности Седловатого образцово-показательное потопление фанерных американских торпедных катеров: вот он, *последний отголосок ленд-лиза!**

* Но вот что совершенно непонятно автору: по какой такой причине, спустя двадцать лет после окончания войны, в городе Полярном во всех продуктовых магазинах на полках стояли рядами двухлитровые жестяные банки с вкуснейшим конфитюром из айвы, причем на банке написано по-русски «Конфитюр из Айвы», то есть штата, а не фрукты-ягоды... Изготовлено в США.— Каково это в самый разгар «холодной» войны? — Может чисто торговая «составляющая» ленд-лиза еще действовала? Молчит история.

Князь тьмы Вельзевул в свободное от управления миром время любил часок-другой отдохнуть, поразвлечься с людишками из числа тех неразумных, что никак не могут освоиться с новыми реалиями этого не лучшего из миров под солнцем и луной. Сметая рогатый и крылатый бестия, слушая вопли несчастных. «Так вам, голубчики, и надо, все одно не поумнеете, так хоть меня, старика, порадайте своими мучениями»,— бормочет матерый садист. Отдохнув, возвращается в свой рабочий кабинет, садится за стол, раскрывает ноутбук, подключенный к Интернету: «Так, так, сначала доклады от территориальных главнуправляющих, потом сводка суточных новостей. А ночью, когда мозг наиболее остро работает, время указаний на следующие сутки». Иногда, заработавшись, напевает князь тьмы на мотив из известной оперы Шарля Гуно, но со словами от старорусского поэта Федора Сологуба: «Ах, боже, сколько скуки в искусстве палача, не брать бы вовсе в руки тяжелого меча». Прислужник, время от времени приносящий в кабинет для проголодавшегося шефа кофе на серной кислоте и бутерброды с копчеными соловьиными языками, слышит это напевание и радуется за хозяина: «Ого! Опять какую-нибудь пакость придумал для блага человечества»... А наутро все мировые информагентства первой строкой сообщают, что лопнул крупнейший транснациональный банк, начали братоубийственную войну два африканских государства, выливается в пандемию ранее неизвестный смертоносный вирус...

Совсем не спит Вельзевул, некогда ему спать, ведь хозяйство-то у него какое огромное? Только и позволяет себе часок-другой поразвлечься с людишками — марионетками своей глупости и общечеловеческого порока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Современная литература как салонный вид творчества (Вместо предисловия).....</i>	5
Кастальский ключ из водопровода (Историческое сказание от Гостомысла до наших дней).....	16
Французский синдром, или новые луддиты.....	172
Ветер западный, оцифрованный.....	212
Константиновский рублевик на Шелковом пути (Из жизни коллекционеров).....	250
<i>Завершающая новелла: ностальгия по неоцифрованным временам</i>	
Отголоски ленд-лиза.....	298

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

ЖИТИЕ
НАШЕ ОЦИФРОВАННОЕ

18+

ISBN 978-5-604-1722-7-8

Редактирование и корректура А. А. Яшин
Компьютерный набор Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета С. В. Никитин

Издатель: Академия российской литературы.
ООО Литературное сообщество «Новые Витражи»
105062, Москва, ул. Покровка, 45, корп. 4, к. 10
E-mail: dauria-vl@yandex.ru; тел. +7-926-850-36-05

Подписано в печать 01.08.2019 г.
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ.л. 16,0.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Академу».
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел./факс: +7(4872) 49-73-73
E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
<http://www.grif-tula.ru>

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Литинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года и член Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Автор 31 книги прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. городов. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегии ряда московских, белорусских и региональных периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого (дважды), А. С. Грибоедова, Г. Р. Державина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса»; белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного. Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер орденов «Г. Р. Державин», «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления. Литературное творчество совмещает с научной работой. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, Почетный радист России, лауреат премий Тульского комсомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен ряда почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный деятель науки и образования». Почетный изобретатель Европы и Почетный деятель науки Европы (Ганновер). Биография А. А. Яшина опубликована в нескольких десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008) и статью в «Википедии».